



МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ
И РАСПРОСТРАНЕНИЮ
СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

ВЫПУСК 26

Институт славяноведения и балканистики РАН

Москва, 1992

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ
СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР**

Президент МАИРСК С. Вольман (Чехословакия)

Вице-президенты: М. Басай (Польша), С. Грачютти (Италия), А. Джурова (Болгария), В. Злыднев (Россия), С. Маркович (Югославия), Н. Нильтсон (Швеция), Г. Роте (ФРГ), Г. Цигенгейст (ФРГ)

Члены Бюро: Г. Вервес (Украина), З. Константинович (Австрия), Ф. Конт (Франция), С. Марцелев (Белоруссия), М. Партридж (Великобритания)

Секретарь Л. Бенешова (Чехословакия)

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ**

ВЫПУСК 26

Институт славяноведения и балканстики РАН
Москва, 1992

Выпуск подготовлен
Центром информации и документации МАИРСК:
Ю. РИТЧИК, Е. ГРОМОВА

Российская Федерация – Россия, 117334, Москва, Ленинский пр., 32^а
Институт славяноведения и балканистики РАН

Издается два раза в год на русском и английском языках при финансовой
поддержке ЮНЕСКО

© Международная ассоциация по изучению
и распространению славянских культур, 1992

ISBN 5-201-00769-4 © Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992

От редакции

Очередной 26-й выпуск "Информационного бюллетеня" Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур ЮНЕСКО вновь, как и предыдущий 25-й, является тематическим. Он посвящен истории и проблемам перевода Библии на славянские языки. В сборник вошли материалы, подготовленные сотрудниками Института славяноведения и балканистики Российской академии наук для международной конференции по библейской истолковке, проведенной Российской Библейским обществом в 1992 году. Редакция надеется в дальнейшем продолжить публикацию материалов по данной проблеме при содействии Российского Библейского общества.

ОБ АПОСТОЛЬСКИХ ЧТЕНИЯХ
В СОСТАВЕ СИНАЙСКОГО ЕВХОЛОГИЯ
(в связи с последними открытиями
в монастыре св. Екатерины на Синае)

В. Ефимова

В 1975 г. в склепе церкви св. Георгия в монастыре св. Екатерины на Синае было обнаружено целое собрание древних рукописей – греческих, арабских и славянских. Систематическое изучение славянской части нового собрания началось только в мае 1982 г., когда монастырская братия решилась доверить исследование славянских рукописей И. Тарнанидису, профессору Солунского университета. За несколько лет проф. И. Тарнанидис проделал колоссальную работу, рассортировав, сфотографировав и классифицировав 41 славянскую рукопись XI–XV вв. Результатом этого труда явилась вышедшая в 1988 г. монография¹.

Особую ценность для славистов представляет последний раздел монографии, в котором воспроизведены прекрасные фотографии нескольких древних славянских рукописей из нового собрания – двух глаголических и трех кириллических. Публикация фотографий уже сейчас делает эти тексты доступными для исследования. Одна из опубликованных таким образом рукописей представляет собой часть (точнее, недостающие части общим объемом в 28 листов) хорошо известной старославянской глаголической рукописи XI в. – Синайского евхология. Несомненно, изучение недавно найденной в монастыре св. Екатерины части Синайского евхология – древнейшего славянского сборника литургического содержания – обещает уникальную информацию славистам разных специальностей. В настоящем сообщении я хочу остановить внимание только на одном из важнейших результатов этого открытия. Листы с 13 по 28 содержат записи апостольских и евангельских чтений на дни недели и на ряд церковных праздников. Среди этих записей находим 13 отрывков из Апостола. Длина отрывков совпадает с объемом апостольских чтений, включаемых обычно в богослужение, и, следовательно, совпадает с длиной отрывков в пракс-апостоле. Выбор апостольских чтений на церковные праздники соответствует известным типиконам. Однако выбор чтений на дни недели уникален: на среду положен отрывок 2 Кор. 6, 16–18 и 7, 1, на четверг – Рим. 12, 1–3, на пятницу – 2 Кор. 4, 6–15, на субботу – Ефес. 5, 8–19, на воскресение – 2 Кор. 9, 6–11. Вместе с тем указания в рукописи – въ сръд⁸, въ че⁷врътъ⁹къ, въ пѧ¹⁰къ и

т. д. совершенно отчетливы и не вызывают никаких сомнений.

До недавнего времени наиболее древними из известных славянских списков Апостола были списки XII в.: Охридский и Слепченский пракс-апостолы болгарского извода, Христинопольский апостол (апостол полного текста) русского извода, Михановичев пракс-апостол (фрагменты) сербского извода и Гершковичев отрывок (фрагмент апостола полного текста) сербского извода. И если для изучения истории славянского перевода Евангелия исследователи располагают четырьмя старославянскими кодексами и рядом фрагментов, написанных на старославянском языке, то до недавнего времени в нашем распоряжении не было ни одной старославянской рукописи Апостола. В 1960 г. была найдена рукопись Енинского апостола, которая до сих пор считалась самым древним списком славянского Апостола. Сейчас является общепринятым датировать - рукопись Енинского апостола концом XI в. и признавать язык, которым она написана, старославянским. Однако в сравнении с другими старославянскими рукописями, рукопись Енинского апостола относительно поздняя, стоит на границе между старославянскими рукописями и раннесреднеболгарскими и, как известно, ряд ученых даже высказывал сомнения в правомерности отнесения Енинского апостола к собственно старославянским рукописям². Запись апостольских чтений в Синайском евхологии по меньшей мере на несколько десятилетий древнее, находится в составе бесспорно старославянской рукописи, сделана бесспорно старославянским языком, с соблюдением всех орфографических норм и особенностей, характерных для рукописи Синайского евхология.

Всего в недавно найденной части Синайского евхология сохранилось 80 апостольских стихов. Эта часть естественно продолжает известную рукопись Синайского евхология, которая обрывается на чтениях на понедельник, включающих апостольские чтения Ефес. 4, 1-7. Недавно открытая часть начинается с чтений на вторник. Из апостольского текста читается только стих 6-й из 5-й главы Послания ефесянам, так как этот лист довольно сильно испорчен. Остальной апостольский текст хорошо сохранился и прекрасно читается по фотографиям рукописи, опубликованным в монографии И. Тарнанидиса. Таким образом, всего в составе Синайского евхология насчитывается 87 апостольских стихов, и, хотя по количеству стихов это почти в три раза меньше, чем в Енинском апостоле, объем апостольского текста в составе Синайского евхология сопоставим с объемом

текста в составе Синайского евхология сопоставим с объемом текста в Енинском апостоле. Необходимо учитывать, что рукопись Енинского апостола сильно испорчена и, как известно, во многих случаях из целого чтения читается буквально одно-два слова.

Открытие любого, даже небольшого фрагмента рукописи, написанного старославянским классическим языком, важно для старославянской лексикологии и лексикографии. Действительно, в тексте апостольских чтений в составе Синайского евхология находим ряд лексем, ранее неизвестных по старославянским рукописям X-XI вв.: *оуобщити сѧ* (Евр. 2, 14), *поконъникъ* (Евр. 12, 2), *прѣкословиye* (Евр. 12, 3). Однако еще большее значение имеет открытие старославянского апостольского текста в качестве источника новых данных для решения проблемы кирилло-мефодиевского перевода Апостола и его последующего редактирования. К сожалению, непосредственное сопоставление текста апостольских чтений из Синайского евхология с текстом Енинского апостола невозможно, так как состав чтений в этих рукописях не совпадает. Предварительное же сравнение с рядом известных древнейших славянских списков Апостола дает довольно пеструю картину текстовых и лексических сходств и расхождений³.

При наличии разночтений для текста в Синайском евхологии характерен, как правило, более архаичный или общестарославянский (в противоположность преславскому) лексический вариант. Ср., например: 2 Кор. 4, 7: *въ складильныхъ съсъдѣхъ Евх, въ складыльныхъ съсъдѣхъ* Слеп, Мат, Шиш, *въ складелныхъ съсъдѣхъ Церк, Карп – въ глиныныхъ съсоудѣхъ* Христ, Толк, Толст; Ефес. 5, 10: *что есть годѣ... Евх, Охр, Слеп, Христ, Толк, Церк, Карп, Шиш, – что єсъ благоугодно... Мат, Толст* (ті єоти єуафетов); Ефес. 5, 12: *бывающа т[аи] Евх, бывающа таи Охр, бывающа бо таи Христ, Толк, Церк, Шиш, бывающа бо таи Карп – бывающе бо имы отаи Мат, бывающее бо ми отаи Толст; Ефес. 5, 19: въ п'салъмѣхъ и п'ни[ихъ]и п'снехъ дховъныхъ Евх, Слеп, Христ, Толк, Церк, въ п'сальмѣхъ. и въ п'нихъ Мих, въ фалмѣхъ дхоныхъ Охр – въ п'снехъ и хвалихъ. и гласѣхъ дховныхъ Мат, въ п'снехъ и въ хвалихъ. и въ гласѣхъ дхвьныхъ Толст; 2 Кор. 9, 7: *не отъ скръби. ни отъ бѣды Евх, Охр, Христ, Толк, Мат, Карп, Шиш, ни от скръби ни от бѣды Слеп, Церк – не от печали. ни не от нужа Толст; Гал. 4, 7: аще ли снъ и наслѣдникъ бжѣи Евх, Охр, Слеп, Христ, Толк, Церк, Шиш – аще ли снъ то причестыникъ бжии Мат, аще ли снъ і при-**

ЧАСТЬНИКЪ Карп, аще ли сѣ. и причастникъ бѣи Толст (хлпrouбос); Тит. 3, 7: наслѣдници бѣдемъ Евх, Охр, Слеп, Христ, Церк, Карп, Шиш – причастники бѣдемъ Толст (хлпrouбом); Ефес. 4, 1: достоинъ ходити Евх, Охр, Слеп, Христ, Толк, Церк, Шиш – пѣдбнѣ ходити Мат, Карп, Толст; Ефес. 4, 2: съ въсѣкою съмѣренїи мѣдрости Евх, Христ, Толк, Шиш, въсѣкою смѣреною мѣдрости Слеп, съ всею смѣреною мѣдростию Охр, Церк, Мат – съ всѣмъ смѣреніемъ смысломъ Карп, съ всѣмъ смиреномъ смысломъ Толст (мета лаотс талеуофрофунтс); Ефес. 4, 4: юкоже и зъвани бысте. въ едино оупъваніе. зъваниѣ вашего Евх, ...въ единомъ оупвани... Охр, Слеп, Церк, ...въ юдиномъ оупвани... Христ, Толк, Шиш – юкоже и възвани бысте. юдиною надеждею. възваниѧ вашего Мат, Толст; Тит. 2, 13: блаженааго оупъваніи Евх, Охр, Слеп, Христ, Церк, Карп, Шиш – блаженныя надежа Толст; Тит 3, 7: по оупъванью жизни вѣчныи А Евх, Охр, Слеп, Христ, Церк, Карп, Шиш – по надежи... Толст; Евр. 12, 2: възираѧще на поконьника вѣрѣ Евх, Охр, Слеп (56 5), Христ, Церк, Мат, Шиш – възираѧще на зачалъ[ль]ника вѣрѣ Слеп (1246 19), възираѧще къ начальнику вѣрѣ Карп, Толст; Евр. 12, 2: о стoudѣ нерождь Евх, Охр, Христ, о стoudѣ же нерождь Церк – стoudь прѣобидѣвъ Мат, Карп, Толст; Евр. 12, 10: а съ на пользы. причастити сѧ сѣни его Евх, Охр (а съ опущено), Слеп (2 раза), Церк, а съ на пользу, причести сѧ стѣни юго Христ, а съ на лъзоу причестити се светыни юго Шиш – а тъ на строиное въприятие стѣни юго Мат, Толст, настроенное въприятие свѣтлости его Карп; Евр. 2, 14: і ты искрь причасти сѧ тѣхъ Евх – и ты искрѣненъ причасти сѧ тѣхъ Охр, и тъ ближе причасти сѧ тѣхъ Христ, и тъ прискрѣно причасти сѧ тѣхъ Церк, и тъ прискрѣно причести се тѣхъжде Мат, и тъи прискрѣно причасти сѧ тѣхъжде Шиш, и тои близъ причасти сѧ тѣхъже Толст (καὶ αὐτὸς λαραллημέν μετέσχεν τῷ αὐτῷ).

Вместе с тем нельзя не отметить случаев замены в тексте апостольских чтений в Синайском евхологии архаичных лексем, а также лексических совпадений с относительно поздними списками при расхождении с более ранними. Ср., например: 2 Кор. 4, 15: множашиими похвалы избытьчествить въ славу бжїи Слеп, Христ, Толк, Церк, Шиш, множашиими. похвалю избытьчествоують въ славу бжїю Мат – множишиими похвалами. изъобилоуетъ въ

славъ бжитъ Евх, Карп, многими. похваление из-
волить въ славу био Толст; 2 Кор. 9, 8: всъкъ
блгдьтъ. избыточествовати въ васъ Охр, Христ, Церк,
Шиш, въ всдкоу блгдьтъ избытьчествовати въ
васъ Толк, всакомоу блгдьтъ избытьчествовати въ
васъ Мат - во в'съкъ благодѣть изъобиловати въ
васъ Евх, Карп, всъкъ блгдьтъ. изобиловати въ васъ Слеп,
всю бо блгдьтъ изъобилити въ васъ Толст; 2 Кор. 9, 8:
избытьчъствоете въ всъко дѣло блгдо Слеп, Христ,
Толк, Церк, Мат, Шиш, изъбыточъствоуащъ. всъко
дѣло благо Охр - изобилоуете во в'съко дѣло благо
Евх, Карп, изобилуете. во все дѣло благо Толст⁴; 2 Кор.
7, 1: отъ всъко сквръны. плтъскы⁵ и дховны⁶
Охр, Слеп, Христ, Мих, Толк, Церк, Мат, Карп, Шиш. - отъ
в'съко сквръны. плтъны⁷ и дховъны⁸ Евх, отъ
всея скверны плотны⁹ и дшвны¹⁰ Толст; Тит. 2, 12:
плтъскыхъ похотей Охр, Христ, Карп, Шиш, плтъс-
кихъ похоти Слеп, Церк, - плтъныхъ похоти Евх,
Толст; Гал. 4, 4: сна своего иночадааго Охр, Карп, Шиш -
сна своего единочадааго Евх, Церк, Мат, снъ свои
единочадыи Христ, Толк⁵.

Как известно, Г. А. Воскресенский все древнейшие списки Апостола считал принадлежащими к одной первоначальной южнославянской редакции, относя возникновение второй редакции славянского текста Апостола уже к XIV в., причем на русской почве. Типичным представителем Апостола второй редакции он считал Толстовский апостол XIV в. Все остальные списки Апостола, взятые нами для сопоставления, Г. А. Воскресенский относил к первой редакции (за исключением Матичина и Церколезского списков, которые в то время еще не были известны)⁶. Однако уже в начале века рядом русских, а затем и болгарских исследователей было высказано предположение о возникновении второй редакции славянского Апостола еще в эпоху царя Симеона (т. е. в начале X в.) в Преславе. В настоящее время существование второй преславской редакции X в. считается в науке доказанным фактом⁷. Возможно, история редактирования славянского текста Апостола была еще более сложной, чем представлялось до сих пор. Уже С. М. Кульбакин в своем исследовании Охридского списка пришел к выводу, что древнейшая редакция Воскресенского скрывает в себе довольно сложную историю кирилло-мефодиевского перевода и что различия между Охридским списком с одной стороны, и Карпинским, Шишатовацким и Христинопольским с другой стороны, порой восходят к различиям греческого оригинала. С. М. Кульбакин отмечал также более свободный перевод в Охридском

апостоле и большую зависимость от греческого оригинала других древнейших списков⁸. Мнение С. М. Кульбакина поддержал и Г. А. Ильинский, присоединив изданный им Слепченский список к группе более поздних списков и противопоставив его Охридскому⁹. При сравнении апостольского текста в Синайском евхологии с текстом списков XII-XIII вв. выявляется достаточно большое количество разночтений, при этом в своем подавляющем большинстве разночтения не связаны с употреблением собственно преславской лексики вместо архаичной или общеславянской. Только при сравнении текста недавно открытой части Синайского евхология с соответствующими отрывками таких древнейших списков, как Охридский и Слепченский, выявляется 116 разночтений с Охридским списком и 118 разночтений со Слепченским, не считая чисто фонетических и орфографических различий, в 31 случае текст в Синайском евхологии совпадает с Охридским списком и расходится со Слепченским. Особый интерес представляют случаи, когда разночтения в славянских списках соответствуют известным нам разночтениям в списках греческих. Укажем ряд отмеченных нами разночтений этого рода¹⁰:

2 Кор. 6, 16: **мы цркви есмъ ба жива Евх - мы цркви есме ба жива Охр, мыи цркви юесьмъ бога жива Шиш, мы бо цркви есмы ба живааго Церк - вы бо есте цркви бжие Слеп, вы бо цркви есте ба жива Карп, вы бо цркви есте ба жива Толст, вы бо храмъ юесте ба жива Христ, Толк, выи оубо храмъ юесте ба жива Мат** (ήμεις γὰρ ναὸς θεοῦ ἐσμεν ζῶντος - ήμεις γὰρ ναὸς θεοῦ ἐσμεν ζῶντος - ίμεις γαρ ναοὶ θεοῦ ἐστε ζῶντος - ίμεις γαρ ναοὶ θεοῦ ἐστε ζῶντος); 2 Кор. 4, 6: **иже въси въ срдцихъ вашихъ Евх - иже въси въ срдцихъ нашихъ Слеп, Христ, Толк, Церк, Мат, Карп, Шиш, Толст** (δις ἔλαμψεν ἐν ταῖς καρδίαις ὑμῶν - δις ἔλαμψεν ἐν ταῖς καρδίαις ίμων); 2 Кор. 4, 12: **тѣмъ же оубо съмрѣть въ насъ десатъ сѧ** (так!) Евх, тѣмъ же съмрѣть оубо въ насъ дбетъ сѧ Слеп, Церк, Шиш, тѣмъ же оубо смрѣть въ насъ сдбловаетсѧ Толст - тѣмъ же съмрѣть въ насъ дбюетъ сѧ Христ, Толк, тѣмже съмрѣть въ насъ сътворить Карп (ώστε δὲ μὲν θάνατος ἐν ήμιν ἐνέργειται - ώστε δὲ θάνατος ἐν ίμιν ἐνέργειται); 2 Кор. 4, 13: **вѣровахъ тѣмъ же и възглахъ Евх, Христ, Толк, Церк, Мат, Шиш, вѣровахъ тѣмже и глахъ Карп, Толст - вѣровахъ тѣмъ же възглахъ Слеп** (ἐπίστευσα διὸ καὶ ἐλάησα - ἐπίστευσα διὸ ἐλάησα); 2 Кор. 4, 14: **и ны съ нимъ въскрѣсить Евх, и ны съ Исмъ въсъкрѣсить Слеп, Толк, Церк, Мат, и нась съ иссомъ вѣскрить Карп, Шиш - и ны Исъмъ въскрѣсить Христ, и ны Иссса дѣла.** въскрѣсить Толст (καὶ ίμας σὺν Ἰησοῦ ἐγερεὶ - καὶ ίμας διὰ Ἰησοῦ ἐγερεὶ); Ефес. 4, 4: **въко же и зъвани бысте Евх, Охр, Толк, Карп,**

Шиш, яко и звани бысте Церк, яко же и възвани бысте Мат, Толст – яко же звани бысте Слеп (καθὼς καὶ ἐκλήθητε – καθὼς ἐκλήθητε); Ефес. 4, 7: единому комоуждо васъ Евх, единому бо комоуждо васъ Карп – единому же комоуждо насъ Охр, Слеп, Христ, Церк, Мат, Шиш, единому комоуждо насъ Толст (εἰνὶ δὲ ἐκάστῳ ὑμῶν – εἰνὶ δὲ ἐκάστῳ ὑμῶν) Ефес. 5, 10: что есть годъ ббови Евх – что е годъ гви Охр, Слеп, Христ, Толк, Церк, Карп, Шиш, что iesc ббгоугодно гви Мат, Толст (τί ἔστιν εὐάρεστον τῷ θεῷ – τί ἔστιν εὐάρεστον τῷ χριστῷ); Ефес. 5, 11: паче же об[личаите] Евх, Охр, Слеп, Карп, паче же бо обличаите Христ, Толк, нь паче обличаите Мат, Толст – паче же и обличаите Церк, Шиш (μᾶλλον δὲ ἐλέγχετε – μᾶλλον δὲ καὶ ἐλέγχετε); Ефес. 5, 12: бывающа т[ай] Евх, бывающа тай Охр, бывающа отай Слеп – бывающа бо тай Христ, Толк, Церк, бывающа бо тай Шиш, бывающа бо ми отай Карп, бывающе бо ими отай Мат, бывающее бо ми отай Толст (τὰ χριστῷ γνωμένα – τὰ γὰρ χριστῷ γνωμένα); Ефес. 5, 17: [нъ разумѣвающе что есть волѣ] бжит Евх, нъ разумѣвающе что есть волѣ гнѣ Слеп, Мат, нъ разумѣвающе что е волѣ гнѣ Охр, Христ, Толк, но разумѣюще. что вола гдна Толст, нъ разумѣюще. что есть вола бжит Мих – нъ разумѣвите что ес волѣ гнѣ Церк (ἀλλὰ συνίεντες τί τὸ θέλημα τοῦ χριστοῦ – ἀλλὰ συνίετε τί τὸ θέλημα τοῦ χριστοῦ); Ефес. 5, 17: [что есть волѣ] бжит Евх, Мих – что е волѣ гнѣ Охр, Слеп, Христ, Толк, Церк, Мат, Толст (τί τὸ θέλημα τοῦ θεοῦ – τί τὸ θέλημα τοῦ χριστοῦ); Ефес. 5, 19: поюще и прѣпояюще въ срцихъ вашихъ гви Евх, Христ, Мих, Толк, Церк, хвалеще и поюще въ срдцихъ вашихъ гви Мат, Хвалюще и поюще въ срдци вашемъ гсии Толст – поюще. въ срцихъ вашихъ гви Охр, Слеп (δούοтес καὶ φάλλοντες ἐν ταῖς καρδίαις ὑμῶν τῷ χριστῷ – δούοтес ἐν ταῖς καρδίαις ὑμῶν τῷ χριστῷ); Ефес. 5, 19: въ срцихъ вашихъ Евх, Охр, Слеп, Христ, Мих, Толк, Церк, Мат – въ срдци вашемъ Толст (ἐν ταῖς καρδίαις – ἐν τῇ καρδίᾳ); 2 Кор. 9, 6: сеи и о ббвенныхъ Евх, Христ, Толк, Мат, Карп, Шиш, о благословесъныхъ Охр, – сеи и о ббвени Слеп, сеи и о ббсвеніи Церк (ὁ σπείρων ἐπ' εὐλογίαις – ὁ σπείρων ἐπ' εὐλογίᾳ); 2 Кор. 9, 6: о ббговеніи пожнетъ Евх, Слеп, Толк, Мат, благословение пожнетъ Охр, съ ббгвиемъ пожнетъ Толст, о ббгословлїенихъ пожнетъ Христ – ... и пожнетъ Церк, о благословлїени и пожнєть Шиш (ἐπ' εὐλογίᾳ θερίσει – ἐπ' εὐλογίᾳ καὶ θερίσει); 2 Кор. 9, 6: о ббговеніи Евх, Слеп, Толк, Шиш, благословение Охр, съ ббгвиемъ Толст

- о блгослов-

лениихъ Христ (ἐπ' εὐλογίᾳ -ἐπ' εὐλογίαις); 2 Кор. 9, 9: пребываетъ въ вѣкы вѣка Евх, пребываетъ въ вѣкы вѣкоу Мат - пребываетъ въ вѣкъ Охр, Христ, Карп, пребывает [въ] въ вѣкы Слеп, Толк, Церк, Толст (μένει εἰς τὸν αἰώνα τοῦ αἰώνος - μένει εἰς τὸν αἰώνα); 2 Кор. 9, 11: съдѣваетъ нами хвалѣ бгови Евх, Слеп, Шиш, съдѣваетъ жртвѣ приноити (так!) бѹ Охр, съдѣваетъ нами въ хвалоу бѣ Толк, съдѣваетъ намъ хвалѣ бѣ Церк, съдѣваетъ се нами въ хвалю бѣ Мат, сдѣваетъ нашѣ хвалѣ бѣ Карп, съдѣловаетъ нами похвалу бѹ Толст - съдѣваетъ нами въ хвалоу бѣ Христ (κατεργάζεται δι' ήμῶν εὐχαριστίαν τῷ Θεῷ -κατεργάζεται δι' ήμῶν εὐχαριστίαν τού θεού); 1 Кор. 15, 39: [ина же есть плѣть птицамъ ина [же рыбамъ] Евх, Охр, Христ, Мих, Толк, Церк, Мат, Карп - ина же рыбамъ ина же птицамъ Слеп, Шиш, ина же рыбы. ина же птича Толст (ἄλλῃ δὲ [σὰρξ] πτηνῶν, ἄλλῃ δὲ ἰχθύων -ἄλλῃ δὲ ἰχθύων, ἄλλῃ δὲ πτηνῶν); Иаков. 5, 16: исповѣдайте себѣ грѣхи Евх, Карп - исповѣдайте же себѣ грѣхи Охр, Христ, Церк, Мат, Шиш (ἔξομολογεῖσθε ἄλλήλοις τὰς ἀμαρτίας - ἔξομολογεῖσθε οὐνόν ἄλλήλοις τὰς ἀμαρτίας); Гал. 4, 6: посъла бѣ дхъ сна своего. въ срѣца ваша Евх, Охр, Слеп, Церк, Мат, Карп, Толст - посла бѣ дхъ сна своего въ срѣца наша Христ, Толк, Шиш (ἔξαλεότειλεν ὁ θεὸς τὸ πνεῦμα τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ εἰς τὰς καρδίας ὑμῶν - ἔξαλεότειλεν ὁ θεὸς τὸ πνεῦμα τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ εἰς τὰς καρδίας ήμῶν); Гал 4, 7: и наслѣдникъ бжѣи дхомъ Евх, Охр, и причастникъ бий дхомъ Толст - [на]слѣдникъ бжї Ісъ хмъ Слеп, Церк, причестникъ бжии Ісъ хсмъ Мат, причастникъ исс хсомъ Карп, наследникъ бжии Ісъ хсвъ Толк, наследникъ бжии хвъ Христ, наследникъ божии христомъ Шиш (κληρονόμος διὰ θεοῦ - κληρονόμος θεοῦ διὰ Ἰησοῦ Χριστοῦ - κληρονόμος διὰ Χριστοῦ - κληρονόμος διὰ Ἰησοῦ - κληρονόμος θεοῦ διὰ Χριστοῦ); Тит. 2, 11: ави сѧ благодѣть Евх, یависѧ благодѣть Охр, یависѧ благодать Карп - просвѣтѣ сѧ блгодѣть Слеп, просвѣти бо сѧ блгдть Церк, Христ, Шиш, Толст (ἐλεφάνη γὰρ ἡ χάρις -ἀλεφάνη γὰρ ἡ χάρις); Тит. 2, 11: ави сѧ благодѣть Евх, یависѧ благодѣть Охр, یависѧ благодать Карп, Просвѣтѣ сѧ блгдѣть Слеп - просвѣти бо сѧ блгдть Церк, Христ, Шиш, Толст (ἐλεφάνη ἡ χάρις - ἐλεφάνη γὰρ ἡ χάρις); Тит. 2, 13: бѣ и спа нашего Евх, Охр, Христ, Церк, Шиш - бѣ спса нашего Слеп, Карп (θεοῦ καὶ σωτῆρος ήμῶν - θεοῦ σωτῆρος ήμῶν); Евр. 2, 18: можетъ искошень бывъ. напастнымъ помоши Евх, можетъ бо напастованънымъ помоши Охр, можетъ бо напастованымъ помоши Карп, можетъ напастъ.

вованымъ помощи Христ, Церк, можетъ напаство-
ваньнымъ помохи Шиш - можетъ бо и напасть-
ствованиимъ помоции Мат, можетъ бо и искушае-
мымъ помохи Толст (δύναται τοῖς λειφαζομένοις βοηθῆσαι – δύνα-
ται καὶ τοῖς λειφαζομένοις βοηθῆσαι); Деян. 1, 2: Ἡже избрavъ
възнесе сѧ Евх, еже избра, възнесе се Христ, ḫже
избра. възнесе сѧ Церк, юже избраль, възнесе се
Шиш – юже изъбра и възнесесѧ Карп (οὓς ἔξελέξατο ἀνελ-
ήμιφθ – οὓς ἔξελέξατο καὶ ἀνελήμιφθ); Деян. 1, 5: иоанъ кръсти
водою Евх, Церк, Іоанъ кръстиль юесть водою Шиш –
Иованъ ӯбо кръсти водою Христ, Іоанъ ӯбо кръстить
водою Карп (Ἰωάννης ἐβάλτισεν ὑδατί – Ἰωάννης μὲν ἐβάλτισεν ὑδατί).

Обращает на себя внимание схождение апостольского текста из Синайского евхология с разными списками в пределах одного стиха. Часто создается впечатление, что при написании определенного списка писец имел перед собой не один протограф. См., например, такую "контаминацию разночтений", которая наблюдается в Церколезском списке, Евр. 12, 5: с̄ноу мои не прѣнемагаи. показаниемъ г̄немъ Евх, Христ – с̄ноу мои не прѣнемагаи. наказаниемъ г̄днъ Охр, с̄не мои не прѣнемагаи се о наказаны г̄ни Мат, с̄ноу не отнемагаисѧ наказаниемъ г̄немъ Карп, Толст – с̄ноу мои не прѣнемагаи понаказаниемъ (так!) г̄немъ Церк (νιέ μοι, μὴ ὅλιγῷρει λαΐδειας χυρίοο). Видимо, не случайно такой внимательный текстолог, как И. Е. Евсеев, еще в начале века предполагал существование "внутри первоначальной редакции Воскресенского" помимо преславской редакции эпохи царя Симеона еще две "подредакции", выполненные также на болгарской почве¹¹. Сопоставление апостольского текста в составе Синайского евхология с древнейшими списками наводит на мысль о более "мелком", но постоянном редактировании в X – XIII вв. славянского апостольского текста, проводимом, вероятно, позднее второй преславской редакции, но ориентированном более на первоначальный перевод и справку с греческими списками. Разумеется, проведенное нами предварительное исследование не может претендовать на окончательные выводы о характере редактирования первоначального кирилло-мефодиевского перевода Апостола. На данном этапе можно сделать лишь некоторые предположения, однако несомненно, что введение в научный оборот старославянского текста Апостола XI в. внесет весомый вклад в решение этого важнейшего вопроса палеославистики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. I. Tarnanidis. *The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai*. Thessaloniki, 1988.
2. См., например: H. Lunt. *On the Loss of Declension in Bulgarian and Macedonian*. – Die Welt der Slaven, X, 1965, N 3–4, S. 307.
3. При дальнейшей подаче материала используются следующие сокращения: Евх – апостольские чтения в составе Синайского евхология – старославянской рукописи XI в., изд.: I. Tarnanidis. *The Slavonic Manuscripts...* (фотографии на с. 231–247); Охр – Охридский апостол XII в. болгарского извода, изд.: С. М. Кульбакин. *Охридская рукопись апостола конца XII века*. – Български стариини, кн.. III, София, 1907; Слеп – Слепченский апостол XII в. болгарского извода, изд: Г. А. Ильинский. *Слепченский апостол XII века*. М., 1912; Христ – Христинопольский апостол XII в. русского извода, изд: Е. Kalužniacki. *Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice ad fidem codicis Christonopolitani. Vindobonae*, 1896; Мих – Михановичев апостол XII/XIII вв. сербского извода, изд: V. Jagić. *Gradja za glagolsku paleografiju*. – Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, 2. Zagreb, 1868, р. 1–35; Толк – Толковый апостол 1220 г. русского извода, изд: Г. А. Воскресенский. *Древнеславянский апостол. Послания святого апостола Павла*. Вып. I, Сергиев Посад, 1892, вып. 2, Сергиев Посад, 1906, вып. 3–5, Сергиев Посад, 1908; Церк – Церколовский апостол XIII в. болгарского извода, изд.: Д. Богданович, Б. Велчева, А. Наумов. *Болгарский апостол XIII века: рукопись Дечани-Црколез 2. София*, 1986 (микрокарточки); Мат – Матичин апостол XIII в. сербского извода, изд: Р. Ковачевич, Д. Стефановић, Д. Богданович. *Матичин апостол (XIII век)*. Београд, 1979; Карп – Карпинский апостол XIII/XIV вв. болгарского извода, изд.: Архим. Амфилохий. *Карпинский апостол*. Т. I. M., 1886; т. 2, ч. I. M., 1885; т. 2, ч. 2. M., 1886; Шиш – Шишатовацкий апостол 1324 г. сербского извода, изд.: F. Miklosich. *Apostolus e codice monasterii Šišatovac palaeoslovenice. Vindobonae*, 1853; Толст – Толстовский апостол XIV в. русского извода, изд. частично: Г. А. Воскресенский. *Древнеславянский апостол...* Сергиев Посад, 1892, 1906, 1908. По техническим причинам при передаче кириллицы приняты некоторые графические упрощения: буквы **Ӑ** и **Ӗ** передаются как **Ӑ**, **Ӗ**, **Ӗ**, **Ӗ** как **ы**, **ѡ** и **о** как **о**, **И** и **Ѝ** как **И**, **Ѝ** как **н**. Глаголические тексты приводятся в кириллической транслитерации.
4. Об архаичности лексемы избытьствовати сравнительно с изобиловати и принадлежности последней к характерной лексике второй преславской редакции см.: П. Пенев. Към историята на Кирило-Методиевия старобългарски превод на Апостола. – Кирило-Методиевски студии. Кн. 6, София, 1989, с. 308–309.
5. Об архаичности лексемы иночѧди и сравнительне с юединочѧди см.: Р. М. Цейтлин. Лексика старославянского языка. М., 1977, с. 242, 272.
6. Г. А. Воскресенский. Древнеславянский Апостол... Вып. I, Сергиев Посад, 1892, с. 9–28.
7. См., например: Р. Угринова-Скаловска. Ениинскиот Апостол во споредба со некои други апостоли. – Симпозиум на 1100 годишнина од смртта на Кирил Солунски. II. Скопје, 1970, с. 405–417; Z. Hauptová. *Vývoj textu staroslověnského apoštola z hlediska lexikální analýzy*. – *Slavia*, R. 47, 1978, seš. 1, s. 23–29; И. Добрев. Апостолските цитати в Беседата на Презвитер Козма и преславската редакция на Кирило-Методиевия превод на Апостола. – Кирило-Методиевски студии. Кн. 1, София, 1984, с. 44–62; Д. Богданович, Б. Велчева, А. Наумов. Болгарский апостол... София, 1986, с. 58–65 (Б. Велчева); П. Пенев. Към историята... София, 1989, с. 246–317.
8. С. М. Кульбакин. Охридская рукопись... Введение, с. 120–134.
9. Г. А. Ильинский. Слепченский Апостол... Введение, с. 88–89.

10. Используются следующие критические издания: E. Nestle. Novum Testamentum Graece. Stuttgart, 1950; A. Merk. Novum testamentum Graece et Latine. Romae, 1984; E. Nestle – K. Aland. Novum Testamentum Graece. Stuttgart, 1988, а также текст греческой рукописи 1072 г. и разнотечения по изданию Карпинского Апостола архим. Амфилогия.

11. И. Е. Евсеев. Отзыв о соч. Г. А. Воскресенского Древнеславянский Апостол... СПб, 1914, с. 244–246.

О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ СОЗДАНИЯ
ПЕРГАМЕННОГО ЕВАНГЕЛИЯ
“МЕМНОНА-КНИГОПИСЦА”
(БАН, Доброхотов. 26)

А. Турилов

Пергаменное Четвероевангелие, написанное книгописцем-каллиграфом Мемноном (БАН, собр. П. Н. Доброхотова /архиепископа Павла/, № 26 (Осн. собр. 11.9.7)¹), было введено в научный оборот вскоре после поступления его в публичное хранилище². Замечательный во многих отношениях кодекс бесспорно заслуживал срочного сообщения о нем, однако первая информация породила научную легенду, до настоящего времени не вызывавшую сомнений. К области легенд принадлежат датировка Доброхотовского Евангелия концом XIII – началом XIV вв. и разделяемое всеми исследователями, писавшими о рукописи, мнение, что она является болгарским списком с русского оригинала.

Появление научных легенд может быть вызвано разными причинами: общим состоянием изученности вопроса на определенном этапе, недостаточным знакомством исследователя с материалом или недостаточным вниманием к нему, наконец – тенденциозностью подхода. Однако независимо от исходного момента, дальнейшая судьба таких легенд удивительно сходна. Сходство состоит в первую очередь в их необыкновенной живучести, трудности преодоления сложившегося стереотипа, – так что впору говорить о магии первого сообщения или первой публикации.

Справедливости ради следует заметить, что писец рукописи сделал почти все, что от него зависело, чтобы сбить исследователей с правильного пути, хотя конечно вовсе не задавался такой целью. Кроме того, в какой-то степени (и тоже без задней мысли) этому способствовали и владельцы рукописи, у которых она находилась до того как в 1848 г. попала к архиепископу Павлу (тогда еще иеромонаху, проректору Виленской духовной семинарии)³.

В настоящем своем виде рукопись представляет остаток роскошного кодекса, о былом великолепии которого можно только догадываться по сохранившимся узким прописанным золстом заставкам неовизантийского стиля на л. 1 и 63, заглавиям, написанным золотой вязью, и золотым же заглавным буквам. Хотя в процентном отношении к числу сохранившихся листов утраты и невелики (около 10%)⁴, они полностью искази-

ли облик рукописи. Расположение утрат в кодексе свидетельствует о том, что в большинстве они не случайны. Утрачены в первую очередь начальные и конечные листы каждого из Евангелий, имевшие вероятно миниатюры и большие заставки (или же составлявшие пару с иллюминованными листами).

Время изъятия листов можно определить лишь приблизительно. К иеромонаху Павлу в 1848 г. рукопись попала, несомненно, не только с утратами, но и с их восполнениями на бумаге, сделанными старообрядческим полууставом XIX в. В пользу такого предположения говорит переплет – старообрядческий (доски в коже) и далеко не щегольский, с очень нечетким тиснением. Утраты восполнены на бумаге со штемпелем фабрики Хлюстиных, употреблявшейся во второй половине 1830-х годов⁵, но такое уточнение может быть принято в значительной мере лишь условно, т. к. при индивидуальном пользовании (а не в канцелярии) заливность бумаги и в XIX в., достигает десятилетия и даже больше. В любом случае миниатюры были изъяты из кодекса не позднее 1830-х – 1840-х годов, и это – пример проявления коллекционерского интереса к славянской миниатюре, а также показатель высоких художественных достоинств пропавших изображений, т. к. отделение миниатюр от кодекса не очень типично для русской коллекционерской практики и, вероятно, вызывалось невозможностью приобрести рукопись целиком⁶. Местонахождение этих миниатюр в настоящее время неизвестно, во всяком случае отождествление их с существующими отдельными листами (см. примеч. 6) не представляется возможным.

Нарушение целостности облика кодекса не могло не наложить известного отпечатка на восприятие его первыми исследователями: памятник (хотя, может быть, и подсознательно) воспринимался как фрагмент. Практика же показывает, что для первого этапа исследования бывает свойственна (насколько позволяет материал) преувеличенная оценка научного значения фрагмента сравнительно с сохранимым памятником, к которому применим более широкий комплекс методов анализа. При этом, если результаты исследования дают основания для сомнений, последние обычно решаются в пользу завышенной оценки (для традиционных памятников письменности, каким является Доброхотовское Евангелие, это обычно означает удревнение датировки).

В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский в своем описании охарактеризовали Евангелие Мемнона как среднеболгарский памятник конца XIII в. На первый взгляд, основания для такой атрибуции наличествуют в избытке. Орфография кодекса в большинстве случаев следует правописным нормам среднебол-

гарского периода, известным по рукописям XIII–XIV вв., созданным в Восточной Болгарии; общий облик каллиграфического письма обнаруживает сходство с почерками рукописей, либо датируемых втор. пол. XIII в. (Тырновское Евангелие 1273 г. (Загреб, Архив ЯАЗУ, III-a-30); Тырновский Апостол 1277 г. (там же, IV 106); Погодинская Псалтырь (ГПБ, Пог. 8); Добрианова (или Григоровичева) Минея (БАН, 24.412 и ОГНБ, Р 4/17 и Р 5/24) и др.), либо относимых ныне к более позднему времени, но датировавшихся так в начале XX в. (Ягичев Златоуст (ГПБ, О. п. I. 56) перв. пол. XIV в.⁷; Берлинский сборник перв. пол. XIV в.⁸; Севастьяновский сборник перв. пол. (втор. четв. ?) XIV в.⁹ (ГБЛ, ф. 238, № 41/M.1467)), представляющих то направление в развитии болгарских почерков, на основании которого в середине XIV в. сформировался тырновский лингвистический полуустав.

П. А. Лавров в своем "Обзоре" поместил Доброхотовское Евангелие среди "рукописей болгарского правописания, списанных с русского оригинала, или заключающих русские черты правописания"¹⁰. По сравнению со Срезневским и Покровским он датировал рукопись несколько более поздним временем ("скорее XIV века") и отметил следы восточнославянской орфографии (гонАщаХ вм. гонАщаХ; миноути вм. минХти; лежащ вм. лежАщь; връхХ ею вм. връхХ еХ; голуби вм. голХби). Автор дал подробную характеристику графических особенностей почерка, к которым предстоит обратиться далее.

Наличие следов восточнославянской орфографии в среднеболгарском по правописанию памятнике П. А. Лавров однозначно объяснял влиянием русского оригинала (возможно, через посредство промежуточных списков). Вторая возможность (рукопись является восточнославянским списком со среднеболгарского оригинала, с редкими исключениями последовательно передающим его орфографию) даже не упоминается. Впрочем, если бы у автора возникли сомнения по этому поводу, рукопись просто не попала бы в работу, посвященную палеографии южнославянских памятников.

Практически все ученые, писавшие о Евангелии Мемнона позднее ссылались на наблюдения первых описателей и П. А. Лаврова. М. Н. Сперанский отметил в статье, посвященной русским памятникам у южных славян в XIV–XVI вв., что не располагает о рукописи иными сведениями, кроме сообщаемых в печатных работах¹¹. Начиная с этой работы Сперанского кодекс прочно вошел в число памятников, упоминаемых в исследованиях о русско-южнославянских литературных связях старшего

периода¹². Рукопись использовалась как источник в монографии Л. П. Жуковской по текстологии и типологии славянского Евангелия¹³ и в монографии В. А. Дыбо по славянской акцентологии¹⁴.

В предварительный список славяно-русских рукописей XI-XIV вв. кодекс попал с датировкой XIII в.¹⁵ В литературе последних лет утвердилась в основном датировка кодекса, предложенная П. А. Лавровым. Она принята в описании пергаменных рукописей БАН, содержащем самую подробную на сегодняшний день археографическую характеристику кодекса¹⁶ и в обзоре славянских пергаменов академической библиотеки, принадлежащем перу Н. Ю. Бубнова¹⁷.

Целый небольшой раздел посвятил Евангелию Мемнона и К. М. Куев во втором издании своей книги, посвященном судьбе болгарской средневековой рукописной книги¹⁸. Он однозначно считает кодекс восточноболгарским по происхождению¹⁹, не затрагивая вопроса об орфографических русизмах (как, впрочем, не идет речь о них и в описании славянских пергаменов БАН и в обзоре Н. Ю. Бубнова).

На фоне достаточно широкой известности памятника особенно заметно невнимание (или настороженное отношение?) к нему исследователей, практически занимающихся вопросами южнославянской палеографии, кодикологии, орнаментики. Памятник не включен ни в палеографический альбом В. А. Мошиной²⁰ (в этом смысле Мошин-палеограф противостоит Мошину-историку культурных связей), ни в роскошный иллюстративный ряд при работе А. Джуровой²¹, хотя безусловно достоин такого воспроизведения. Очевидно, при внимательном знакомстве (даже чисто визуальном) с памятником выявлялись такие особенности, которые не позволяют поместить его в хронологический и типологический ряд с другими среднеболгарскими рукописями²².

Каковы же эти особенности и о чем может свидетельствовать их совокупность?

Первая из них не имеет отношения к палеографическим и кодикологическим характеристикам, но при учете ее все внешние признаки складываются в совершенно иную систему. Как это ни парадоксально, никто из исследователей начиная с первоописателей не обратился к содержанию кодекса (точнее к редакции перевода евангельского текста), хотя к моменту выхода в свет первого тома описания Рукописного отделения БАН (1910 г.) известное исследование Г. А. Воскресенского²³ давно

уже не было научной новинкой. Обращение же к сопоставительному материалу в указанной монографии однозначно свидетельствует, что текст Евангелия от Марка в рукописи Мемнона безусловно относится к четвертой редакции перевода (и даже последовательно совпадает в пределах материала исследования (кроме трех случаев – Мр. III. 12; V. 14 и VI. 28) с текстом Острожской Библии 1581 г.). В доказательство привожу примеры:

- Л. 64 (Мр. I. 21): "и аbie въ сѣботы вшель въ сънишице очаше" (ср.: Воскресенский (далее – В.), С. 142; ОБ, л. 17в 3-й пагинации) (Мр. I. 22): "бѣбо оча ихъ, ѧко власть имы и не ѧко книжницы" (В 142; ОБ 17в)
- Л. 64об. (Мр. I. 27): "ѧко ст҃зати сѧ имь къ себѣ глїщѣмъ" (В 142; ОБ 17в)
- (Мр. I. 34): "и не оставлѣше глїти бѣсы, ѧко вѣдѣхъ его Ха сѣща" (В 142; ОБ 17в)
- Л. 65 (Мр. II. 10): "нѣ да оувѣсте ѧко вла(с)ть имать сѣнь чл҃ческии на земли ՚пущати грѣхы" (В 142; ОБ 17г)
- Л. 65об. (Мр. II. 18): "и бѣхъ оченици Іѡаннови и фарісейстї и постѣще сѧ" (В 142; ОБ 18а)
- "почто ученици Іѡаннови и фарісейстї и постѣт сѧ" (В 142; ОБ 18а)
- Л. 66об. (Мр. III. 8): "и ѿ Тура и Сіона множество много" (В 142; ОБ 18б)
- Л. 66об. (Мр. III. 8): "и ѿ Тура и Сіона множество много" (В 142; ОБ 18б)
- (Мр. III. 11): "и зваахъ глїще ѧко ты еси сѣнь бѣжи" (В 142; ОБ 18б)
- Мр. III. 12): "да не ѧвлена его творѣть" (В 142; ОБ 18б: сътворѣть)
- (Мр. III. 13): "и призыва ихъ же хотѣаше самъ и придоша къ немоу" (В 142; ОБ 18б)
- Л. 67 (Мр. III. 16): "и нарече Сімоноу имѧ Петръ" (В 142; ОБ 18в)
- (Мр. III. 20): "и придоша въ домъ и събраса пакы народъ" (В 142–143; ОБ 18в)
- Л. 67об. (Мр. III. 28): "Аминъ ѿла вамъ, ѧко всѣ ѿпустят сѧ съ грѣшенїа сномъ чл҃ческымъ" (В 143; ОБ 18в)
- (Мр. III. 30): "зане глїаахъ, доухъ нечистъ имать" (В 145; ОБ 18в)
- (Мр. III. 32): "и съдѣши народъ о немъ" (В 145; ОБ 18в)
- (Мр. III. 35): "съ братъ мои и сестра моа. и мѣти ми е(с)" (В 145; ОБ 18в)
- Л. 69 (Мр. IV. 21): "еда свѣтилникъ приходить да по(д) спѣдомъ положѣть его" (В 145; ОБ 19а)
- (Мр. IV. 22): "нѣ(с) бо таино еже не ѧвитса" (В 145; ОБ 19а)

Л. 69–69об. (Mp. IV. 30–31): "чесомоу упо(д)бимъ бѣр(с)твие бѣжие или коеи при(т)чи приложимъ е. яко зръно гороунично" (В 145–146; ОБ 19а)

Л. 70 (Mp. IV. 41): "кто убо съ есть, яко вѣтръ и море по-слоушаф(т) его" (В 146; ОБ 19б: и в тръ) (Mp. V. 3): "и ни веригами никтоже можаше его свѣзати" (В 146; ОБ 19б)

(Mp. V. 4): "и никтоже можаше его умѣчити" (В 146; ОБ 19б)

Л. 70об. (Mp. V. 9): "и ѿ(т)вѣща глаг., легенъ имѣ мнѣ" (В 146; ОБ 19б)

(Mp. V. 10): "и молѣше его много" (В 146; ОБ 19б: и молиша...)

(Mp. V. 11): "бе же той при горѣ стадо свиное велие пасомо" (В 146; ОБ 19б: свино)

(Mp. V. 14): "и изыдошѣ видѣти бывшее" (В 146–147; ОБ 19б: ... что есть бывшее)

(Mp. V. 15): "и видѣшѣ бѣсновавшаго сѧ, сѣдѧща и ѿблѣченъ" (В 147; ОБ 19б)

(Mp. V. 18): "и вълѣзшио емоу въ корабль. молѣше его бѣсновавыи сѧ, даби быль с нимъ" (В 147; ОБ 19в)

Л. 71 (Mp. V. 23): "да пришьдъ възложиши на на рѣцѣ, ако да спасет сѧ и жива бѣдет" (В 147; ОБ 19в)

Л. 71об. (Mp. V. 30): "и абие іс разоумѣ въ себѣ силѣ изше(д)шѣ ѿ(т) него" (В 147; ОБ 19в)

Л. 73об. (Mp. VI. 28): "и дастъ я двици. и двица мѣтри своей" (В 293; ОБ 20б: и двица дастъ ю мѣтри своей)

Л. 74 (Mp. VI. 30): "и възвѣстишѣ емоу всѣ и елика сътворишѣ и наоучишѣ" (В 293; ОБ 20б)

Л. 75 (Mp. VII. 18): "не разоумѣете ли яко въсе иже изъ въкоу входимое въ члвка. не можетъ оскврнити его" (В 293; ОБ 20г: еже)

Тот факт, что Евангелие Мемнона книгописца содержит 4-ю редакцию перевода евангельского текста, коренным образом сказывается на датировке кодекса. Поскольку сама 4-я редакция перевода возникла около первой трети XIV в. (создание ее связано с деятельностью святогорского переводчика болгарина старца Иоанна, "прѣложив'шаго", согласно записи его ученика Мефодия в Октоихе Синай, Слав. 19: "въ Сѣти горѣ Аѳон'стїи и лаврѣ бѣбноснаго ѿїа наше(г) Аѳанасіа... тетраев(г)лъ..." и другие книги), не ранее этого времени следует датировать и список Мемнона. Такая датировка находит на первый взгляд подтверждение в элементах оформления Доброхотовского Евангелия (тонкие золотые заставки, вязь золотом в заголовках, золотые инициалы, заглавные буквы и точки), сближающих его с кругом роскошных рукописей эпохи царя Иоанна Александра (Софийский "Песнивец" 1337 г., Лондонское Евангелие и Псалтырь Томича). Однако, как постараюсь показать ниже, причина

такого сходства не хронологическая, а генетическая – оформление кодекса Мемнона восходит к роскошным болгарским рукописям второй-третьей четверти XIV в. (либо византийским того круга, на который были ориентированы и они).

Небольшое на первый взгляд изменение датировки кодекса на основании данных текста коренным образом изменяет решение вопроса о его происхождении. Если при старой датировке рукописи русизмы в орфографии можно было объяснить влиянием предшествующего (или одного из предшествующих) списков, то при новой это невозможно. Следы русизмов в орфографии южнославянских рукописей наблюдаются в памятниках, восходящих к русской литературной и книгописной традиции, но и здесь они прослеживаются только до начала XIV в. (например, Врачанская Евангелие). В данном же случае речь идет о новом афонском переводе периода максимального ослабления русско-южнославянских культурных контактов²⁶, поэтому предполагать, что список Мемнона восходит к русскому списку, написанному на Афоне или в Константинополе в свою очередь с болгарской рукописи нового перевода (подобно тому, как убедительно объяснены в последнее время Л. Цернич лексические и орфографические русизмы Иловичской Кормчей 1262 г.)²⁷, значит, вероятно, просто усложнять картину. Русизмы Доброхотовского Евангелия – не следы русского оригинала в болгарской рукописи, а "погрешности" русского писца, точно передававшего орфографию копируемого среднеболгарского списка.

Примеры орфографических русизмов, приводимые П. А. Лавровым (число которых можно умножить) могут быть объяснены двояко. Однако имеется и случай (правда, единственный) исправления писцом южнославянской орфографии на русскую: на л. 110 Мемнон исправил первоначальное дръжаахъ на деръжаахъ, написав букву е над строкой.

В пользу русского происхождения Доброхотовского Евангелия свидетельствуют и некоторые особенности графики Мемнона книгописца²⁸. Хотя тип письма восходит к тырновским почеркам середины XIV в., отдельные детали характерны только для восточнославянских почерков конца XIV или раннего XV в. К их числу относятся:

1) Особое начертание е широкого. Писец употребляет две разновидности широкого е, первая из которых (преобладающая) отмечена П. А. Лавровым: "... е с язычком, загнутым вниз, не выступающее из строки"²⁹. Гораздо менее употребительна другая разновидность, с язычком отходящим от нижней части (и даже основания) дуги, направленным вверх и образующим дугу меньшего радиуса со стрелообразным завершением. Это так

называемое "язычковое е", характерное для русских рукописей, начиная с первой половины XIV в. – крайней формой его развития является лежачее е "якорное"³⁰. В южнославянских почерках подобный начертак буквы не встречается. Мемнон употребляет эту разновидность е очень ограниченно. Подавляющее число случаев ее употребления приходится в рукописи на л. 185–190 об., где находятся указатели евангельских чтений. Буква выступает здесь в роли заглавной и пишется золотом или киноварью, однако эту особенность начертака нельзя считать чисто декоративным приемом (заглавные буквы у Мемнона отличаются лишь незначительно большим размером и цветом – киноварь или золото), тем более что в южнославянских почерках он не встречается и в заглавных буквах. Но и на этих листах буквы располагаются неравномерно. На лицевой стороне л. 185 за исключением одного случая встречается только этот начертак, на обороте он преобладает; на л. 186 лиц. в равной мере представлены обе разновидности е широкого, на обороте "язычковое е" употреблено только один раз; на л. 187 лиц. преобладает основная разновидность, на обороте "язычкового е" нет вовсе. На л. 188 лиц. два случая его употребления, на обороте оно преобладает. На л. 189 оба начертака употребляются в равном числе, а на обороте листа и обеих сторонах л. 190 "язычковое" преобладает.

Кроме этих листов начертак этот встречается в качестве строчной буквы по одному разу на л. 46 об., 90, 92, и заглавной киноварной на л. 193.

2) "Земля". П. А. Лавров так описывает эту букву: "У з узкая головка и хвостик направлен изогнутой прямой вправо". Характеристику можно несколько уточнить. Хвост буквы, направленный вправо, образует плоскую дугу. В месте соединения головки с дугой иногда (вероятно при нажиме пера) образуется небольшое утолщение – "горбик". Точно тем же приемом пишется и з "молоточковое" в значении с. Такой начертак буквы не встречается в южнославянских почерках XIV в. (в них, если з не пишется в соответствии с тырновской традицией в виде арабской цифры "три", то хвост либо вертикально уходит вниз, либо, будучи повернут вправо, завершается крючком влево), но характерен для рукописей из Северо-Восточной Руси кон. XIV – нач. XIV в.: Киевская Псалтырь 1397 г.³¹, Евангелие Хитрово³², Евангелие НБ МГУ³³, Воскресенское Евангелие ГИМ, (Воскр. 2³⁴), Евангелие Федора Кошки (ГБЛ, ф. 304. III., № 4)³⁵, Киево-Печерский патерик 1406 г., написанный в Твери³⁶ и другие.

3) Изредка в почерке Мемнона встречается м особой формы, не отмеченное П. А. Лавровым³⁷. М (в конце строк) изображается в виде л (левая черта жирная, правая тонкая), с длинным

горизонтальным хвостом, завершающимся крючком влево. Рисунок в целом напоминает букву з, опрокинутую влево. В южнославянских почерках такой рисунок буквы не наблюдается. В восточнославянских рукописях подобный начертк составляет немаловажную хронологическую примету, но в качестве таковой почти не изучен³⁸. Между тем, с конца XIV в. в рукописях первоначально, в основном, московского происхождения, преимущественно двухстолбовых, в конце строк для экономии места и в то же время, вероятно, как своеобразный графический декоративный прием наряду с лигатурами начинает применяться сокращенное написание букв: а в виде только петли без мачты³⁹, м в виде л с "хвостом" или (чаще) с "хоботом"⁴⁰, оу, в котором у передается только правой длинной чертой, соединенной с о, и без соединения⁴¹ (Евангелие Феодора Кошки), ъ в виде зеркального г с высокой мачтой, только левая часть "юса малого"⁴². В XV в. названные в других восточнославянских регионах⁴³. Наконец, именно к этому времени относятся первые сохранившиеся восточнославянские опыты создания "полусловицы" – криптографии, основанной на своеобразной графической манере – использовании отдельных элементов букв вместо целых⁴⁴.

Следует отметить, что все рукописи, в которых использованы сокращенные начертания букв, написаны русским уставом или старшим полууставом. Для почерка Евангелия Мемнона – крупного литургического полуустава тырновского типа, этот графический прием представляется уже архаичным. Малое число случаев его применения не удивительно – рукопись написана в один столбец, и писец не ограничивал себя рамкой разлиновки, постоянно вторгаясь на правое поле. Специалисты-книговеды, занимающиеся первопечатной продукцией, несомненно сказали бы, что он не владеет "выключкой строк".

Наконец, следует отметить еще одно начертание, которое в начале XIV в. типично для всей кириллической традиции, но к концу столетия встречается только в восточнославянском регионе – "зело" (только как слововое обозначение) с головкой, повернутой влево⁴⁵.

С признанием Доброхотовского Евангелия восточнославянским памятником вновь встает вопрос о его датировке. Рассмотренные выше графические особенности, как свидетельствуют аналогии из других памятников, характерны для рубежа XIV–XV вв., но они, несомненно, самая архаичная особенность почерка Мемнона, который в остальном безусловно является младшим (южнославянским по происхождению) полууставом, восходящим к каллиграфическим тырновским почеркам середины XIV в. Таким образом, нижняя граница написания Доб-

рохотовского кодекса определяется временем распространения южнославянских почерков в восточнославянской письменности. Верхнюю определяет писчий материал – пергамен; будь кодекс бумажным, изложенные выше недоразумения просто не возникли бы⁴⁶.

Вопрос о хронологии обеих этих границ разработан в специальной литературе весьма слабо. В особенности это относится к определению верхней границы использования пергамина на Руси⁴⁷ в качестве писчего материала для книг⁴⁸. Причины этого видятся в следующем: 1) до последнего времени отсутствовала сводка сведений о пергаменных рукописях XV в.; 2) не учитывалась особенность использования пергамина именно в книжописании. Документальные материалы дают другую хронологию. Хотя для написания грамот бумага начала использоваться раньше, чем в книгопечатании⁴⁹ – уже с 40-х гг. XIV в. (Грамоты Симеона Гордого 1340 г. и Василия Давидовича Ярославского ("Грозные Очи") до 1345 г.), но особо важные документы продолжали писаться на пергамене и в XVII в.⁵⁰. По хронологии употребления пергамина как писчего материала к грамотам примыкает такой своеобразный полудокументальный тип памятника как Синодики или Помянники независимо от того, написаны ли они в форме книги или свитка (иногда они, как например, Иосифо-Волоколамский Синодик 1479 г. (ИРЛИ, оп. 23, № 52) могут содержать и литературную часть)⁵¹. 3) легендарные даты в восточнославянском книжописании XV в.⁵². С учетом всех этих особенностей о восточнославянском книжописании на пергамене можно сказать следующее. Среди 248 кодексов⁵³ достаточно велико количество датированных (не менее 20–25%)⁵⁴ и локализованных. Простое сопоставление хронологии и географии восточнославянских датированных рукописей XV в. на пергамене позволяет выявить определенную закономерность для отдельных регионов⁵⁵. Самые поздние рукописи на пергамене, созданные в скрипториях Москвы и Подмосковья (а также новых заволжских монастырях) относятся к 1420-м гг. (1428 г. датируется Устав Иерусалимский, написанный в Саввино-Сторожевском монастыре под Звенигородом – ГБЛ, Рум. 445, ПС-XV, № 72). От следующего десятилетия дошло еще два списка Церковного Устава – 1436 г., написанный в монастыре под Галичем Мерьским (ГИМ, Увар. 181-8°, ПС-XV, № 93) и 1437/38 г., тверской (ГИМ, Син. 331, ПС-XV, № 96). По одному примеру, естественно, нельзя заключить, имеем ли мы в случае с Тверью сознательную архаизирующую тенденцию, подобную новгородской⁵⁶ (что до галицкой рукописи, то она происходит из малого центра и явно провинциальная по облику).

Пергаменные рукописи XV в., созданные в других центрах

Северо-Восточной Руси, представлены совсем уже случайно (за исключением Кирилло-Белозерского монастыря, книгописная традиция которого, однако, генетически неравнозначно связана с Москвой и Подмосковьем)⁵⁷ и не достигают отмеченной хронологической границы. Для Ростова (или его епархии) это уже упоминавшийся комплект типографских Миней⁵⁸ (ЦГАДА, ф. 381, № 88, 95, 102, 109, 115) 1415 или 1426 г. Для Нижнего Новгорода кроме Евангелия 1408 г. (ПС-XV, № 17)⁵⁹ можно указать пергаменный сборник, написанный в 1423/1424 г. в Печерском монастыре при архимандрите Иосифе и князе Данииле Борисовиче, к настоящему времени утерянный (либо утративший выходную запись), но известный старосбайдческим полемистам первой четверти XVII в.⁶⁰.

Северо-Западные территории (Псков и Новгород) дают иную картину, при этом внутри региона хронологических отличий между Новгородом и его меньшим братом практически нет. Самая поздняя новгородская рукопись на пергамене написана в 1468 г. (Евангелие апракос, МОКМ, 7344, ПС-XV, № 190), самая поздняя псковская – в 1463 г. (ГПБ, Пог. 18, Евангелие апракос, ПС-XV, № 170).

Поскольку процент датированных восточнославянских рукописей от общего их числа достаточно репрезентативен (как было показано выше, не менее 20 без усиленных дополнительных изысканий) и нет основания полагать, что хронология недатированных рукописей на пергамене отличается от хронологии датированных, приведенные крайние даты можно достаточно уверенно считать верхней границей (с допуском в 5–10 лет в позднем направлении) употребления пергамена как книгописного материала в разных регионах будущей Московской Руси (т. е. вторая четверть XV в. для Северо-Востока и третья для Северо-Запада).

Если сопоставить эти крайние даты русского книгописания на пергамене в XV в. с хронологической шкалой политической истории, обнаруживаются совпадения, которые вряд ли могут быть случайными. Для Северо-Восточной Руси верхний предел совпадает с началом московско-галицкой феодальной войны и смертью митрополита Фотия (1431 г.), за которой последовал период "нестроений" в верховном руководстве митрополией, вызванных назначением на кафедру митрополита Исидора и позицией, занятой им по вопросу Ферраро-Флорентийской унии. Для Новгорода это поход 1471 г. Ивана III, ставший началом семилетней агонии феодальной республики. Автор далек от мысли связывать напрямую перемены в культурной жизни с социально-политическими факторами, тем более в традиционном обществе, каким являлось русское в XV в., но игнорировать

их воздействие целиком тоже едва ли дальновидно. Речь в данном случае идет о книгописании как ремесле, связанном с работой на заказ. В XV в. сфера применения пергамена как писчего материала в книгописании заметно сужается, в основном он идет на рукописи чисто литеургического содержания (по данным ПС-XV, число русских четых книг на пергамене не превышает 15%)⁶¹. Среди них могут быть как роскошные (напрестольные Евангелия, Апостолы), так и весьма скромные по оформлению (Минеи служебные, Октоихи, Триоди, Уставы). Рядовые рукописи этого времени на пергамене происходят (или происходили до XIX в., когда в результате коллекционерского бума) значительное число их изменило свое местонахождение)⁶² в большинстве случаев из соборов и крупнейших монастырей Москвы и Новгорода, куда делали богатые вклады церковные иерархи, светские правители и знать, следовательно, уже сам писчий материал стал признаком ценности. Длительная нестабильность политической ситуации мало способствует таким работам на заказ. В силу ограничения церковного строительства уменьшается нужда в основных богослужебных книгах (тем более роскошных), заздравные, заупокойные и обетные вклады в существующие храмы и обители приобретают, вероятно, более материальный характер (земля, деньги, драгоценности). Одновременно с прекращением книгописания на пергамене (и это лишний раз указывает на неслучайный характер хронологической грани) из московского книгописания надолго (практически на полвека – до 1470-х гг.) уходят лицевые рукописи⁶³. В этом тоже видно нарушение традиции, вызванное политическими катаклизмами. Для Новгорода 1470-х гг. ситуация не выглядит столь определенной (возможно, здесь мы сталкиваемся с естественным отмиранием традиции); показательно, что два комплекта богослужебных книг (для Николо-Гостинопольского и Валаамского монастырей) пишутся около 1475 г. уже на бумаге⁶⁴. Более дешевый писчий материал (хотя книги были написаны по инициативе владыки Феофила) можно было бы объяснить относительно малой значимостью отдаленных монастырей, но дело, вероятно, в другом. Практически одновременно с написанием последнего по времени пергаменного комплекта 1463–1464 гг. для Хутынского монастыря в Новгороде пишется комплект Миней на бумаге (по наблюдениям Е. М. Шварц – около 1463 г.) для кремлевской церкви Сергия Радонежского, построенной тем же архиепископом Ионой⁶⁵. Вероятно, с течением времени сфера употребления пергамена в книгописании все более сужается, и его используют лишь для Евангелий и Апостолов. События же 1470-х гг. дали последний толчок к слому традиции. Обычные заказчики более раннего времени – бояре и

"жити люди" после присоединения территории республики к Московскому великому княжеству выселяются из Новгорода, важнейшие организаторы книгописного дела – архиепископы – с 1478 г. назначаются Москвой и (по крайней мере на первых порах своего пребывания на кафедре) не связаны с местной традицией. В такой обстановке закономерно прекращается новгородское книгописание на пергамене, угасавшее на протяжении предшествующей четверти столетия.

Тенденция к сокращению использования пергамена как писчего материала в восточнославянском регионе на протяжении XV в. особенно ясно видится на примере Пскова. Этот центр в отличие от Москвы и Новгорода в XV столетии не испытывал крутых политических потрясений, на треть века пережив в качестве самостоятельной республики своего "старшего брата", однако последние написанные здесь пергаменные рукописи не моложе новгородских (Служебник 1461 г. – ЦНБ АН УССР, Лавра. П. П. 21, ПС-ХV, № 166 и Евангелие апракос 1463 г. – ГПБ, собр. Погодина, № 18 – ПС-ХV, № 170). Возможно, в последней четверти столетия известное воздействие мог оказать пример Новгорода, с новыми вкусами церковной администрации, в юрисдикции которой находился и город на р. Великой, но для Пскова, с его необычайной устойчивостью и зrimой архаичностью традиций культурной жизни преобладание внутренних причин тех или иных перемен представляется наиболее очевидным. Определенную роль могло играть и пограничное положение города, облегчавшее получение нового писчего материала из Западной Европы.

Итак, по писчему материалу, Евангелие Мемнона-книгописца следует датировать в зависимости от места создания: Северо-Восточная Русь или Новгород и Псков – не позднее второй (1430-е гг.) или третьей (1470-е гг.) четверти XV в.; в случае московского происхождения кодекса верхний предел можно ограничить и первой третью столетия. Установить нижнюю границу в известной степени позволяют наблюдения над почерком Мемнона. Естественно, что и здесь не избежать зависимости от географического фактора.

О ряде датирующих графических признаков уже говорилось выше, в связи с установлением восточнославянского происхождения Доброхотовского Евангелия. Начерки большинства букв у Мемнона достаточно нейтральны – они в равной мере могут встретиться и в восточно- и в южнославянских почерках XIV в. От русских почерков конца XV в. письмо Мемнона отличает в первую очередь свободное расположение букв в строке: ширина буквы равняется примерно двум расстояниям между знаками. Из новых (южнославянских по происхождению) начерков букв

можно отметить следующие: е широкое с язычком, опущенным вниз, м с округлой, оканчивающейся ниже строки заостренной перемычкой (выносной вариант – в виде трех дуг)⁶⁶; о "очное"; одностороннее высокое т в форме цифры 7 в конце строки; у в виде воронки с хвостом, с короткой прямой жирной левой и тонкой длинной саблевидной правой частью; высокий "ук" в виде несколько расширенного строчного у, венчающего круглое основание; широкое ф со слегка изогнутой вертикальной чертой и головкой, повернутой вправо; х, состоящее из жирной плоской дуги слева направо и тонкой саблевидной линией справа налево; ъ "крестовое" в сочетании с буквами, имеющими петлю; пси стреловидной формы с вертикальной чертой в виде длинного узкого клина острием вниз. К новым тырновским по происхождению начеркам относится, очевидно, и двустороннее ч с плоской чашечкой⁶⁷. Из других особенностей, связанных с южнославянской традицией, стоит отметить употребление зятой и точки с запятой⁶⁸.

Если отдельные признаки, характерные для письма Добротовского Евангелия (употребление "полубукв", запятая и точка с запятой в качестве знака препинания) известны по рукописям (преимущественно московского происхождения) с конца XIV в. (о чем говорилось выше), то совокупность их свидетельствует в пользу более поздней датировки кодекса. Евангелие Мемнона по характеру письма занимает промежуточное положение в ряду роскошных пергаменных рукописей, таких как написанные русским уставом конца XIV в. Евангелие 1393 г., Онежская Псалтырь 1395 г., Киевская Псалтырь 1397 г., Евангелие Хитрово и "Морозовское" с одной стороны, и написанные новым полууставом, к сожалению не имеющие даты написания Евангелия: Андрониковское, Троицкое ризничное № 5, ГИМ Усп. 2-перг. По сочетанию архаизмов и новаций (как в графике почерка, так и в оформлении) Евангелие Мемнона находит достаточно близкую аналогию в группе рукописей второй половины 1410-х – 1420-х гг., связанной с Кирилло-Белозерским монастырем (Христофорово Евангелие 1416–1417 гг. (ГРМ, Бк. 3268)⁶⁹, Часослов 1423 г. (ГБЛ, ф. 304, I, № 16)⁷⁰, Каноник 1423 г. (ГРМ, Др. гр. 14)⁷¹, Псалтырь 1424 г. (ГРМ, Др. гр. 17)⁷², Каноник не позднее 1427 г. (ГИМ, Муз. 377)⁷³). Рукописи из обители преп. Кирилла Белозерского, тесно связанной с митрополичьей кафедрой и Троице-Сергиевым монастырем и с книгописной традицией, формировавшейся в период "второго южнославянского влияния", нельзя разумеется рассматривать для этого времени в качестве провинциальных и "запаздывающих" в этом отношении новшеств, но предельно раннюю границу создания Добротовского Евангелия (в случае его связи с московским в широком

смысле понятия книгописанием) можно отодвинуть к рубежу 1400–1410-х гг. Именно к этому времени относится появление рукописей (в первую очередь списков аскетических сочинений) скромных по оформлению, написанных на бумаге полууставными почерками южнославянского происхождения и с достаточно последовательной среднеболгарской орфографией⁷⁴. Вероятно, аналогичная ситуация складывалась и в Твери, где при всей скучности сохранившихся памятников можно указать (далеко не первоклассное по оформлению) Евангелие 1417 г., написанное новым полууставом⁷⁵. Для письменности Новгорода подобные памятники известны лишь с рубежа 1420-х – 1430-х гг.⁷⁶, но здесь им почти синхронны роскошные рукописи, написанные новым лингвистическим полууставом⁷⁷. Промежуточные же типы почерков, сочетающие подобно почерку Мемнона архаические черты с новыми графическими особенностями для новгородской письменности не выявлены, во всяком случае, этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

В то же время следует отметить, что сочетание архаизмов графики с южнославянскими по происхождению новациями в почерке Мемнона отнюдь не означает его промежуточного положения между кодексами рубежа XIV–XV вв. и 1400–1410-х гг. в хронологическом отношении. Это было бы возможно в том случае, если бы число южнославянских графико-орфографических черт нарастало в русских (среднеболгарских) рукописях конца XIV – начала XV вв. постепенно. Между тем этого не наблюдается, точно датированные рукописи аскетического содержания первой половины 1410-х гг. являются примером выдержанной среднеболгарской орфографии и южнославянского полуустава со всеми его характерными особенностями. Это дает основание считать рукописи со смешением графических элементов и орфографических норм не переходными, а гибридными, и датировать соответственно не ранее времени достаточно широкого распространения младшего из "родителей" (в данном случае это рубеж 1400-х – 1410-х гг.) для Северо-Восточной Руси и грань 1420-х – 1430-х гг. для Новгорода).

Известные основания для региональной локализации, а отсюда, учитывая широкий хронологический разброс палеографических примет для разных книгописных центров, и для датировки, дают (несмотря на их скучность) остатки орнаментики в Евангелии Мемнона. Речь идет о тонких заставках, выполненных золотом, которые в более скромных по оформлению кодексах рисуются киноварью (л. 1 и 63). Такие золотые тонкие заставки усложненного рисунка характерны для роскошных кодексов конца XIV – первой трети XV вв., связанных с книгописной и художественной культурой Москвы: Евангелие Федора

Кошки, Спасо-Андрониковское Евангелие, лицевой Апостол Русского музея, Псалтырь, написанная в 1424 г. в Кирилло-Белозерском монастыре^{77а} и др. Эта на первый взгляд незначительная деталь оформления рукописи позволяет связать ее происхождение с Северо-Восточной Русью и датировать соответственно 1410-ми – 1420-ми годами.

Такая локализация и датировка подтверждается существованием другой рукописи, созданной тем же Мемноном (но не имеющей записи писца и атрибутированной ему автором данной статьи лишь в последнее время), дата и происхождение которой из-за ее хорошей сохранности и косвенных исторических свидетельств не вызывали серьезных разногласий исследователей (колебания в датировке разных специалистов не превышают четверти века). Речь идет о знаменитом лицевом пергаменном Апостоле (ГРМ, Др. гр. 20), происходящем из Кирилло-Белозерского монастыря⁷⁸. Наиболее поздняя датировка этой рукописи (середина XV в.) встречается у В. Н. Лазарева⁷¹ и поддержана Н. Е. Мневой⁸⁰. Первой третью столетия Апостол датируют Г. Н. Бочаров и В. П. Выголов⁸¹, Г. И. Вздорнов⁸², О. С. Попова⁸³, 1420-ми – 1430-ми гг. – Г. В. Попов⁸⁴. Дополнительным аргументом в пользу такого хронологического ограничения служит книгохранительская помета XVI–XVII вв. на рукописи: "ученика чудотворца Христофора" (второй игумен Кириллова монастыря, умер в 1434 г.)⁸⁵. Свидетельство не зафиксировано более ранними источниками (так, его нет в описи монастырской библиотеки конца XV в.)⁸⁶, но оно могло долго существовать как устное предание. Обосновано и еще большее сужение датировки, до первой четверти XV в., которой придерживаются Т. Б. Ухова⁸⁷, Г. М. Прохоров и Н. Н. Розов⁸⁸ и И. Д. Соловьева⁸⁹. В ее основе лежит наблюдение Т. Б. Уховой о том, что первая из заставок Апостола скопирована в Псалтыри, созданной в 1424 г. в самом монастыре (ГРМ, Др. гр. 17); первая из рукописей таким образом создана ранее этого времени. Внутри этой датировки мнения исследователей расходятся. Т. Б. Ухова помещает Апостол между Христофоровым Евангелием 1416 г. (ГРМ, БК.3268) и Псалтырем 1424 г.⁹⁰. И. Д. Соловьева считает, что Апостол создан раньше Христофорова Евангелия⁹¹. Но в любом случае это 1410-е или начало 1420-х гг.

Принадлежность почерка Апостола Русского музея именно книгописцу Мемнону несомненна: достаточно сопоставить воспроизведения почерков. Ему присуща вся сумма графических особенностей Доброхотовского Евангелия, указанных П. А. Лавровым⁹² и дополненных в настоящем исследовании. Основные отличия наблюдаются в соблюдении среднеболгарских орфографических норм в обеих рукописях. Апостол содержит

жит большее число орфографических русизмов, чем Евангелие, хотя и он в целом следует тырновским нормам; не столь последовательно, по наблюдению В. А. Дыбо, выдержаны здесь и акцентуация⁹³. Отличия эти однако не так уж велики, и безусловно не они вызвали разницу во мнениях о датировке и месте создания двух кодексов, выполненных одним писцом. Если Апостол воспринимался исследователями в тесной связи с местом своего многовекового бытования, то Евангелие к моменту введения в научный оборот было вещью без биографии, подобно случайной, непаспортизованной находке в археологии. Разнится и круг исследователей, занимавшихся каждым из кодексов: если с Апостолом работали преимущественно историки искусства, то с Евангелием языковеды и палеографы. Разумеется, правильная датировка и определение происхождения Апостола не свидетельствуют о преимуществе искусствоведческих методов перед историко-филологическими. Кодекс Русского музея сохранился как целостный памятник, и по отношению к нему существовала гораздо большая возможность сопоставить различные кодикологические данные. Случай с парой рукописей Мемнона лишний раз показывает, какое значение для датировки и локализации кодекса могут иметь приметы, не относящиеся к разряду собственно палеографических. В особенности важность их возрастает для периодов, сложных в графико-орфографическом отношении, к числу которых принадлежит несомненно и эпоха "второго южнославянского влияния".

Высокие художественные достоинства лицевой рукописи Апостола дают основания исследователям (прежде всего искусствоведам) связывать ее создание с одной из столичных книгописных мастерских (скорее всего митрополита Фотия)⁹⁴. Оформлению соответствует и каллиграфический уровень Мемнона, несомненно одного из лучших книгописцев своего времени.

Отождествление почерков Доброхотовского Евангелия и Апостола Русского музея имеет значение не только для датировки и локализации первого из них. Апостол в свою очередь получает конкретного писца, и попутно избавляется от одной легенды о своем происхождении.

Еще архимандрит Варлаам в 1860 г. высказал мнение, что лицевой Апостол, Евангелие 1417 г. и Псалтырь 1424 г. написаны одним писцом – учеником и преемником Кирилла Белозерского Христофором⁹⁵. Если отождествление представляется спраедливым по отношению к Евангелию и Псалтыри⁹⁶, то Апостол резко отличается от них. Достаточно указать разницу в начертаниях букв з (с пологим, уходящим вправо хвостом, в Апостоле и в форме цифры З в двух других рукописях, т (с длинными

несимметричными плечами (почти трехмачтовое) в Евангелии и Псалтыри, и с маленькими отростками по краям перекладины в Апостоле), ч (почти без ножки, расщепом в рукописях 1417-го и 1424-го гг., и симметричное с плоской чащечкой в Апостоле). Несомненно Варлаам исходил из записи XVI–XVII вв. на рукописи ("ученика чудотворца Христофора"), считая ее указанием на писца книги, в то время как она свидетельствует о владельце. Гораздо ближе почеркам Евангелия и Псалтыри почерк Каноника 1407 г. (ГРМ, др. гр. 14)⁹⁷, настолько, что целесообразно ставить вопрос об их идентификации (Евангелие и Псалтырь имени писца не имеют, писец Каноника называет себя Мартинианищем⁹⁸, вероятно, это еще один ученик Кирилла-Мартиниана⁹⁹.

Мнение Варлаама нашло поддержку и в нашем столетии. Все три рукописи атрибутирует Христофору Т. Б. Ухова, со ссылкой на устное мнение Н. Н. Розова¹⁰⁰. Последний безоговорочно придерживается аналогичной точки зрения в монографии¹⁰¹, в одновременно же опубликованной (совместно с Г. М. Прохоровым) статье приводит только мнение архимандрита Варлаама, никак его не комментируя¹⁰². При этом не рассматривается вопрос о соотнесении рукописей, атрибутируемых Христофору, с почерком Евангелия начала XIV в. (ГРМ, др. гр. 9), единственного, имеющего помету XVI–XVII вв. (воспроизведенную в перечне Прохорова и Розова): "Христофорово письмо (разр. моя. – А. Т.), ученика чудотворца Кирилла"¹⁰³.

Против атрибуции Апостола Русского музея Христофору справедливо возражают Г. И. Вздорнов¹⁰⁴ и И. Д. Соловьев¹⁰⁵.

В этом смысле отождествление писца Апостола с Мемноном книгописцем окончательно разрешает этот спор. Разница между почерками Апостола с одной стороны и Евангелия 1417 г. и Псалтыри 1424 г. с другой, особенно очевидна с появлением рукописи, несомненно написанной тем же почерком, что и Апостол. По аналогии с Евангелием Мемнона-книгописца Апостол Русского музея для индивидуализации можно именовать в дальнейшем Апостолом Мемнона.

К сожалению, установить хронологическую последовательность двух кодексов Мемнона на существующем материале не представляется возможным. Большее или меньшее отклонение от среднеболгарской орфографии и акцентуации не может служить здесь показателем, поскольку сам механизм возникновения таких отклонений индивидуален и требует исследования в каждом конкретном случае.

Доброхотовское Евангелие следует признать современным лицевому Апостолу и датировать, как уже сказано выше, 1410–1420-ми гг. Практическая идентичность почерка обеих рукопи-

сей позволяет думать, что временной разрыв между ними весьма невелик, в пределах десятилетия, если не меньше.

Существует соблазн видеть в остатках некогда роскошного Евангелия пару к роскошно иллюминированному Апостолу того же писца. Свидетельств в пользу такого предположения нет (равно как нет и против). Сведения о пергаменных Евангелиях в описи кирилло-белозерской библиотеки конца XV в. кратки и не содержат индивидуальных характеристик¹⁰⁶. Проследить судьбу Евангелия Мемнона до второй четверти XIX в. не представляется возможным. Оно могло попасть в Литву, где было куплено последним владельцем, со старообрядцами, но могло оказаться там и раньше, например, в начале XVII в., когда с участниками интервенции большое число великорусских книг попало в Белоруссию и на Украину, или сразу после изготовления; могло даже быть изготовлено по указанию митрополита для одного из духовных владык или православных монастырей в Литовской Руси, либо заказано ими у прославленного каллиграфа.

Таким образом, основываясь на всестороннем изучении памятника, можно с уверенностью утверждать, что Евангелие Мемнона-книгописца является русской по происхождению рукописью, созданной в Москве, вероятнее всего в окружении митрополита Фотия в первой четверти (или самое позднее – первой трети) XV в. Частный вопрос датировки и локализации списка массового для средневековья памятника в случае с Евангелием Мемнона приобретает значительно более широкое значение. В нем как в зеркале отразился весь комплекс проблем, связанных с историей русского книгописания XV в., в особенности вопросы периодизации локальных вариантов второго южнославянского влияния в области графики и орфографии книжного письма, а также (в меньшей степени) иллюминации рукописей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Известно также под номерами Воскр. 28 (поскольку собрание поступило в библиотеку в дар от душеприказчика архиепископа Павла – П. А. Воскресенского (см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. II (XIX–XX вв.). С. 114) и (ошибочно) под № 11.9.3. – У П. А. Лаврова – см. ниже). Запись писца находится на л. 191.

2. Срезневский В. И., Покровский Ф. И. Описание рукописного отделения Библиотеки имп. Академии наук. СПб., 1910. Т. I. С. 381–382. Судя по тому, что описание рукописи помещено в дополнении, она поступила в БАН со второй частью собрания в 1908 г. (см.: Исторический очерк... С. 114).

3. О времени приобретения рукописи П. Н. Доброхотовым свидетельствует его запись на л. 191: "Проректора иеромонаха Павла Доброхотова. Вильна 1848 г. "Отметим здесь неточности прочтения записи в монографии К. Куева: "Професора" вместо "проректора" и "куплена" вместо "Вильна" (см.: Куев К. Съдбата на

старобългарската ръкописна книга през векове. София, 1986, изд. 2. С. 235).

4. Рукопись содержит в настоящее время 186 пергаменных листов. Первоначально же кодекс состоял более чем из 209 листов (если считать, что все тетради были 8-листными), поскольку л. 184 (пергаменные и бумажные листы, вставленные взамен утраченных, имеют сплошную нумерацию), был последним листом 25-й тетради, а между л. 184 и 185, 190 и 191 утрачено по одному листу (см.: Пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР. Л., 1976. С. 96). Неясно, входили ли листы с миниатюрами в состав тетрадей, или размещались на отдельных листах.

5. Клепиков С. А. Филигри и штемпели на бумаге русского и иностранного производства. М., 1958. № 211 – 1836, 1837 гг. На л. 63 видны следы "белой даты" – цифры 18.., что, возможно, соответствует дате 1836, указанной в справочнике в примечании.

6. Для рукописей XIV–XV вв. на пергамене можно привести, пожалуй, лишь три таких примера: 1) миниатюра "Поклонение волхвов" из Сийского Евангелия, находившегося в момент изъятия листа с изображением в Антониевом Сийском монастыре (см.: Вздорнов Г. И. Из истории искусства русской рукописной книги XIV в. // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972 (Сб. I). С. 148–152; Он же. Искусство книги в Древней Руси. (Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV в. М., 1980, каталог № 29); 2) миниатюры евангелистов из русского пергаменного Евангелия XIV в. – ГИМ, Шук. 10а (см.: Яцимирский А. И. Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Шукина. М., 1896. Ч. I. С. 13; Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольщенко В. С. Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. 1. Русские рукописи // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 209); 3) миниатюра и начальный лист Евангелия от Марка – НБ Гос. Эрмитажа, Кабинет редкой книги № 139711 (Бударгин В. П. Древнерусские рукописи Кабинета редкой книги Научной библиотеки Эрмитажа // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 423).

7. О датировке рукописи см.: Лимитрова М. Из кодикологско-палеографской проблематики на среднобългарските ръкописи (Ръкопис Q. п. I. 56 – ГПБ "Сълтиков-Шчедрин") // Помощни исторически дисциплини. София, 1986. Т. 4. С. 115–146. В "Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв., хранящихся в СССР" (М., 1984. С. 325–326, № 392) принятая старая датировка кодекса втор. пол. XIII в.).

8. См.: Berlinski Sbornik. / Vollständige Studienausgabe im Originalformat von Ms. (Slav.) Wuk 48 aus dem Besitz der Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz. Berlin... Eingeleitet und herausgegeben mit Ergänzungen aus weiteren Quellen von Heinz Miklas... Graz 1988 (Codices Select. Phototypische Impressi Vol. LXXXIX). S. 53–100.

9. Латировка Севастьяновского сборника XIV в. надежно контролируется тем, что существует рукопись на бумаге (Апостол, ГИМ, Хлуд. 40), написанная тем же писцом, что и пергаменный сборник. Бумага кодекса без водяных знаков, но по характеру сетки она относится уже к XIV в. (первая треть – втор. четв. См.: Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков). Т. I. С. XX–XXVII.

10. Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1914 (=Энциклопедия славянской филологии). Вып. 4. I. С. 134–137.

11. Сперанский М. Н. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур (русские памятники письменности на юге славянства) // Изв. ОРЯС. Пг., 1921–1923. Т. XXVI. С. 203–204; То же // Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 51.

12. Мошин В. А. К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей в X–XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 19. С. 78; Miklas H. Kyriillomethodianisches und nachkyriillomethodianisches Erbe im ersten ostslavischen Einfluss auf die

- südslavische Literatur // Symposium Methodianum. / Beiträge der Internationalen Tagung in Regensburg (17–24 April 1988) Neuried, 1988 (=Selecta slavica 13). S. 457 Ac (5).
13. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 355.
 14. Дыбо В. А. Славянская акцентология. М., 1981. С. 265 (список источников). По поводу латировки рукописи автор выражает сомнение, но языковая принадлежность возражений у него не вызывает.
 15. Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР (для "Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР до конца XIV в. включительно") // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 205. № 283.
 16. Пергаменные рукописи... С. 96–97.
 17. Бубнов Н. Ю. Русские и славянские пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 213.
 18. Куев К. Съдбата... С. 234–235.
 19. "За мен обаче няма съмнение, че паметникът е от търновската книжовна практика и че негова родина са българските предели". Там же. С. 235.
 20. Мошин В. Палеографски албум на южнославянското кирилско писмо. Скопје 1966.
 21. Джурова А. 1000 години българска ръкописна книга. / Орнамент и миниатюра. София, 1981.
 22. Показательно, что Евангелие Мемнона не было включено Б. Райковым и Б. Христовой в готовящийся каталог болгарской рукописной книги в хранилищах СССР. Благодарю О. П. Лихачеву, сообщившую нам об этом в беседе.
 23. Воскресенский Г. А. Характеристические черты четырех редакций евангельского перевода Евангелия от Марка по ста двенадцати рукописям XI–XVI вв. М., 1896.
 24. См.: Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1898. Т. I. Вып. 1 (Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского). С. 456; Попов Г. Новооткрыто сведение за преводачна дейност на български книжовници от Света гора през първата половина на XIV в. // Български език. 1978. Г. 28. Кн. 3. С. 402; (Лебедева И. Н.). Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. Л., 1985. С. 64–65 (здесь приведена вся предшествующая библиография). Впервые записи опубликована архиепископом Порфирием Успенским (Первое появление на Синай. СПб., 1856. С. 215–216).
 25. Близкую датировку (посл. четв. XIV в.?) предлагает для Доброхот. 26 X. Миклас (Miklas H. Kyillomethodianisches und nachkyillomethodianisches Erbe... S. 457. Ac (5).), однако в отношении происхождения он придерживается традиционной точки зрения.
 26. См.: Marti R. Slavia orthodoxa als literar – und sprachliches Begriff // Studia slavico-bizantina et medievalia Europensia. Sofia, 1989. Vol. I (Памяти Ивана Дуйчева). Р. 196–197.
 27. См.: Џернић Л. Нека запажања о писарима Оловичке Крмчије // Археографски прилози. Београд, 1981, /кн./ 3. С. 49–64.
 28. О характеристике почерка в целом см.: Лавров П. А. Обзор. С. 135–137. См. также воспроизведения снимков почерка – там же, с. 136, сн. 129 и 130; Пергаменные рукописи... Рис. 35; Куев К. Съдба... (снимок в альбоме репродукций между с. 144 и 145).
 29. Лавров П. А. Обзор... С. 136.
 30. См.: Щепкин В. М. Русская палеография. М., 1967. (изд. 2). С. 118–119; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928 (репринт: М., 1979). С. 184–185.
 31. Воспроизведение см. в факсимильном издании: Киевская Псалтирь

1397 г. М., 1978, а также: Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. / Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV вв. М., 1980. Каталог, № 49.

32. Вздорнов Г. И. Искусство книги. Каталог, № 58.

33. Там же. № 53.

34. Там же. № 54.

35. Там же. № 57.

36. Там же. № 23.

37. Я насчитал 10 случаев употребления буквы **М** этого начертания: л. 9: пои-
Ме(т); л. 32: и Ma/ло рыбиц; л. 32об.: знаMe/nia ищеть; л. 46: одножие ногами
твоиMa; л. 55: по въкрсени же Mo/емь; л. 56: нинБ оуMo/лити; л. 59: глeMo/ Кра-
ниevo мБсто; л. 59об.: бе Мои; л. 67об.: мти Mi e(c); л. 83: выглашаете Ma.

38. Карский Е. Ф. приводит вариант буквы из Ипатьевской летописи (около 1425 г. Псков?) едва ли не в качестве курьеза (Славянская кирилловская палео-
графия. С. 195). В пособии Л. В. Черепнина (Русская палеография. М., 1956.
С. 244 (Табл. 4, левый столбец (XIV в.), последняя буква в строке) воспроизведен
правый вариант (л с "хоботом"), источник не указан (Таблицы переизданы: Па-
леографический альбом. / Учебный сборник снимков с рукописей русских до-
кументов XIII–XVIII вв. Л., 1968. С. 9).

39. Евангелие апракос НБ МГУ 2 Bd 42. См.: Вздорнов. Искусство книги. Ка-
талог № 53; Служебник "царевича Алексея Петровича" - БАН, 17.12.1. См.: Пер-
гаменные рукописи... Рис. 40. Датировка рукописи в описании (Там же. С. 115)
представляется излишне ранней – почерк кодекса очень близок к почеркам ру-
кописей круга Киевской Псалтыри (хотя Служебник новгородского происхожде-
ния); Переславское Евангелие 1389–1425 гг., вероятно, нач. XV в. (ГПБ, ф. п. I. 21) –
Вздорнов. Искусство книги. Каталог /86/; Минея служебная, январь–февраль
(ЦГАДА, ф. 381, № 102), около 1415 г. или 1426 г., Северо-Восточная Русь (возмож-
но, Переславль-Залесский или Ростов), л. 5в. Встречается и более сложный вари-
ант – в виде вытянутого строчного скорописного г (первая половина "альфы") –
Минея служебная на март–апрель (ЦГАДА, ф. 381, № 109, л. 1об. а, 2а, 3б, 8а, 12б,
32т, 35а, 38а и в, 39а и г, 49а, 53а, 54а, 64в, 67в, 70а, 71а, 73б, 74в, 75в, 78а); Минея
служебная на май–июнь (Там же, № 115, л. 6в, 8а и в (2 примера) и г (2), 9а, б и г,
13а и в, 15а и в, 16а и б, 17а, 18в и г, 19а, в и г (2), 20а и г, 21в и г, 22в, 23а, б и в,
24а–г, 25а, в и г, 26а и г, 27в). Последние две рукописи происходят из одного ком-
плекта с ЦГАДА, ф. 381, № 102, что отмечал еще А. А. Покровский (Древнее псков-
ско-новгородское письменное наследие. М., 1916. С. 42–43; 69–70) и в последнее
время подтвердила палеографическими наблюдениями Л. В. Мошкова, уточнив-
шая датировку комплекта, за что автор выражает искреннюю признательность.

40. ГИМ, Воскр. 2, кон. XIV – нач. XV в. (Вздорнов. Искусство книги. Каталог
№ 54); правый вариант. Евангелие Федора Кошки (Там же, № 57). ЦГАДА, ф. 381,
№ 102 (см. примеч. 39), л. 3а, 20а, 27а, 31в, 33в, 37б, 38б, 40а, 41в, 46в (2 примера),
47в, 50в (правый вариант); № 109: л. 4г (левый вариант), 3а, 9а, 12б, 28а, 103а (пра-
вый вариант); № 115, л. 6в (правый вариант). В Типограф. 102 встречается также в
конце строк особое начертание **м** в виде латинского **N** прописного (л. 3а, 43в), но,
вероятно, из-за опасности смешения с и вариант не получил распространения.

41. Микилино Евангелие конца XIV в. (БАН, 34.5.20) – Пергаменные рукопи-
си... Рис. 36 (Датировка рукописи в описании – сер. XIV в. – Там же. С. 97–98)
представляется излишне ранней.

42. Служебник "царевича Алексея Петровича" (см. примеч. 39); Пролог
1406 г. – точнее, не ранее 1408 г., поскольку в записи упоминается митрополит
Фотий – ГИМ, Усп. 3 перг. (Жития Кирилла и Мефодия. М.; София, 1986. С. 263).
Типографские Минеи первой трети XV в. (№ 102 и 109) как обычно, (см. примеч. 39
и 40), дают более сложные варианты начерков – с крючком наверху, повернутым
влево (подобно **a**, см. примеч. 40). В Типогр. 109, кроме того, над горизонтальной

четвой, от которой отходят "ножки" буквы, рисуется еще одна, более короткая (№ 102 – л. 5в, 7в, 33в, 39а, 51а, 53в, 56в, 58в; № 109 – л. 1об. в, 4в, 5в, 6в, 86, 156, 16г, 17г, 18а, 19в, 21б, 28г, 32г, 35а и в, 37в, 38г, 42а (2 примера), 52в, 55б, 58в, 69а, 72а и в, 73в, 80г, 103а.

43. Выше (примеч. 38) уже упоминалось сокращенное написание **м** в Ипатьевской летописи (около 1425 г., Псков?). Указанные выше начертания **м** и **д** находим в рукописях БАН, Археогр. ком. 171 и ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Карельское собр., № 476, датируемых первой пол. XV в., и являющихся частями (двумя томами?) одного богослужебного сборника особого состава отождествление частей мое, описание см.: Жуковская Л. П. Пергаменные рукописи Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 377–379; Пергаменные рукописи... С. 113–115). Рукописи происходят с Севера-Запада или Севера России (Л. П. Жуковская (с. 378) предлагает локализацию рукописи ИРЛИ: "Псков или юго-западнее"). Отмечу для этой пары рукописи также особое начертание **ъ** в конце строки – с заворотом верхней горизонтали вверх и вправо.

44. Таковы Ватиканская псалтырь (*Slav. 8*) конца XIV – нач. XV в. и приписка в сборнике ГИМ, Син. 951 (Горский и Невоструев, 316). См.: Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. С. 214; Сперанский М. Н. Тайнопись в юнославянских и русских памятниках. Л., 1929 (ЭСФ. Вып. 4. 3.) С. 78–87; Джуркова А., Станчев М., Япунджич М. Опис на славянските ръкописи във ватиканската библиотека. София, 1985. С. 72, № 8, табл. CLXI.

45. Лавров. Обозрение... С. 136.

46. В этом случае, в начале ХХ в., до широкого внедрения практики филигранологических методов, скорее могла возникнуть поздняя дата – рукопись могли счесть молдавской и отнести к концу XV в. – времени создания роскошных молдавских рукописей. В том же каталоге, где помещено первое описание Евангелия Мемнона, как рукопись среднеболгарского извода кон. XV в. описано бумажное лицевое Аникеево Четвероевангелие (Срезневский и Покровский. Описание... С. 7–8). Описатели в данном случае следовали за А. Х. Востоковым, посвятившим рукописи отдельную статью, где она рассматривается как классический пример среднеболгарской орографии в рукописи молдавского происхождения (Востоков А. Х. Филологические наблюдения. СПб., 1865. С. 190–191). Правописание памятника действительно последовательно среднеболгарское, но сама рукопись не только русская, но и несомненно молдавская, и при этом не позднее 1420-х гг.

47. Для юнославянской кириллической традиции (хорватская глаголическая даёт самостоятельную картину) ситуация представляется более определенной. Верхний предел употребления пергамена в собственно болгарской и сербской письменности – самое начало XV в. Самый поздний точно датированный памятник – хронологически тесно связанный с предшествующей традицией – боснийский "Хвалов сборник" 1404 г. (Б-ка Болонского университета № 3575 В, см.: Карский. Славянская кирилловская палеография... С. 94; библиография: Capaldo M. *Les manuscrits slaves et leur étude en Italie* // Полата кънигописъна. Nijmegen, 1978, № 1. Р. 24). Позднее юнославянские рукописи на пергамене почти не встречаются (см.: Богдановий Д. Инвентар Ћирилских рукописа у ѡугославији. XI–XVII в.). Београд, 1982 (= Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Од. 1. Књ. XXX); Български ръкописи от XI до XVIII в., запазени в България / Своден каталог. София, 1982. Т. 1. С. 60–91), где пергаменные рукописи XV в. практически отсутствуют. Непонятно, на чем основано замечание В. Н. Щепкина (Русская палеография. С. 36), "что в Сербии роскошные рукописи часто пишутся на пергаменте в XV в.", можно указать лишь два Евангелия: 1424 г. (ГПБ, F. п. I. 120) и 1454 г. (отрывок – ГБЛ, собр. П. И. Севастьянова, II. 48). Для времени позднее нач. XV в. широкое употребление пергамена характерно лишь для молдав-

ской книгописной традиции (древнейшая рукопись – Евангелие тетр 1428 г. Бодлеанской библиотеки в Оксфорде № MS Canon Gr. 122, а основная масса относится к концу XV – началу XVII вв.).

Известно также, что часть тиража сербских изданий типографии Божидара и Виченцо Вуковичей в Венеции (Октоих 1537 г., Минея праздничная 1538 г., Сборник 1560 г., а также возможно и Сборник 1536 г.) печатались на пергамене (см.: Медаковић Д. Графика српских штампалајних књига XV–XVII века (=Српска академија наука. Посебна издања. Књ. CCCIX; Одељење друштвених наука. Књ. 29). Београд, 1958. С. 73–74), однако этот факт, вероятно, следует связывать скорее с традицией не сербского книгописания, а раннего европейского книгопечатания.

Выводу том, что пергамен как книгописный материал вышел в начале XV в. из употребления у южных славян, противоречат на первый взгляд данные "Предварительного списка славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР" (М., 1986), где отмечено 27 рукописей среднеболгарского (№ 186, 198, 201, 357, 474, 540, 559, 789, 805, 922, 962, 1004, 1024, 1032, 1241, 1264, 1265, 1531, 1532, 1544, 1693, 1865, 1866, 2031, 2134, 2154, 3230, 3370 и 3399) и 18 сербского (№ 59, 136, 372, 406, 471, 538, 544, 579, 580, 804, 1038, 1058, 1327, 1520, 1536, 1774, 3226) извода (данные об изводе уточнены в ходе работы над Предварительным списком Сводного каталога XI–XV вв. славянских рукописей балканского происхождения, составляемого СИБАЛ, и Сводным каталогом славяно-русских рукописных книг XIV в., хранящихся в СССР), написанных на пергамене. Однако это объясняется несовершенством датировки южнославянских рукописей – ПС–ХV в данном случае следует за датировкой печатных описаний, между тем в последних датировка именно южнославянских рукописей (как пергаменных, так и бумажных) оставляет желать лучшего (в особенности это относится к рядовым, не роскошным манускриптам). Хотя славянская кириллическая палеография в целом в XIX – начале XX вв. как специальная дисциплина формировалась в первую очередь трудами русских ученых (и в этом смысле для южнославянской палеографии труд П. А. Ладрова остается до сих пор последним словом, т. к. позднейшие очень важные наблюдения над отдельными рукописями и группами кодексов остаются необобщенными в целостную систему), она постоянно сохраняла отчетливо выраженный восточнославянский характер в систематике и палеографических критериях оценок, при перенесении которых на памятники южнославянской традиции (которая со второй половины XIII в. резко разошлась с восточнославянской, а затем, на рубеже XIV–XV вв. оказала на нее сильнейшее воздействие в графике, орографии и орнаментике) погрешности в датировке последних были неизбежны. Положение изменяется лишь в начале нашего века в результате распространения филигранологического метода датировки (который по мере накопления палеографических примет в бумажных рукописях внес коррективы и в датировку пергаменных) и вследствие работ в первую очередь А. И. Соболевского (Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. – СПб., 1903, с. 2–5) и В. Н. Щепкина (Русская палеография. С. I. – 135), указавших на большой хронологический разрыв в развитии южно- и восточнославянских почерков. Большинство печатных описаний славянских рукописей, хранящихся в СССР, вышло в свет до этих работ или одновременно с ними и их результаты не были учтены. Эти, ставшие уже традиционными, датировки перекочевали в каталоги пергаменных рукописей крупнейших хранилищ страны (ГПБ, ГИМ, БАН), вышедшие в свет в 1950-х – 1970-х гг., исключение составляет лишь ГБЛ, где в результате работы по Справочнику-указателю и Сводному каталогу датировка рукописей была последовательно уточнена и исправлена столь высококлассным специалистом как Н. Б. Тихомиров. В датировку рукописей собраний ГПБ большие коррективы внесли работы В. А. Мошина, К. Ивановой и В. М. Загребина, часть которых была учтена уже в процессе составления ПС–ХV (с. 367–374). Приложение;

Рукописные книги XIII–XIV вв., не вошедшие в ПС XI–XIV.

Реальная картина с южнославянскими пергаменными рукописями XV в. в хранилищах СССР выглядит следующим образом. Из 29 среднеболгарских кодексов, указанных в ПС-XV, 3 (№ 922, 1032 и 1532) относятся к концу XIII в. Для № 922 (ГИМ, Ув. 1176-4°) все сведения в "Описании пергаменных рукописей ГИМ" (ч. 1. АЕ за 1965 год. С. 227) ошибочны: это Минея на сентябрь (а не на март), не русская, а среднеболгарская, написанная почерком писца "Добриановой минеи" ("Минеи Григоровича"), № 1032 и 1532 (включает также сербские части XIV и XV в.), 9 – (№ 357, 805, 1241, 1265, 1532, 1643, 1866, 2154) датируются XIV в. (№ 1866 попал сюда по ошибке, т. к. уже помещен в ПС XI–XIV, № 1010), 1 – (№ 1024) болгарская нач. XV в. (или рубежа XIV–XV столетий), 2 – (№ 540 и 789) и русские рукописи перв. пол. XV в., 3 – молдавские рукописи XVI в. (№ 1544, 3220 и 3370), остальные – молдавские XV в.

Из 17 сербских рукописей кроме уже упоминавшихся Евангелий 1424 г. и 1454 г. (№ 59 и 136) остальные датируются более ранним временем: № 3226 (пергаменные листы) – кон. XIII – нач. XIV в., а все прочие – XIV столетием (№ 1038 и 1058 попали в ПС-XV ошибочно, т. к. уже включены в ПС XI–XIV под общим № 1353).

48. См.: Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. / Лекции. СПб., 1908. Изд. 2 (репринт: Лейпциг, 1972). С. 40–41; Щепкин. Русская палеография... С. 35–36; Карский. Славянская кирилловская палеография. С. 94–96.

49. Исключение составляет галицко-волынская Лествица втор. пол. XIII в. (ГГАДА, ф. 181, РО 6-ки МГАМИД, № 452), написанная "впрокладку" на пергамене и бумаге без водяных знаков, однако не исключено, что она была создана русским писцом на Афоне. См.: Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ГГАДА СССР. М., 1988. Ч. I. С. 98–99, № 35; Гальченко М. Г. Палеографическое описание Архивской Лествицы XIII в., одной из древнейших славянских рукописей, написанных на бумаге и пергамене ("впрокладку") // *Palaeobulgarica*, 1989, № 1. С. 46–52.

50. Соболевский. Славяно-русская палеография. С. 40.

51. Дергачева И. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV–XVII вв. (из материала Синодика). Мюнхен, 1990.

52. Одной из таких легенд, теперь к счастью преодоленной (Рукописные книги собрания М. П. Погодина / Каталог. Л., 1988. Вып. I. С. 60–61), является датировка пергаменного Паренесиса Ефрема Сириня Погод. 71а 1492 г. Действительно, запись писца на т. 229 дает известные основания для такой датировки, т. к. начинается словами: "В лето семое тысяще написавшаяся книги сия...", однако, как считал еще И. И. Срезневский (Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках СПб., 1867. Т. 1. Вып. 1, с. 27–81), это в данном случае формула, указывающая не год, а именно тысячеление ("В год седьмого тысячелетия") от сотворения мира, т. к. дальше следует указание на волынского князя Владимира Васильковича (1269–1288 гг.), при котором книга была написана ("при царстве благоверного царя Володимера, сына Василкова, унука Романова"). Ярым сторонником датировки Погодинского Паренесиса 1492 г. выступал А. И. Соболевский (Очерки по истории русского языка. Киев, 1884. Ч. I. С. 50–58; Славяно-русская палеография. С. 40).

Причина этого видится прежде всего в том, что в орфографии рукописи необыкновенно ярко проявились особенности галицко-волынских говоров (примеры см. в издании текста: Bojkovski G. Parænesis. Die Altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers. Freiburg 1984–1987. Bd. 1–3 (Monumenta linguae slavicae dialecti viterbiæ. Fontes et dissertationes. Т. XX, XXII (XX, 2), XXIV (XX, 3), что для конца XIII в. по мнению исследователя было невозможно. В действительности, однако, именно яркая диалектная окрашенность орфографии свидетельствует в

пользу древности рукописи, тогда как в восточнославянских рукописях XV столетия местные особенности полностью нивелированы господствующей среднеболгарской орфографией (что на западе Украины подкреплялось авторитетом книгописных традиций Молдовы (тырновских в своей основе), оказывавших сильнейшее воздействие на графику, орфографию и оформление рукописей южной части Великого княжества Литовского).

Мнение А. И. Соболевского получило безоговорочную поддержку позднейших исследователей, включая и украинских, обычно склонных к удревнению своих памятников. В силу этого рукопись не вошла в ПС XI–XIV и СК XI–XIII.

Между тем памятник, безусловно, не имеет аналогий в XV в. Письмо рукописи – русский устав без следов влияния южнославянского полуустава (хотя бы и литургического тырновского) в графике. Можно указать лишь одну индивидуальную особенность, которую иногда трактуют как новацию XV в. – одностороннее Ч. Но это отнюдь не стандартный начертак начала XV в., скорее можно сказать, что это двусторонне Ч со склоненной влево ножкой. Сходный начертак буквы можно указать в одном из начертков современного Паренесису кодекса – Рязанской кормчей 1284 г. (СК XI–XIII, № 198, образцы почерков в точно датированных рукописях, табл. г).

Орнаментика Погодинского Паренесиса – не очень умела тератология – не обнаруживает однако сходства ни с деградирующими провинциальными образцами XV в. в пергаменных рукописях, ни с суховатыми (хотя графически и безупречными) раритетами вроде Рязанской псалтыри втор. пол. XV в. Неуклюжесть тератологии Паренесиса – свидетельство не времени, а не очень высокого мастерства иллюминатора.

Миниатюра с изображением Василия Великого и Ефрема Сирина не несет на себе отпечатка палеологовского стиля (что почти неизбежно для высоких образцов XV в.), напротив, находит довольно близкие соответствия в домонгольском искусстве (стенописи Рождественского собора в Суздале 1220-х гг.).

Другим мифом является датировка пергаменного Евангелия ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 2/2 1473–1480 гг. (Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских рукописей (ГПБ). Л., 1953. С. 66). Она основана уже на чистом недоразумении. Рукопись имеет помету казначея: 'По Никите по Семашкове дали'. В указанные годы Никита был епископом Коломенским, но вкладом по нему (т. е. не ранее 1480 г.) была дана рукопись значительно более раннего времени – приблизительно первой трети XV в. (вероятно, 1410–1420-х гг., образец почерка см. в описании Е. Э. Гранстрем). Вероятно, рукопись отнесли ко втор. пол. XV в. потому, что она написана уже очень развитым младшим полууставным почерком. Однако этот почерк может показаться поздним только в том случае, если считать процесс развития восточнославянского книжного письма прямолинейным. В действительности же появление новых (южнославянских по происхождению) полууставных почерков носило спонтанный характер. Они появляются как законченная сложившаяся система, и на протяжении XV в. не претерпевают сколько-либо заметных изменений (но зато к концу столетия широко распространяются и становятся преобладающими). Практически все палеографические приметы (в особенности это относится к набору выносных)*, относимые обычно

* В этом смысле серьезного уточнения требуют отдельные положения учебника В. Н. Щепкина, § 87 которого гласит: 'В XV в., в первой половине, находим без титла только надстрочное д над любой буквой и надстрочное т над омегой в предлоге Й; над другими буквами надстрочное т без титла очень редко и всегда сохраняет свою ножку. Во второй половине без титла находим надстрочные д' и з

к рубежу XV–XVI вв. существуют в комплексе уже в рукописях аскетического содержания 1410-х – 1420-х гг. (например, Лествицы 1411 г. (ГБЛ, ф. 304, I, № 156; Вздорнов. Каталог № 74) и 1412 г. (ГБЛ, ф. 310, № 192; Вздорнов. Каталог № 42), Поучения Аввы Дорофея 1414 г. (ГБЛ, ф. 304, I, № 165; Каталог № 75), Коломенская Лествица 1421 г. (ГПБ, Пог. 73; Каталог № 90), Лествица Десницкого (ГБЛ, ф. 439, кар. 621, е. хр. 1; Вздорнов. Каталог № 43) и др., к которым близко по времени и Кирилло-Белозерское Евангелие.

53 Кроме рукописей, учтенных в ПС–XV, в это число входят 19 кодексов и их фрагментов, вошедших в ПС XI–XIV и к настоящему времени отнесенные к XV в. (№ 283 (Евангелие Мемнона), 445, 882, 975, 1211, 1229, 1301, 1303, 1308, 1310, 1324, 1340, 1370, 1404, 1408, 1421, 1474) и рукописи, не учтенные в ПС–XV (ЦГАДА, ф. 381 (Син. Типография), № 88, Минея служебная на сентябрь–октябрь, 1415 г. или 1426 г. и ГИМ, собр. Уварова, 922-4*, Псалтырь нач. XV в., ошибочно описанная как молдавская – см. Описание пергаменных рукописей ГИМ. Ч. 2. С. 302).

54. Помимо 39 рукописей, учтенных в ПС–XV, к их числу относятся также упомянутая выше Типографская Минея № 88. Это число следует увеличить еще на 4 книги, происходящих из того же комплекта (ПС–XV, № 870, 901, 927, 947). Но число датированных пергаменных рукописей нельзя ограничивать 43, оно возрастает за счет рукописей, образующих комплексы с точно датированными. В первую очередь это относится к Минеям Служебным, которых можно реконструировать (хотя бы частично) не менее трех комплектов: 1425 г. (ПС–XV, № 64), 1438–1443 гг. (№ 97, 105–107, 110), 1454 г. (№ 137) и 1463–1464 гг. (№ 172 и 177). Как установлено недавно, к комплекту 1438–1443 гг. принадлежат также рукописи ГПБ, Соф. 190 и 210 (ПС–XV, № 854 и 990), а к комплекту 1463–1464 гг. рукописи БАН 16.14.14 (ПС–XV, № 849) и ГПБ, Соф. 192 и 195 (ПС–XV, № 2758 и 2776) – см.: [Шварц Е. М.] Новгородские рукописи XV в. / Кодикологическое исследование Софийско-Новгородского собрания ГПБ. М.-Л., 1990. С. 19–27. К комплекту 1425 г. относится, вероятно, Минея на март – апрель (ГИМ, Син. 172). Число датированных восточнославянских пергаменных рукописей возрастает таким образом до 49.

55. Разумеется, существуют и регионы, для которых в этом отношении нельзя говорить определенно. Такова Белоруссия, от книгописной традиции которой до

и тх, причем к д может присоединяться о, а т иногда теряет свою ножку" (Русская палеография. С. 134; см.: Творогов О. В. О выносных буквах в русских рукописях XV–XVII вв. // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 162–175).

Сказанное может быть отнесено только к торжественным литеургическим полууставным почеркам, которыми картина русской письменности отнюдь не исчерпывается. Весь перечисленный набор признаков систематически употребляется в почерках отмеченных выше аскетических рукописей 1410-х – 1420-х гг. К ним можно добавить соединения ди, мо. Набор признаков, появившихся в почерках этого времени, позднее использовался не в полном объеме. Так, в русских почерках XV–XVI вв. гораздо ранее, чем в южнославянских XIV–XV вв. употребляется Ъ "крестовое", представляющее верхнюю часть буквы, написанную над строкой, в исходных вариантах над буквой, имеющей петлю.

Невнимание исследователя к этой группе полууставных почерков трудно объяснимо, поскольку они известны в рукописях старых исторических собраний и отражают традицию деятельности наиболее продуктивных книгописных центров своего времени – новых общежительных монастырей Москвы и Подмосковья (во главе с Троицким Сергиевым), Заволжья (в первую очередь – Кирилло-Белозерский), несколько позднее и Новгорода (рукописи нач. 1430-х гг. из Лисицкого монастыря).

сер. XV в. сохранились лишь единичные памятники. Самый поздний датированный памятник на пергамене здесь – "Друцкое Евангелие" (ГПНТБ СО АН СССР, Тих. Р–I), относящееся к 1400–1401 гг. (если данная на последнем листе запись написана почерком писца кодекса) – см.: Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 9–11; № 1. Ошибка в дате данной грамоты (6509 – 1000/1001 г. вм.: 6909 – 1400/1401) возникла из-за того, что писец, не привыкший, вероятно, оперировать цифрами сотен, полагал, что ф ("Ферт стоячий") и о ("Ферт лежачий") связаны не только звуковым, но и числовым значением (если "лежачий" – 9, то "стоячий" – 900). Дата бесспорно корректируется именем вкладчика – кн. Василий Михайлович Друцкий - свят Олега Ивановича Рязанского (см.: Тихомиров. Описание. С. 1).

Мало данных сохранилось и для Украины – только две рукописи: Евангелие 1421 г., написанное в Онуфриевском монастыре (Тульский краеведческий музей, № 304; ПС–XV, № 48). Более поздние опыты (напр., Переопницкое Евангелие XVI в.), вероятно, связаны с влиянием молдавской традиции на западе Украины.

56. Памятники тверского книгописания XV в. (как, впрочем, и предшествующих столетий) вообще известны весьма в небольшом числе. Помимо 8 точно датированных рукописей (см.: Вздорнов. Каталог, № 21–23, 25–28 и ПС–XV, № 240) сохранились сведения еще о двух рукописях кон. XIV или нач. XV в. (Вздорнов. Каталог, № 24) и 1442 г. (запись писца дошла в списке XVIII в. – ГПНТБ СО АН, Тих. Р–304. См.: Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания. С. 91–92), и ряда кодексов, созданных уже после падения независимого Тверского княжества (см.: Попов Г. В. Позднетверская рукописная орнаментика: Четвероевангелие конца XV – начала XVI в. из Иосифо-Волоколамского монастыря // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 92–108). Выявление недатированных и нелокализованных рукописей тверского происхождения затруднено отсутствием локальных особенностей в орографии, графике и оформлении рукописей (исключение составляет, пожалуй, лишь сборник сер. XV в. ГБЛ, ф. 292, № 253, содержащий тверской летописный свод – "Рогожский летописец"). Существование консервативных архаизирующих тенденций в книжной культуре Твери можно предполагать на основании общего облика Евангелия-апракос 1463 г. (ГПБ, собр. Погодина, № 18), созданного в Пскове писцом Борисом шестником Тверитином (см.: Бетин Л. В. Псковская миниатюра 1463 г. и проблемы псковской живописи XV в. // Древнерусское искусство. / Рукописная книга. М., 1972. (Сб. 1), С. 196–217 и иллюстрация на вклейке). Это, безусловно, одна из самых архаичных по письму и орографии русских рукописей XV в. (не будь в ней записи писца, ее можно спокойно было бы отнести к началу столетия), однако что в этой архаичности идет от тверского происхождения писца, и что от псковских особенностей – сказать трудно. В то же время в облике Устава 1438 г. (как и других тверских рукописей перв. пол. XV в.) нет каких-либо заметных архаических черт – он похож на современные ему московские рукописи и письмом и оформлением (и в этом еще одна трудность выявления книгописного наследия Твери XV в.). Возможно, несколько более продолжительное употребление пергамена для книгописания в Твери по сравнению с Москвой объясняется более стабильной политической и экономической ситуацией в княжестве, не подвергшемся изнурительной феодальной усобице (см. ниже).

57. См.: Вздорнов. Искусство книги... Каталог № 103, 105–109 – 1416–1424 гг.

58. Основанием для отнесения комплекта типографских миней служит в первую очередь то обстоятельство, что каноны ростовским святым в полуторме на май (№ 115) помещены в службах 23 (Леонтий) и 28 (Игнатий) мая на первом месте – несомненное указание на их особое почитание (наблюдение принадлежит Л. В. Мошковой). Орнография рукописей, входящих в комплект, не противоречит такой атрибуции, в ней отсутствуют особенности, которые можно было

бы объяснить украинским, белорусским, новгородско-псковским или смоленским происхождением кодексов.

59. См.: Вздорнов. Искусство... № 102.

60. См.: Белякова О. К. К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 15.

61. См. указатель рукописей, написанных на пергамене в ПС–XV и примечания 47 и 53.

62. Для роскошных кодексов процесс перемещения принял широкий размах еще в XVII в., когда среди представителей церковных и светских властей возникла своеобразная мода вкладывать в крупнейшие монастыри и кремлевские храмы роскошные пергаменные кодексы (царская фамилия, Б. И. Морозов, Б. М. Хитрово, в особенности патриарх Никон). К этому времени относится и формирование единой на первом этапе коллекции пергаменных кодексов того же патриарха Никона, вошедшей позднее частями в Синодальную, Типографскую и Новоиерусалимскую (Воскресенскую). Это, конечно, отнюдь не исключает миграции рукописей в предшествующее время.

63. Материал, привлеченный Г. В. Поповым (Живопись и миниатюра Москвы середины XV – начала XVI вв., М., 1975) наглядно свидетельствует об отсутствии не только роскошных, но и вообще лицевых рукописей московского происхождения между 1420-ми и 1470-ми гг. Встречающееся в литературе указание на лицевую московскую пергаменную рукопись середины XV в. (ГИМ, Музейск. 364 (Попов Г. В. Живопись и миниатюра... С. 29, 30; Popova O. Les miniatures russes du XIe au XVIIe siècle. L., 1975. P. 156; Вздорнов. Искусство книги... С. 111. Каталог, № 69 (втор. четв. XV в.); Попова О. С. Русская книжная миниатюра XI–XV вв. // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983, Сб. 3. С. 70) основано на неверной атрибуции памятника. В действительности, как убедительно показала Э. С. Смирнова в докладе во ВНИИ искусствознания в июне 1990 г., рукопись эта действительно середины XV в., но создана в Новгороде. (см. также: Смирнова Э. С. Новгородские лицевые рукописи XV в. (Художественные центры Древней Руси. В печати). К мнению Э. С. Смирновой присоединился и Г. В. Попов. Существуют мнения о более позднем происхождении рукописи (библиографию см.: Вздорнов. Искусство книги... Каталог № 69).

64. См.: [Шварц Е. М.]. Новгородские рукописи... С. 27–29.

65. Там же. С. 30–60.

66. См.: Лавров П. А. Палеографическое обозрение... С. 134–137, снимки 129 и 130; Пергаменные рукописи... Рис. 35.

67. Там же.

68. Там же. В русских рукописях запятая появляется в 1390-х гг. К числу ранних случаев ее употребления относится Онежская (Смоленская) Псалтырь 1395 г. (ГИМ, Муз. 4040).

69. См.: Вздорнов Г. И. Искусство книги... Каталог, № 103.

70. Там же, № 106.

71. Там же, № 107.

72. Там же, № 108.

73. Там же, № 109.

74. Таковы, например Лествицы 1411 г. (ГБЛ, собр. ТСЛ, № 156 – Вздорнов. Каталог № 74) и 1412 гг. (там же, собр. Большакова № 289 и собр. Ундовольского № 192 – Вздорнов, каталог № 42), Поучения аввы Дорофея 1414 г. (ГБЛ, ТСЛ, № 165 – Вздорнов. Каталог № 75) и др. См.: Вздорнов Г. И. 1. Книгописание и художественное оформление рукописей в московских и подмосковных монастырях до конца первой трети XV в. // ТОДРЛ. М., Л.: 1966. Т. 22; 2. Роль славянских мас-

терских письма Афона и Константинополя в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV и XV вв. // Там же. М.-Л., 1968. Т. 23 (в особенности – приложение).

75. См.: Вздорнов. Искусство книги... Каталог, № 27.

76. Таковы Лествица (ГБЛ, Рум. 200) и Сборник аскетический (ГБЛ, ТСЛ, № 175), написанные в 1431 г. в Лисицком монастыре под Новгородом. Об этом книгописном центре см.: Бобров А. Г. 1. Из истории книгописания Лисицкого Новгородского монастыря в конце XIV – начале XVI в. // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах ОРПК. Сборник научных трудов ГПБ . Л., 1985. С. 10–16; 2. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV – первая половина XV в.). // Книгописные центры Древней Руси XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78–98.

77. Очевидно, ко времени Евфимия II относится (как убедительно показала Э. С. Смирнова) лицевое пергаменное Евангелие (ГИМ, Муз. 364), ранее считавшееся московским по происхождению (см. примеч. 63).

77а. Вздорнов. Искусство книги... Каталог, № 57, 61, 68, 108.

78. Наиболее полный обзор существующих мнений искусствоведов (исследователи других специальностей к кодексу по существу не обращались) о рукописи Русского музея приведен в статье И. Д. Соловьевой. "Художественное оформление рукописей первой четверти XV столетия из Кирилло-Белозерского монастыря в собрании Русского музея." // ПКНО 1982. Л., 1984. С. 224–227; 230, 232. Краткое описание кодекса ГРМ Др. гр. 20, воспроизведение отдельных страниц с миниатюрами и заставками и предшествующую библиографию см.: Вздорнов, Искусство книги... Каталог, № 68.

79. Лазарев В. Н. Дионисий и его школа. // История русского искусства. М., 1955. Т. III. С. 536–537.

80. Мнева Н. Е. Искусство Московской Руси второй половины XV–XVI вв. М., 1965. С. 52–53.

81. Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Вологда, Кириллов, Ферапонтово, Белозерск. М., 1969. С. 150 (изд. 3-е. М., 1979. С. 173, 219).

82. Вздорнов Г. И. Неовизантийский орнамент в южнославянских и русских рукописных книгах до начала XV в. // ВВ. М., 1973. Т. 34. С. 235; Искусство книги... Каталог № 68.

83. Popova O. Lee miniatures... Р. 126; Попова О. С. Русская книжная миниатюра... С. 60.

84. Попов Г. В. Живопись и миниатюра... С. 15.

85. Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950. Вып. V. С. 26.

86. "Апостол в десь на харатьи, з золотом, тетр". – Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1987 (ОЛДП 113). С. 4, № 53.

87. Ухова Т. Б. Орнамент неовизантийского стиля в московских рукописях конца XIV – первой четверти XV в. // Андрей Рублев и его эпоха. Л., 1971. С. 234–235. Описание, воспроизведение отдельных страниц и библиографию см.: Вздорнов. Искусство книги... Каталог, № 108; Прохоров Г. М., Розов Н. Н. Перечень книг Кирилла Белозерского. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 359, № 3.

88. Прохоров, Розов. Перечень... С. 353, 354, № 4; Розов Н. Н. Книга в России в XV в. Л., 1981. С. 66, 113.

89. Соловьева. Художественное оформление... С. 224–226.

90. Ухова. Орнамент... С. 234, 235.

·91. Соловьева. Художественное оформление... С. 230.

92. Лавров. Палеографическое обозрение... С. 134–137.

93. Сообщено В. А. Дыбо в устной беседе с автором. Отметим кстати, что

мнение о русском происхождении Евангелия Мемнона получило наконец признание и у лингвистов (см.: Дыбо В. А., Замятин Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990. С. 269).

94. Попов. Живопись и миниатюра... С. 15. Попутно нельзя не высказать замечания относительно источников миниатюр Апостола Русского музея, поскольку О. С. Попова видит в них связь "с искусством Молдаво-Валахии" (Русская книжная миниатюра... С. 60). Основанием для этого служит несомненная близость изображений апостолов в кодексе Русского музея с миниатюрами евангелистов в пергаменном Тетраевангелии 1429 г. Бодлеанской библиотеки (Col. Can. gr. 122), написанном для молдавского воеводы Александра Доброго.

Оставим в стороне несомненно неудачное определение "Молдаво-Валахия", хотя его значение в данном случае неясно: что это — Молдавия и Валахия или же Молдовохалкия в средневековом значении термина (собственно Молдавия в отличие от Угровлахии — Валахии). Нелишне однако напомнить, что Молдавия в первой половине XV в. не обладала сколь-либо устойчивыми художественными традициями (в равной степени это относится и к Валахии, разрозненные художественные памятники которой не обнаруживают заметного единства с молдавскими); миниатюры Евангелия 1429 г. стоят не столько даже особняком, сколько в одиночестве. Складывание прочных местных художественных традиций относится уже к последней четверти столетия — времени Стефана Великого. Аналогичная картина наблюдается и в области книжной культуры. Деятельность книгописца Гавриила в 1410-х — 1440-х гг. (кстати, писца Бодлеанского Евангелия) стоит особняком в истории славянского книгописания в Молдавии, предшествуя появлению классических по графике письма и оформлению молдавских кодексов второй половины столетия. В то же время известно, что именно в Молдавию на рубеже XIV и XV вв. попал ряд болгарских лицевых рукописей из Тырнова и Видина после падения Второго Болгарского царства: в их числе Лондонское Четвероевангелие царя Иоанна Александра и Псалтырь Томича. Первое в XVI — начале XVII вв. неоднократно копировалось молдавскими мастерами (см.: Щепкин М. В. Болгарская миниатюра XIV в. (Изследование Псалтыри Томича. М., 1963. С. 89—94). Скорее всего и Евангелие 1429 г. тоже копирует тырновский, либо видинский оригинал XIV в., восходящий в свою очередь к константинопольскому, если только не является произведением византийского мастера, оказавшегося в Молдавии. В любом случае Апостол Русского музея и Евангелие 1429 г. связаны через палеологовский образец, а не силу московско-молдавских художественных контактов первой половины XV в., о которых (в отличие от времени Ивана III и Стефана Великого) ничего неизвестно.

95. Варлаам, архим. 1. Обозрение рукописей собственной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского. // ЧОИДР, 1860. Кн. II. Отд. III. С. 10—12; 2. Описание историко-археологических древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре. // Там же, 1859. Кн. 3. Отд. IV, № 1.

96. Ср. почерки: Вздорнов. Искусство книги... Каталог, № 103 и 108 (лист с заставкой, на предшествующем снимке почерк отличается).

97. Воспроизведение см.: Вздорнов. Искусство книги... Каталог, № 107; Прокоров, Розов. Перечень... С. 360.

98. Прокоров, Розов. Перечень... С. 360, 361.

99. О Мартинмане см.: Ездорьев. Искусство книги... С. 129; Шеаченко Е. Э. Книжник XV в. Мартинман (Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев, Вожеозерский и Ферапонтов Монастыри). // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв.: Разные аспекты книгоиздательства. СПб., 1991. С. 283—299.

100. Богда Т. В. Сочинение... С. 234—235; Ухова Т. Е. Писарская Л. Лизовая рукопись Успенского собора. И., 1969 (Публикация одного памятника). Коммент. I.

101. Розов. Книга... С. 66, 112.
102. Прохоров, Розов. Перечень... С. 359, № 3; 374, № 4, 5.
103. Там же. С. 374.
104. Вздорнов. Неовизантийский орнамент... С. 236; Искусство книги... С. 128.
105. Соловьева. Художественное оформление... С. 230.
106. Никольский. Описание... С. 3–4.

К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА БИБЛИИ НА СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫК

Л. Смирнов

Первые переводы библейских текстов на славянский язык появились, как известно, в 60-х годах IX в., что было связано с религиозной и культурно-просветительской деятельностью знаменитых солунских братьев Константина (Кирилла) и Мефодия и их учеников. Кириллу принадлежит перевод Евангелия, Апостола, Псалтыри и некоторых других книг Священного Писания. Мефодий продолжил начатое братом дело и после его смерти завершил перевод библейских текстов. Так была создана первая редакция Библии на старославянском языке, которая впоследствии расширялась и видоизменялась¹. Появление славянской Библии означало преодоление на практике традиционной догмы "трехязычия", по которой богослужение должно было вестись только на древнееврейском, греческом и латинском языках. Таким образом, славяне уже в средние века получили возможность пользоваться в богослужебных целях не только латинским текстом Библии – Вульгатой, принятым во всей Европе, но и переводными славянскими текстами, что, конечно, играло немаловажную роль в распространении среди славян христианского вероучения.

В Западной Европе в XIV–XVI вв. в связи с Реформацией возникают первые переводы Библии на народные языки (английский, немецкий, французский и др.). В этот же период осуществляются первые попытки перевода текстов Священного Писания на народные языки и в славянском мире (в частности, на чешский – XIV в., на польский – XV в., на словенский и серболужицкий – XVI в.). Правда, подобные древние переводы Библии на родной язык появились не у всех славян, что было обусловлено рядом историко-культурных факторов, в том числе стойкой традицией письменности на старославянском и церковнославянском языке². В некоторых случаях определенную роль сыграло и относительно позднее формирование национальных литературных языков отдельных славянских народов (например, у сербов, болгар и словаков, у которых переводы Священного Писания или отдельных его частей на национальный литературный язык были осуществлены лишь в начале XIX в.).

В предлагаемой статье мы попытаемся осветить основные вехи истории перевода Библии на словацкий литературный язык. В филологическом и историко-культурном плане (в отличие от богословского³) эта проблематика изучена еще недо-

статочно. Между тем, в свете сложной и противоречивой ситуации в Словакии на рубеже XVIII–XIX вв. и в XIX в. она представляет несомненный научный интерес.

В истории словацкого народа важное место занимает эпоха национального возрождения (кон. XVIII в. – втор. пол. XIX в.). В конце XVIII в. Словакия, входившая как часть Венгерского королевства в состав Австрийской империи, переживала глубокие изменения в социально-политической, экономической и культурной сфере. В условиях распада феодального уклада и постепенного становления новых общественных отношений, характерных для буржуазного строя, шел процесс формирования словацкой нации, развивалось словацкое национальное движение.

Одной из особенностей словацкого национального движения, процессов формирования национальной культуры и литературного языка словаков в указанную эпоху⁴ был раскол общества на два основных течения по конфессиональному признаку: протестантское и католическое. Это противостояние, вызванное Реформацией и Контрреформацией, длительной и острой религиозно-идеологической борьбой, являлось существенным препятствием на пути национальной консолидации словацкого общества и создания единой национальной идеологии словаков. Поэтому представители патриотической интеллигентии обоих течений прилагали немало усилий для преодоления этого раскола, однако конфессиональные интересы и пристрастия играли еще значительную роль. Разобщение национально-патриотических сил определило и некоторые специфические черты процесса становления литературного словацкого языка. В словацком обществе того времени достаточно четко проявились две главные тенденции языкового развития: с одной стороны, стремление к сохранению традиционного чешского литературного языка, который с XV в. выступал и в роли литературно-письменного языка словацкой народности; с другой стороны, стремление к созданию самостоятельного словацкого литературного языка, основанного на народно-разговорной речи. Первая тенденция преобладала у словацких протестантов, для которых чешский язык с XVI в. был к тому же языком литургическим. Если раньше они пытались использовать в письменности родную речь, то теперь оставляют эти попытки и прилагают немало усилий для сохранения в чистоте норм чешского языка, для упрочения его позиций в духовной жизни словацкого общества. При этом они опирались на концепцию единства чехов и словаков в этно-культурном и языковом плане. Вторая тенденция была характерна для словацких католиков, которые не были столь тесно связаны с чешским языком (их литургическим языком была латынь). Они стремились ввести словацкий

язык в письменно-литературную сферу и отстаивали концепцию самобытности словацкого народа и его языка.

Как будет показано ниже, все это нашло свое отражение в истории перевода Священного Писания на словацкий язык.

В средневековом Венгерском королевстве богослужение велось на латинском языке, в этих целях использовалась Vulgata, которая на Тридентском соборе в 1546 г. была признана "богодухновенной" и канонизирована католической церковью. Словаки наряду с этим с XV в. пользовались библейскими текстами на чешском языке⁵ (в протестантских и католических версиях). К концу XVIII в. их издание имело уже достаточно длительную традицию.

Особенно большое значение в истории литературного чешского языка и в развитии письменности в Словакии имел перевод Священного Писания, выполненный по текстам на еврейском и греческом языках чешскими протестантами – членами "Общины Чешских братьев", известный как Кралицкая Библия (первое шеститомное издание в 1579–1593 гг.; последняя редакция в 1613 г.). Начиная с XVII в., словацкие протестанты широко использовали так называемый "библейский язык" ("библичтина"), то есть литературно-письменные нормы чешского языка зафиксированные в Кралицкой Библии. В течение двух веков они издавали и переиздавали чешские переводы Священного Писания, основой и образцом для которых чаще всего служила Кралицкая Библия в редакции 1613 г.: в 1722 г. издание М. Бели и Д. Крмана в Галле, в 1766 г. – Я. Эльснера в Берлине, в 1787 г. М. Семиана в Братиславе (первая чешская Библия опубликованная в Словакии) и многие другие.

В 1808 г. профессор евангелического лицея в Братиславе Иржи Палкович издал, как они писал, "словацкий" перевод Библии в двух томах (*Biblia sacta to jest Biblí svatá a neb všecka Svatá Písma Starého i Nového Zákona opět přehlednutá a v nově vydaná*). Однако это был текст на чешском языке (библичине); Следует заметить, что в кругах словацкой протестантской интеллигенции чешский литературный язык иногда воспринимался как высокая обработанная форма родной речи. Палкович же считал, что в богослужении должен применяться "неиспорченный новообразованиями" библейский язык, а не простой народный язык словаков. При подготовке своего издания он опирался прежде всего на текст Кралицкой Библии, полагая, как он сам отмечал в предисловии, что в нем представлен "отличный словацкий язык", и на последующие чешские издания Библии. Вместе с тем примечательно, что в издании Палковича все же нашла некоторое отражение и действительно словацкая лексика, правда, не в самом тексте Библии, а в словаре-комментарии.

рии, приложенном к Новому Завету. В нем, предназначенном для словацкого читателя, давались объяснения менее известных чешских и иностранных слов, а для этого привлекалась и словацкая диалектная лексика, хотя и в чешской огласовке⁶.

Естественно, что распространение и широкое использование в среде словацких протестантов текстов Священного Писания в переводе на нормированный, стилистически отточенный чешский язык укрепляло позиции этого языка в Словакии, способствовало поддержанию словацко-чешских духовных и культурных связей.

Словацкие католики в XVII–XVIII вв. также пользовались библейскими текстами на чешском языке, отдавая предпочтение при этом изданиям чешских католиков, например Свято-вацлавской Библии (1677–1715), в основе которой лежал канонический текст Вульгаты. Вместе с тем в условиях активной рекатолизации в их среде постепенно осознается необходимость и важность создания словацкой католической Библии. С середины XVIII в. католики неоднократно предпринимают попытки перевода Священного Писания на словацкий язык.

Особенно ярко это проявилось в Западной Словакии, где в тот период в г. Трнава возник и активно действовал важный центр духовной, культурной и научно-педагогической жизни словаков – Трнавский католический университет, основанный в 1635 г., а также типография, издававшая книги на разных языках, в том числе и на словацком; костел. Здесь сложилась традиция письменности на так называемом "словацализированном чешском языке", в католической литературе (печатной и рукописной) находила отражение и специфическая разновидность словацкого языка, которую современные словацкие лингвисты определяют как "культурный западнословакский язык". Имеется в виду наддиалектная коммуникативная формация, возникшая в Западной Словакии в XVI–XVIII вв. как результат длительного взаимодействия местных словацких диалектов и чешского литературного языка, которая получила распространение в кругах образованных словаков⁷.

В 1750–1760 гг. монахи камалдульского ордена из Червенего Клаштора (словацко-польское пограничье) осуществили перевод полного текста Библии на словацкий язык (*Swaté Biblia Slowénské aneb Pjsma Swatého Částka I., která w sebe obsahuge Starého Testamenta Zákon a Zákona Historiu. Částka II., která w sebe obsahuge Protokúl, Knihi Machabegské a celý Testament Nowý. 1757–1759*)⁸. Перевод состоит из двух частей: первая содержит почти полный Ветхий Завет, вторая – его остальные книги и Новый Завет. Этот перевод не был опубликован и остался в рукописи (причем сохранился не оригинал перевода, а копия⁹, кото-

рая находится в приходе в Цифере). Основой перевода была Вульгата. Авторы и точное место перевода до сих пор окончательно не установлены. Предполагается, что одним из переводчиков был приор Ромуальд Гадбавни (1714–1780), автор рукописного латинско-словацкого словаря (*Syllabus dictionarii latino-slavonicus...*, 1763) – в новейшей литературе он обычно называется Kamaldulský slovník и краткой грамматики, помещенной во введении к этому словарю. В ней описываются грамматические и орфографические правила¹⁰, на которые опирались, в частности, и переводчики Библии.

Язык перевода определялся по-разному, однако в настоящее время признается, что это был "культурный западнословацкий язык"¹¹ (в нашей терминологии "западнословацкий культурный интердиалект"). Таким образом, в середине XVIII в., когда еще не были кодифицированы литературные нормы словацкого языка, на этот язык были переведены все книги Священного Писания. Данный перевод при благоприятных условиях мог стать не только значительным событием в жизни католической церкви в Словакии, но и определенным стимулом в становлении и развитии литературного словацкого языка. Но поскольку перевод не был опубликован (и более того, долгое время был практически неизвестен), он не оказал влияния на складывание норм литературного словацкого языка.

Другая попытка перевода отдельных частей Священного Писания на словацкий язык была предпринята католическим священником Й. И. Байзой (1755–1836), автором первого словацкого романа¹². Однако и этот перевод (*Príklaď ze swatého Písma starého i nowého Zákona. W Ttnawe*, 1820) еще не был текстом на узаконенном литературном языке. Он скорее свидетельствовал о своеобразном типе словакизированного чешского языка¹³ или о специфическом индивидуальном письменном узусе Байзы.

В Восточной Словакии в середине XVIII в. также переводились на словацкий язык различные церковные книги, но не Библия. Местные кальвинисты опубликовали в 1750–1758 гг. несколько подобных книг (Малый катехизис, Сборник церковных песен и др.) на среднеземплинском диалекте, который был их литургическим языком¹⁴. В основном это были переводы с венгерского языка. В них использовалась венгерская орфография. Что касается их собственно языковой стороны, то как отмечал Э. Паулини – это был "почти чистый земплинский диалект, лишь с незначительными следами чешского языка и средненесловацкого диалекта"¹⁵.

Первый перевод Библии на литературный словацкий язык был осуществлен лишь в 20–30-х годах XIX в. Это важное событие в религиозной и культурной жизни словаков было орга-

нически связано с языковой реформой Антона Бернолака (1762–1813), ознаменовавшей начальный этап словацкого национального возрождения. Католический священник, теолог и просветитель, Бернолак разработал и реализовал целостную программу узаконения самостоятельного словацкого литературного языка¹⁶. Он выступил как кодификатор первого варианта литературных норм словацкого языка, создав целую серию лингвистических трудов. Это – и изданное анонимно "Филологическо-критическое рассуждение о славянских письменах" с приложением "Краткой и вместе с тем легкой орфографии словацкого языка"¹⁷, и "Словацкая грамматика"¹⁸, и специальная работа по словообразованию "Этимология словацких слов"¹⁹. Его нормализаторские усилия в области словацкой лексики нашли отражение в шеститомном фундаментальном лексикографическом труде "Словарь словацко-чешско-латинско-немецко-венгерский"²⁰, опубликованном уже после смерти автора. Указанные труды, охватывающие все основные ярусы языковой структуры, явились надежной научной базой для введения в практику нового литературного языка. Бернолаковский литературный язык ("бернолаковщина"), основанный на живой родной речи словаков, получил поддержку и признание лишь в среде словацких католиков (протестанты продолжали пользоваться библией). Тем не менее на бернолаковщине довольно быстро был создан значительный корпус литературных текстов, включающий произведения светского и религиозного, оригинального и переводного характера.

Наряду с национально-будильскими, просветительскими целями бернолаковская языковая реформа имела и ярко выраженную конфессиональную направленность: Бернолак активно способствовал распространению христианского учения, укреплению позиции католической церкви. Поэтому вполне естественно, что одной из целей его программы введения в жизнь литературного словацкого языка был и перевод на этот язык Святого Писания. Не случайно в предисловии к "Этимологии словацких слов" и к "Словарю" Бернолак замечает, что он рассматривает свои лингвистические труды "как подготовительную fazu k prevedomiu Biiblii"²¹.

Многие из ближайшего окружения Бернолака видели в нем наиболее подготовленного и компетентного человека, способного сделать такой перевод. Сам же он, как бы предвидя возможные упреки в свой адрес в том, что он не берется за столь важное и необходимое дело, писал: "... как можно переводить

Священное Писание на словацкий язык, если у нас еще нет правил орфографии? Сначала нужно стабилизировать правописание, чтобы паннонские словаки могли получить утешение от священных книг на своем языке”²².

Следует отметить, что в конце XVIII в. в связи с пробуждающимся национальным самосознанием образованной прослойки словацкого общества потребность в переводе на родной язык Священного Писания ощущалась достаточно ясно. Так весной 1790 г. в кругу словаков, обучавшихся в Генеральной духовной семинарии, возникла идея попросить у архиепископа Й. Баттьяни разрешения перевести на словацкий язык (бернолаковщину) некоторые религиозные произведения и прежде всего Библию. Архиепископ эту просьбу отверг, заметив, что лучше бы они совершенствовали свое знание венгерского языка²³.

Перевод Библии на литературный словацкий язык, кодифицированный Бернолаком, осуществил в первой половине XIX в. профессор теологии и церковного права, каноник Юрай Палкович (1763–1835). Это был один из лидеров бернолаковского движения. Как меценат, редактор и издатель он сделал очень много для публикации и распространения книг на бернолаковщине. Ему и принадлежит заслуга первого полного перевода Священного Писания на литературный словацкий язык. В 1832 г. он издал на свои средства этот перевод в двух томах общим объемом в 2500 стр. (*Swaté Písmo starého i nowého Zákona podla obecného latinského od sw. Rímsko-Katolíckého Cirkwi potvrdeného, preložené s Přírownářím gruntowného Tekstu, na Swetlo widané. Ďel první. Leta Pána 1829. W Ostřihome. Ďel druhý. Leta Pána 1829. W Ostřihome, 1832*). В старой литературе обычно указывалось, что первый том перевода вышел из печати в 1829 г. В действительности, как убедительно показал Я. Поважан, он увидел свет в марте 1832 г. а в мае того же года был опубликован и второй том²⁴.

Предполагается, что перевод был сделан Палковичем по поручению Остригомского архиепископа А. Рудной. Это связывается с работой братиславского синода осенью 1822 года²⁵. Правда, в официальных документах синода говорится лишь о новом венгерском переводе, который должен был заменить старый венгерский текст Библии. Однако, на заседании специальной комиссии синода было принято решение о подготовке переводов и на другие языки, в том числе на словацкий. Как считает Поважан, вероятно, исходя из этого, Руднай дал поручение Палковичу перевести Библию на словацкий язык²⁶.

Главной опорой перевода для Палковича послужил, как это видно из заглавия, общепринятый и утвержденный католической церковью латинский текст Вульгаты. Наряду с этим он про-

водил сравнение опорного текста (который сам является переводным) с текстами на греческом, еврейском и арамейском языках²⁷, принимал во внимание старославянские библейские тексты, переводы на другие славянские языки (прежде всего на чешский, а также на русский, польский и словенский), на венгерский²⁸ и немецкий²⁹. Все это свидетельствует о том, насколько основательно и серьезно подходил Палкович к переводу Библии на словацкий язык. Обращение к разным источникам помогало ему более точно понять и передать содержание переведимого текста³⁰, находить наиболее адекватные словацкие языковые средства, соответствующие латинским словам и синтаксическим конструкциям, совершенствовать технику перевода, обогащать словарный состав словацкого языка новыми словами и терминами.

Шт. Златош, проведя выборочное сравнение текста перевода Палковича с опубликованными ранее чешскими переводами Библии пришел к выводу о том, что между ними имеются определенные сходства и различия. Он установил, что Палкович не механически следовал за чешским текстом, а нередко отступал от него, проявляя в ряде случаев самостоятельность и творческий подход. Более того, показал, что переводчик считал возможным иногда отклоняться и от исходного текста Вульгаты. В целом же перевод Библии Палковичем Златош оценивает как "хороший и полезный", "соответствующий эпохе"³¹. По его мнению, в некоторых местах переводчик "действительно приводит удачное словацкое выражение"³². Вместе с тем Златош не скрывает слабостей и недостатков перевода, отмечая, в частности, что ряд самостоятельных решений Палковича "не имеет опоры ни в исходном тексте, ни в других предшествовавших переводах"³³. Как нам представляется, вопрос о качестве перевода Палковича нуждается в дальнейшем глубоком и всестороннем изучении. Как справедливо замечает современный словацкий богослов, заслуги и творчество Палковича в этом плане в деталях еще не были достаточно оценены³⁴.

Издание Библии на словацком языке имело для своего времени важное значение в религиозном и общекультурном плане. Доказывая необходимость такого шага, Палкович ссыпался на пример других славянских народов. В латинском введении к своему переводу он писал: "... пришло время последовать похвальным шагам чехов, поляков, русских, словенцев и т. д., которые уже давно имеют Библии на своем родном языке"³⁵.

Перевод Библии был призван сыграть определенную роль и в развитии бернолаковского литературного языка, в расширении сферы его практического применения. Я. Поважан отмечал в

связи с этим: "Немалое значение для упрочения позиции бернолаковщины среди католического клира и в католической липтургической и внелитургической сфере, особенно на территории острогомского архиепископства, должен был иметь перевод Библии Палковичем"³⁶. Своим переводом Палкович хотел доказать "динамику и жизнеспособность"³⁷ бернолаковского литературного языка, орфографические и грамматические правила которого он соблюдал достаточно строго.

Отметим некоторые характерные признаки бернолаковщины, нашедшие отражение в тексте перевода Палковича:

Отсутствие типично чешских графем ſ, š, č и иноязычных q, x (последние заменялись написанием kw, ks).

Отказ от традиционного использования графемы у для обозначения звука [i], последовательная замена ее графемой i: Ribami, Stromi, Motskimi и т. п.

Обозначение долгого [i] графемой í (вместо традиционных j или ý): Horliwí, kterí, siliš и т. п.

Обозначение диакритическими значками мягкости согласных d, t, n: Deſí, bud', do Swat'iňi, zastaňt'e, Kňaz, omí и т. п.

Более широкое, чем в предшествующей письменной традиции, употребление слоговых сонорных: Srdce, prw, Stlp oblakówí (ср. чеш. sloup oblakový).

Предлог s в зависимости от произношения мог выступать также в вариантах z, ze: s každého Stromu, ze Stromu, z Místa.

Окончание Мест. падежа ед. числа имен существительных муж. рода – och: na Sinoch (чеш. na synech), po Táboroch и т. п.

Окончание Твор. падежа ед. числа имен существительных муж. рода – om: pred Pánom (чеш. před Hospodinem), stál medzi Wogskom и т. п. Правда, в этом пункте норма была неустойчивой,ср.: Únem, nad wšeckím Plazem.

Окончание Твор. падежа ед. числа имен существительных жен. рода мягкой разновидности – ú, например: Tma bola nad Prepast'ú.

Форма глаголов прошедшего времени с вставным -e- или -o-, ср.: rekel (чеш. řekl), wiwed'el (чеш. vyvedl), zašol za Mich и т. п.

Возвратные глаголы с частицей sa (в чеш. языке с se), например: klaňal sa, kterí sa hľabagu na Zemi и др.

Наряду с отмеченными типичными признаками бернолаковщины в тексте перевода встречаются и некоторые черты, характерные для чешского литературного языка того времени и для западнословацкой католической письменности добернолаковского периода, в частности, применение готического шрифта ("швабаха"); написание с заглавной буквы имен существительных и других слов, относящихся к лицу; сохранение графемы w: Od'ew, Ptáctwo, nazwal и т. п.; передача звука [j]графемой g, на-

пример: ga, gich, gim, geho, Wogsko, do Raga, panugt'e и т. п.; употребление графемы ġ для обозначения звука g, ср.: Krála Egípského и др.; употребление деепричастных и причастных форм типа trhagic, volagic.

Тем не менее принадлежность перевода Библии, выполненного Палковичем, к корпусу текстов на бернолаковском литературном языке не вызывает сомнений. В связи с этим можно поставить вопрос: какое значение данный перевод имел в плане развития литературного словацкого языка. Учитывая его церковную, духовно-мировоззренческую и культурную значимость, высокую социальную престижность, можно было бы предположить, что он окажет заметное влияние на процесс унификации и стабилизации норм бернолаковского литературного языка, на развитие и обогащение терминологической лексики. Приходится, однако, констатировать, что в силу объективных историко-культурных обстоятельств этого не произошло. Перевод Палковича не смог существенно повлиять на судьбу бернолаковщины. Его значение в языковом аспекте могло бы быть иным, если бы он вышел из печати на 30–40 лет раньше, когда бернолаковское национально-патриотическое и культурно-просветительское движение еще было на подъеме³⁸. В 30-е годы XIX в. оно уже шло на спад и не имело прежней силы. В этих условиях не могла расширяться ни социальная база, ни сфера употребления бернолаковщины. Но наиболее существенным обстоятельством явилось то, что в середине XIX в. на кульминационном этапе словацкого национального возрождения, когда пришло осознание настоятельной необходимости объединения патриотических сил словаков, благодаря нормализаторской и кодификаторской деятельности прогрессивного крыла протестантской интеллигенции во главе с Людовитом Штуром (1815–1856) в общественно-культурную жизнь Словакии был введен новый вариант литературных норм словацкого языка ("штурловщина"). В относительно короткие сроки штурловщина заняла основные позиции в литературно-письменной сфере, постепенно вытеснив из нее и чешский язык, и бернолаковщину. Со временем, пройдя этап некоторой модификации, она обрела статус общенационального литературного языка словаков³⁹.

Тем не менее выход в свет первого перевода Библии на литературный словацкий язык явился знаменательным событием в культурной жизни словаков на начальном этапе национального возрождения. Он стал определенным вкладом "в повышение языкового и национального сознания немалой части словацкой национальной общности"⁴⁰. Его значение можно видеть также в том, что он способствовал поднятию социально-культурного престижа литературного словацкого языка:

ведь впервые священные книги предстали перед словацким читателем не на латыни или на чешском языке, а на литературном языке, созданном на основе родной речи.

Эта традиция впоследствии была подхвачена и развита переводами Библии на современный словацкий литературный язык, восходящий в основных чертах к нормам штуровицыны.

Что же касается перевода Священного Писания на штуровский литературный язык, то в этом отношении во второй половине XIX в. ситуация была довольно сложная и даже противоречивая. На начальном этапе его функционирования довольно быстро складывался корпус разнообразных литературных текстов: богатая и яркая художественная литература, представленная поэтическими и прозаическими произведениями А. Сладковича, Я. Краля, С. Халупки, Я. Ботто, Л. Штура, Я. Калинчака, Й. М. Гурбана и др.; научная литература, в том числе лингвистическая (L. Stúr. Nauka reči slovenskej, 1846 и др.); публицистика: первая газета на словацком языке Slovenské národňje novini (1845–1848) с литературным приложением Orol Tatránski, журнал Slovenskje pohľad na vedi, umenie a literaturu (1846–1848) и др. В этот период перевод Библии на новый литературный язык словаков не был опубликован. Дело в том, что даже после утверждения единых норм литературного словацкого языка представителями протестантского и католического течений (октябрь 1851 г.) словацкие протестанты продолжали пользоваться в церквях чешским языком, они издавали на нем богословские труды и религиозную литературу, например, новое издание Библии на чешском языке (Пешт, 1859 г.). В 1863 г. в Праге было выпущено в свет юбилейное издание чешской Библии, посвященное тысячелетию принятия славянами христианства, в написании введения к которому принимал участие один из ближайших сподвижников Штура, видный деятель словацкого национального движения Й. М. Гурбан (1817–1888), который, отметим попутно, издавал на библичине и церковную газету (Cirkevní listy).

Следует подчеркнуть, что после поражения революции 1848–1849 гг. в условиях наступившей реакции словацкие патриотические силы оказались в тяжелой ситуации. В начале 70-х годов XIX в. резко усилилась политика мадьяризации словаков, проводимая венгерскими властями. В этих обстоятельствах было затруднено и существенно ограничено и функционирование словацкого литературного языка. Все же и в этот трудный период в кругах протестантов раздавались голоса о том, что на штуровский литературный язык необходимо перевести Священное Писание. Предпринимались и такого рода попытки. Так, в 1881 г. в Будапеште была опубликована на штуровицеце неболь-

шая книжка анонимного автора *Biblia alebo Slovo Boha Živého*.

Словацкие католики также стремились перевести Библию на новый словацкий литературный язык. В 1870 г. они основали "Общество святого Войтеха", первоочередной задачей которого было издание новой словацкой Библии. Предполагалось, что перевод на новый словацкий литературный язык выйдет в свет в 1880–1890 годах. Осуществление этой задачи растянулось, однако, на долгие годы. Лишь в первой половине XX в. удалось опубликовать новый полный перевод Священного Писания (*Písmo Sväté Starého a Nového Zákona. Sv. I–X. V Trnave, 1913–1926*).

Позднее неоднократно публиковались как католические, так и протестантские издания Библии на современном словацком литературном языке, рассмотрение которых не входит в задачу данной статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. об этом, в частности: Евсеев И. Е. Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.

2. Это проявилось, например, в истории русских библейских переводов. Ср.: Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. Спб., 1873. Рижский М. И. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.

3. Ср.: *Zlatost Št. Písmo sväté u bernolákovcov. Trnava, 1939. Jankovič V. Prvý slovenšký preklad celého Písma svätého // Verbum. Roč. I. Košice, 1946/47. Čís. I. S. 22–33. Košťal R. Biblia u nás. Historia a dokumenty vydávania a prekladania Biblie u nás. Bratislava, 1990.*

4. Более подробную характеристику этой эпохи в языковом аспекте см. в статье: Смирнов Л. Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780–1848) // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 86–157.

5. О переводах Библии на чешский язык имеется достаточно богатая литература, см., например: *Vražtil J. České překlady biblické // Český slovník böhmovědný. III. Praha, 1926. S. 334–341. Merell J. Bible v českých zemích od nejstarších dob do současnosti. Praha, 1956. Kyas V. První český překlad bible. Praha, 1971.*

6. См.: Jóna E. Postavy slovenskej jazykovedy v dobe štúrovej. Bratislava, 1985. S. 28.

7. См., в частности: Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava, 1983. S. 144–149. Мы в своих работах в связи с этим используем понятие и термин "культурный западнославянский интердиалект", ср.: Смирнов Л. Н. Формирование словацкого литературного языка... С. 104–105.

8. См. об этом: Jankovič V. Op. cit. Pauliny E. Na okraj kamaldulského Písma // Verbum. Roč. 1. Košice, 1946/47. Čís. 6–7. S. 272–276.

9. См.: Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny... S. 146.

10. Из новой литературы по этому вопросу отметим: Skladaná J. Významný kodifikáčny pokus v predspisovnom období slovenčiny // Slavica Slovaca. Roč. 21. Bratislava, 1986. Čís. 3. S. 257–263.

11. Ср.: Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny... S. 146.

12. Bajza J. I. René Mládečka Príhodi, a Skubenskostl. Stránka prvého. W Pressurku, 1783.

13. Ян Поважан, говоря о языке романа Байзы, замечает, что это была "оп-

ределенная форма чешского языка..., слегка словакизированная и дополненная скорее импровизированными, а не до конца продуманными орфографическими, морфологическими и лексическими элементами" (Považan J. Bernolák a bernolákovci. Martin, 1990. S. 141).

14. Подробнее об этом см.: Švágrovský Št. Zemplínske kalvínske tlače v doterajších výskumoch // Jazykovedné štúdie. XVIII. Z dejín slovenského jazyka. Bratislava, 1983. S. 21–37.

15. Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny... S. 152.

16. См.: Смирнов Л. Н. Указ. соч. С. 96–103.

17. Dissertatio philologico-critica de litteris Slavorum. Posonii, 1787.

18. Bernolák A. Grammatica slavica. Posonii, 1790.

19. Bernolák A. Etymologia vocum slavicarum. Tyrnavie, 1791.

20. Bernolák A. Slowár Slowenský, Česko-Lat'insko-Nemecko-Uherský. I–VI. Budae, 1825–1827.

21. Cp.: Habovštlaková K. Bernolákovovo jazykovedné dielo. Bratislava, 1968. S. 23.

22. Цит. по кн.: Zlatoš Št. Op. cit. S. 51.

23. Cp.: Považan J. Op. cit. S. 117–118.

24. См.: Považan J. Op. cit. S. 209.

25. См.: Vyvýhalová M. Alexander Rudnay a slovenské národné hnutie. (Slovenský preklad biblie ako rokovací bod na bratislavskej synode roku 1822) // Historický časopis. Bratislava, 1968. S. 227.

26. Cp.: Považan J. Op. cit. S. 206.

27. Považan J. Op. cit. S. 207.

28. См.: Pražák A. Dějiny spisovné slovenštiny po dobu štúrovu. V Praze, 1922. S. 152.

29. См.: Zlatoš Št. Op. cit. S. 155.

30. В письме известного словацкого поэта Яна Голлого (1785–1849) Ю. Палковичу от 3 апреля 1832 г. выражается удовлетворение и восторг в связи с изданием Библии на словацком языке ("Никогда я с такой большой охотой и радостью не читал библию, как эту словацкую...") и отмечается, что многие места в ней, особенно в псалмах изложены более ясно и понятно, чем в латинской (см.: Považan J. Op. cit. S. 210).

31. Zlatoš Št. Op. cit. S. 159.

32. Zlatoš Št. Op. cit. S. 235.

33. Там же.

34. См.: Koštial R. Biblia u nás... S. 139.

35. Цит. по кн.: Zlatoš Št. Op. cit. S. 123.

36. Považan J. Juraj Palkovič a jeho miesto v bernolákovskom hnutí // K počiatkom slovenského národného obrodenia. Bratislava, 1964. S. 331.

37. Vyvýhalová M. Bernolákovci a stúpcenci bibličtiny v rokoch 1790–1830 // K počiatkom slovenského národného obrodenia... S. 264.

38. Cp.: Považan J. Bernolák a bernolákovci. S. 209.

39. См.: Смирнов Л. Н. Указ. соч. С. 131–157. Он же. Вклад Людовита Штура в формирование литературного словацкого языка // Людовит Штур и его времена. М., 1992. С. 42–59.

40. Považan J. Op. cit. S. 209.

К ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ПЕРЕВОДОВ БИБЛИИ
НА СЕРБОЛУЖИЦКИЙ ЯЗЫК
И ИХ РОЛИ
В РАЗВИТИИ СЕРБОЛУЖИЦКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

М. Ермакова

Переводы Библии на серболужицкий язык имеют свою историю, начало которой связано с эпохой Реформации, с появлением первых письменных редакций серболужицких богослужебных книг. Эти серболужицкие переводы Библии XVI в. стали первыми памятниками письменности серболужичан – верхнелужицкой и нижнелужицкой. Создание их означало новый этап в функционировании серболужицкого языка: если раньше серболужицкий язык был представлен локальными формами устного народного языка (*Volkssprache*), то теперь можно говорить о письменных формах серболужицкого языка, о начале формирования верхней и нижнелужицкой письменности.

Переводческая деятельность серболужицких священников в Верхней и Нижней Лужице имела свои особенности, определявшиеся политической ситуацией на этих территориях, а также фактором соперничества католического и протестантского вероисповеданий, возникшего в результате Реформации.

Первые переводы Библии на серболужицкий язык были сделаны с немецкой Библии Мартина Лютера и связаны с распространением его учения. Они создавались для нужд местной церкви на основе местного диалекта и поэтому имели хождение только в пределах отдельного церковного прихода. Эти переводы использовались узким кругом лиц в церковной практике и не имели широкого распространения среди неграмотного серболужицкого населения. В силу ряда политических причин в ситуации, когда вне церкви и домашнего обихода отдавалось предпочтение немецкому языку, первые серболужицкие переводы Библии имели единичный характер и часто оставались в рукописи. Они существовали как правило в оригинале, а не в списках, и сохраняют локальную окраску. В них зафиксированы черты некоторых ныне уже не существующих серболужицких диалектов, например, жаровского (одного из восточно-нижнелужицких диалектов) – в переводе Нового Завета Н. Якубицы¹ 1548 г., западно-нижнелужицкого диалекта окрестностей Лукау – в Вольфенбюттельской псалтыри 2 пол. XVI в.², диалекта, распространенного в северной части Верхнего Шпревальда – в первой печатной нижнелужицкой "Книге песнопений и катехизисе" Альбина Моллера³ 1574 г.

Особенностью языковой ситуации в Лужице эпохи Реформации было отсутствие сколько-нибудь значительных интеграционных процессов. В результате ни один из диалектов не выдвинулся на первый план и не выступил в роли коммуникативного средства для серболужицан обеих Лужиц. Судьба первых переводов Библии на серболужицкий язык, как и судьба серболужицкого языка в дореформационный период определялась стремлением властей к более успешному проведению политики германизации.

Самые первые переводы возникли на нижнелужицкой территории – в северных, восточных и западных районах наследствено-бранденбургско-веймарского округа.

Первый перевод Библии Лютера (Новый Завет) был осуществлен И. Якубицей, евангелическим священником из Любвицы, нижнелужицкой деревни (в настоящее время территория Польши). Этот древнейший из дошедших до нас крупных памятников серболужицкой (нижнелужицкой) письменности имеет не только лингвистическое, но и общекультурное значение. Он был создан в 1548 г., а опубликован лишь в 1967 г. При отсутствии каких-либо письменных традиций этот перевод не стал авторитетным для других переводов Библии на серболужицкий язык. Среди других причин того, что этот памятник не оказал сколько-нибудь значительного влияния на развитие нормы серболужицкой церковной письменности, исследователи называют недостаточно упорядоченную орфографию памятника и насыщенность его чехизмами⁴.

Перевод М. Якубицы – первый перевод Библии Лютера на славянский язык – дает представление о степени осознания норм языка, того диалекта, которым владел автор перевода (морфологических, лексических, а также норм, связанных со звуковой стороной языка), о характере фиксации диалектной нормы, о силе влияния немецкого языка, которым М. Якубина пользовался с детства и применял в повседневной жизни в течение многих лет, а также о связи серболужицкого перевода Библии с известными чешскими переводами Нового Завета. В связи с анализом языка перевода встает вопрос о соотношении диалекта и письменной фиксации на его основе, сложность которого обусловлена различиями между устной речью и ее письменной фиксацией, а также жанровыми особенностями памятника. Для всех серболужицких переводов Библии, в том числе и перевода И. Якубицы, характерно значительное немецкое влияние. В переводе Нового Завета М. Якубины оно особенно проявляется в синтаксисе. В большинстве случаев речь идет о точном переводе лютеронского варианта⁵, о буквальной передаче немецкой модели. Как показывает анализ текста памят-

ника⁶, в ходе работы над переводом его автор обращался к другим авторитетным для него переводам Библии, в частности к чешскому. О влиянии на текст серболужицкого перевода чешского образца свидетельствует ряд данных, в том числе из области формообразования. Как предполагает Г. Шустер-Шевц⁷, М. Якубица мог обращаться к чешскому языку, сознательно избавляясь от некоторых диалектизмов и придавая тем самым лучшую форму переводу. Сопоставление перевода М. Якубицы с чешским изданием Нового Завета Я. Гада (1545 г.) и немецкого текста, изданного в Лейпциге (после 1534 г.), обнаруживает большую зависимость от чешского перевода Библии и хорошее знание чешского языка автором перевода. Авторы первых переводов Библии на серболужицкий язык, в том числе и М. Якубица, хорошо ориентировались в существовавших традициях славянских переводов Библии. Так, М. Якубица в процессе перевода немецкого текста иногда сознательно выбирает чешский эквивалент немецкому слову более архаического характера (при отсутствии лужицкого слова), хотя, как отмечает Г. Шустер-Шевц⁸, далеко не всегда можно с уверенностью сказать, идет ли речь о чешском заимствовании или о древнелужицком (восточнонижнелужицком) диалектном слове и приводит в качестве примера регулярно употребляемое в переводе М. Якубицы слово *tožda* в значении 'раздор, разлад'. Он предполагает, что это слово является сорбизированным чешским *vražda*. Влияние чешского образца обнаруживается не только в лексике, но в прямом применении отдельных фрагментов и цель'х предложений, построенных по чешской модели. Чешские же слова употребляются в неизменном или адаптированном виде. В некоторых случаях по чешскому образцу строятся некоторые формы существительных и глаголов. Ср., например, встречающиеся в переводе: *hospodar* (L. XII, 39), *strom* (M., XI, 8/, *skutek* (Joh. X, 32), *pohany*, *weiwodowe* /мн. ч./, *husle* и др., *žiwadlo*, *hožina*, варианты *wohledać* // *wogledać*, *želniček* или *žalabeg*, *wražil* // *wročili*.

Переводческая деятельность серболужицких священников способствовала распространению и утверждению протестантизма, созданию церковной литературы на серболужицком языке и тем самым формированию и развитию серболужицкой письменности. Обращение к традициям и опыту других славянских народов в процессе перевода библейских текстов и выработки принципов переводческой техники содействовали не только появлению новых переводов на серболужицком языке, но и осознанию их авторами места серболужичан в славянском мире и связи с этим миром.

Первые переводы Библии на серболужицкий язык были "привязаны" к местным диалектам и фиксировали черты этих

диалектов. Сохранению их локальной окраски в долитературный период способствует отсутствие влияния других письменных лужицких норм, отсутствие письменной традиции. Библейские переводы начального периода развития серболужицкой письменности дают материал для выяснения особенностей отдельного диалекта, а в некоторых случаях (при сопоставлении переводов, фиксирующих черты одного и того же диалекта, но относящихся к разным синхронным срезам) увидеть данную диалектную систему в процессе развития. Таким образом в серболужицких переводах Библии долитературного периода представлен ряд соотносительных диалектных систем. Библейские переводы этого периода отражают всю сложность языковых отношений в диалекте; несовершенный отбор грамматических средств, возможность вариантов (в частности, в области флексии) приближают тексты переводов к устной диалектной речи. Однако некоторые особенности создания переводов обусловливают известную их обособленность от устной формы диалекта: определенная обработанность текста перевода, жанр перевода, определяющий выбор лексики и обращение в некоторых случаях к другому славянскому переводу Библии (у М. Якубицы, например, – к чешскому), сознательный отказ от некоторых лужицких форм и лексем, отсутствие внешних воздействий переводов на других лужицких диалектах. Так, в переводе М. Якубицы речь идет об определенной языковой системе, отличной от той, которую мог представлять один из живых восточнонижнелужицких диалектов. При этом морфология могла точнее отражать существовавшую в живом диалекте картину по сравнению с лексикой, которая заимствуется из чужого источника при отсутствии в диалекте нужного для церковного текста слова, и с фонетикой, точной передаче которой препятствует несовершенство графической системы, избранной автором перевода.

В конце XVII – начале XVIII вв. появляются серболужицкие библейские переводы, хотя и созданные с опорой на определенный диалект, но отмеченные стремлением их авторов сознательно выработать и применить наддиалектную языковую норму. При этом в ряде приходов по-прежнему применяются рукописные переводы на диалект данной местности.

Переводческая деятельность на территории Нижней Лужицы была прервана 30-летней войной. В 50–60 гг. XVII в. здесь вновь складываются благоприятные условия для появления переводов Библии на серболужицкий язык и, следовательно, для развития серболужицкой письменности. Об этом свидетельствует введение серболужицкого языка в сферу церковной жизни наследственно-бранденбургско-венского (лужицкого)

округа курфюрстом Фридрихом-Вильгельмом, возобновление занятий серболужицким языком во франкфуртском университете (Франкфурт-на-Одере). В течение 15 лет в этом округе возникают попытки продолжить переводческую деятельность и создаются переводы ряда церковных текстов. Однако до нашего времени они не дошли, так как были уничтожены по приказу курфюрста в 1667 г. Известны лишь названия переводов, даты их выхода и имена авторов, которые упоминаются в рецензии курфюрста от 1667 г. Здесь названы переводы, относящиеся к 1653–1656 гг., среди них – перевод Псалтыри (1653 г.), Катехизиса (1654 г.), Книги песнопений (1655 г.), фрагменты из Ветхого и Нового Завета (1656 г.)⁹. Отметим, что переводы Книги песнопений и фрагментов из Нового и Ветхого Завета были осуществлены коллективом авторов: перевод Книги песнопений – серболужицанином И. Хеннингом и немцем из гаштровского Венделланда Ю. Коккиусом; в переводе же фрагментов из Нового и Ветхого Завета, по мнению Ф. Мечка, участвовало не менее пяти авторов под руководством Г. Троера, инспектора Бескова. В состав группы входили серболужицане, словаки, а также немцы, выросшие среди серболужицан. Авторы переводов были священниками, владевшими серболужицким языком, а при создании переводов использовали немецкий оригинал.

Особое значение для развития серболужицкой письменности могли бы иметь переводы, которые являлись коллективным трудом представителей различных диалектов, распространенных на территории венденского (лужицкого) округа и, в первую очередь, переводы фрагментов Нового и Ветхого Завета. Носятели разных нижнелужицких говоров в процессе создания перевода не могли избежать более или менее строгого отбора языковых единиц, что привело бы к появлению более обработанной по сравнению с первыми серболужицкими переводами формы письменного языка наддиалектного характера. Это в свою очередь способствовало бы созданию предпосылок для развития в северной части нижнелужицкой языковой территории нижнелужицкого литературного языка раньше, чем начал формироваться верхнелужицкий литературный язык в маркграфстве Верхняя Лужица (1668–1728 гг.). Но меры, принятые в 60-х гг. XVII в. в венденском (лужицком) округе (ликвидация богослужения на серболужицком языке, конфискация у церквей и школ для уничтожения книг и рукописей, в том числе и первых переводов Библии) против серболужицкого языка привели к ускорению процесса германизации серболужицкого населения в этом округе, к ликвидации культурного центра серболужицан на севере нижнелужицкой языковой территории. Новый период в развитии нижнелужицкой письменности и начало формирования

нижнелужицкого литературного языка связаны с территорией бранденбургско-прусского округа Коттбус в последние десятилетия XVII в. Благодаря письменной практике священников, основанной на знании диалекта, распространенного в окрестностях Коттбуса, ее расширению и закреплению в переводах Библии, коттбусский диалект приобрел значение образца. Он лег в основу перевода катехизиса Мартина Лютера (1706 г.) и Нового Завета (1709 г.), осуществленного Г. Фабрициусом. Г. Фабрициус ориентировался на чешский и польский образцы, использовал диакритические знаки, ввел определенные орографические нормы, которые впоследствии нашли поддержку в произведениях Я. Л. Вилле, Я. Б. Фрицо, И. Г. Гауптманна¹⁰, автора первой печатной нижнелужицкой грамматики (1761 г.). Деятельность таких переводчиков Библии, как Г. Фабрициус, способствовала развитию серболужицкой письменности и появлению в результате таких переводов, которые явились образцом "хорошего, чистого серболужицкого языка". Такую характеристику дал языку перевода Ветхого Завета Я. Б. Фрицо (1796 г.) историк серболужицкой литературы Р. Енч¹¹. Появление переводов церковных текстов, авторы которых ориентировались на языковые особенности одного диалекта (коттбусского), попытки создания и применения в процессе работы над переводом определенной системы правописания (у Я. Б. Фрицо нововведение в области правописания основывались на использовании верхнелужицких переводчиков Библии), установление и фиксация некоторых языковых норм (в частности норм словоизменения) свидетельствуют о начале формирования нижнелужицкого литературного языка на территории округа Коттбус.

Создание переводов Библии на верхнелужицкой территории, также как в Нижней Лужице связанное с распространением идей Реформации, имело свои особенности. На территории Верхней Лужицы с культурным центром серболужичан – Бауценом – в результате Реформации возникает конфессиональный разжог, благодаря которому в различного рода процессы, проходящих на этой территории, в том числе и в процессе создания первых переводов Библии и верхнелужицкой письменности, большую роль начинает играть соперничество римско-католического и протестантского вероисповеданий¹². При этом верхнелужицкие протестанты и католики имеют свои центры в разных частях диалектной территории. Территориальная разъединенность представителей разных вероисповеданий способствует формированию языковых особенностей протестантских и католических переводов Библии, которые восходят к определенным диалектным различиям. Основой протестантских переводов библейских текстов является бауценский диалект, ка-

толических – куловский. Уже позднее, в середине XVIII в. (1740 г.) происходит смена диалектной базы, характеризующей католический вариант верхнелужицкой письменности, путем перехода от куловской к кросчанской диалектной основе.

Бауценский диалект стал основой перевода полного текста Нового Завета с немецкого текста М. Лютера М. Френцелем – авторитетным переводчиком и создателем протестантского культового языка (1706 г.)¹³. Ранее, в 1670 г., он издал первые два Евангелия. Переводческая деятельность М. Френцеля сыграла значительную роль в создании одного из источников верхнелужицкого литературного языка и для своего времени имела характер образца верхнелужицкого письменного языка в его протестантском варианте. В его переводах Библии впервые была сделана попытка последовательного применения правописания с диакритическими знаками по чешскому и польскому образцу. Эта система правописания позднее была использована в нижнелужицких переводах Г. Фабрициуса.

Роль католических переводов Библии в истории серболужицкой письменности определяется деятельностью таких представителей серболужицкого католического духовенства как Ю. Г. Светлик (1650–1729 гг.) и Я. К. Тицин (1656–1693 гг.). Для католиков – переводчиков Библии для верхнелужицкого населения – иноязычным оригиналом, пользовавшимся высоким авторитетом, была Вульгата. В качестве основы перевода Библии, осуществленного Ю. Г. Светликом¹⁴ в 1711 г. был выбран куловский диалект, что объясняется рядом причин, в том числе самим характером и языковыми особенностями этого диалекта, которые могли способствовать осуществлению определенных целей в церковной политике католической церкви, а также влиятельностью в бауценском соборном капитуле священников – выходцев из Виттихинау (Курова)¹⁵. Куловский диалект был родным диалектом переводчика и по своему характеру мог выступать в роли связующего звена между верхне- и нижнелужицкими диалектами; тем самым он был наиболее подходящим для создания переводов Библии, которые могли бы сыграть свою роль в рекатолизации Верхней и Нижней Лужиц¹⁶. В переводе текста Библии Ю. Г. Светлик поддержал те языковые нормы, которые были зафиксированы в грамматике Я. К. Тицина, изданной в Праге в 1679 г. Принятие этих норм было вопросом престижа бауценского кафедрального капитула: куловский диалект господствовал среди высших церковных властей католических серболужичан. Переводы Библии на куловской диалектной основе имели хождение сначала в городском католическом приходе Бауцена, а с 1676 г. – в бауценском соборном капитуле. Но целиком текст перевода Библии Ю. Г. Светлика

никогда не был напечатан. Исследователи, анализируя особенности перевода Библии Ю. Г. Светлика, отмечают непосредственное влияние на язык перевода латинского языка, языка Вульгаты. Оно отмечается в синтаксисе, в грамматике и лексике. Но наряду с этим прослеживается и сильное влияние немецкого языка, более сильное, чем в протестантской литературе того времени и даже в современных верхнелужицких диалектах¹⁷. Об этом в частности свидетельствует большое число немецких заимствований в языке перевода Ю. Г. Светлика, а также калек с немецкого, применение определенного и неопределенного артиклей. Однако, несмотря на отмеченные признаки сильного влияния латинского и немецкого языков язык перевода остается серболужицким, а не латинским или немецким в лужицком оформлении, при этом не может быть и речи об отсутствии в нем прочных грамматических норм¹⁸.

Протестантский и католический культовые языки, сформировавшиеся на основе библейских переводов верхнелужицких священников и немецких пасторов, отражали различные традиции – реформационные и контрреформационные. Они создавались на различных диалектных базах и обнаруживают сильное влияние немецкого или латинского оригиналов. Различия в роли латинского и немецкого влияния на верхнелужицкие библейские переводы, на формирование протестантского и католического вариантов верхнелужицкого письменного языка обнаруживается уже на раннем этапе развития серболужицкой письменности. Оно определяется прежде всего разной основой для католического и протестантского переводов Библии: Вульгага – для католического перевода и немецкий перевод Библии М. Лютера – для протестантского. Воздействие немецкого языка усиливается в процессе дальнейшего развития католического варианта верхнелужицкого литературного языка на протяжении XVIII в. и сводится к минимуму лишь в середине XIX в. в результате туристической языковой политики Матицы Серболужицкой (Сербской). Число немецких заимствований в протестантской письменности заметно уменьшается в XX в. Для протестантской письменности, в том числе и для ранних переводов Библии не характерно прямое влияние латинского языка.

Переводы библейских текстов с нормой бауценского диалекта стали авторитетны для большинства серболужичан – протестантов. В результате коллективной работы комиссии протестантских священников был подготовлен первый полный перевод всей Библии с немецкого текста М. Лютера¹⁹, в котором нашла отражение выработанная авторами единая наддиалектная норма на основе бауценского диалекта. С 1728 г. этот вариант стал применяться в верхнелужицкой религиозной литерату-

Первые переводы Библии на серболужицкий язык явились первым этапом развития серболужицкой письменности, который в дальнейшем привел к формированию трех письменных вариантов серболужицкого языка – нижнелужицкого и двух верхнелужицких – протестантского и католического; различия между последними были преодолены только в XIX в., когда при публикации верхнелужицких текстов стал использоваться так называемый матичный вариант верхнелужицкого литературного языка, не связанный с конфессиональными различиями. Первый печатный перевод Нового Завета для католиков (1862 г.) свидетельствует о стабилизации нормы матичного варианта верхнелужицкого литературного языка. Полный перевод Вульгаты, осуществленный в XX в., опирался на нормы единого верхнелужицкого литературного языка.

В силу многих причин исторического и общественно-политического характера серболужицкая библейская литература в течение долгого времени остается единственной литературой на серболужицком языке. Она имела распространение в кругу сельской интеллигенции – священников, учителей, усилиями которых она создавалась и распространялась. Серболужицкая светская литература (особенно нижнелужицкая) появляется достаточно поздно: верхнелужицкая художественная поэзия и проза – во 2-й половине XVIII в., нижнелужицкая – с 1860 г. Создание канонизированных переводов и публикации библейских текстов заложили основы для формирования авторитетных традиций в верхне- и нижнелужицкой письменности, выработки и закрепления наддиалектных норм в произведениях серболужицких авторов.

Большое общекультурное значение серболужицких переводов Библии определяется тем, что с их появлением серболужичане оказались включенными в мир богослужения на славянских языках, в мир славянской письменности и традиций. Возникновение библейских переводов на серболужицком языке было не только новым этапом в развитии серболужицкого языка, но и сыграло решающую роль в сохранении серболужицанами их родного языка в условиях непрекращающихся попыток германизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Das niedersorbische Testament des Miklawus Jakubica 1548, herausgegeben von Heinz Schuster Šewc. Akademie-Verlag, Berlin, 1967; Schuster-Sewc H. Wo nařečným stejlišću wuchodnodelňoserbskeho rěčnego pomnika Miklawša Jakubicy z lěta 1548 (příložk k starším serbsko-polskím rěčným pomářam). – Slavia, 1965, XXXIV, N. 4, S. 560–572; Idem. Sorbische Sprachdenkmäler. 16.–18. Jahrhundert. Bautzen, 1967, S. 14.

2. Trautmann R. Der Wolfenbütteler Niedersorbische Psalter. Leipzig, 1928; Schuster-

Šewc H. Sorbische Sprachdenkmäler..., S. 14.

3. Albin Moller. Niedersorbisches Gesangbuch und Katechismus, Budissin 1574 (foto-mechanischer Neudruck). Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik der DAdW, Nr. 18, Akademie-Verlag, Berlin, 1959.

4. Das niedersorbische Testament..., S. XXV–XXXI; Šewc H. Wuviče spisowneje rěče pola Łužiskich Serbow // Sorabistiske přednoški 1977. Bautzen, 1977, S. 29.

5. Das niedersorbische Testament..., S. XIV–XXIV.

6. Das niedersorbische Testament..., S. XIV–XXIV.

7. Das niedersorbische Testament..., S. XXIII.

8. Das niedersorbische Testament..., S. XVII.

9. Все известные в настоящее время данные об этих переводах и их авторах (Christiani Schmerlii Psalter, 1653; Catechismus und Glaubens Articul des Adami Thilonis, 1654; Das von Hoh. Henning und Ernst Jul. Cocculus wendisch vertirte Gesang Büchlein, 1655; Die Extrakta aus der Heil. Schrift Alten und Neuen Testamenti, 1656) приведены в книге Ф. Мечка – см. Mětšk Frído. Der Kurmärkisch-wendische Distrikt. Ein Beitrag zur Geschichte der Territorien Bärwalde, Beeskow, Storkow, Teupitz und Zossen unter besonderer Berücksichtigung des 16. bis 18. Jahrhunderts. Bautzen, 1965, S. 78.

10. Ten Nowi Testament naszogho kňesa a wumožnika Jesussa Kristussa do sserbskeje Rezi pschestawony wot Gottlieb Fabrlíussa īabogogo huschego Farařa a Inspečtā Cjoschobswa. Halu, 1868.

11. To božje pišmo wot Johana Friedrich Fryza, najaſchego farara Golkojcach a Golbne. Halu, 1868.

12. Michalk F. Стабильность и вариативность серболужицкого языка // Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1989.

13. Hórník M. Ryč a prawopis Michała Frencela před runie 200 letami // ČMS XXIII. 1870, S. 55–61; фрагменты "S. Matthaeus und S. Marcus Wie auch Die drey allgemeinen Haupt-Symbola In die Oberlausitzsche Wendische Sprache Mit Fleiss übersetzen... durch Michaelm Frentzeln, Pfarrern zu Postwitz. Budessin, 1670" см. в кн.: Schuster-Šewc H. Sorbische Sprachdenkmäler 16.–18. Jahrhundert, Bautzen, 1967, S. 115–127.

14. Šottka B. Prěni hornjoserbski přeložk biblike wot J. H. Swětlíka // ČMS, 1929, S. 3–34; фрагменты перевода Нового Завета см. в кн.: Schuster-Šewc H. Sorbische Sprachdenkmäler..., S. 257–261.

15. Michalk F. Aus der Korrespondenz J. X. Ticins (III) // Lětopis Instituta za serbski ludošpyt, R. A. čo. 35, 1988, S. 41.

16. Michalk F. Aus der Korraspondenz J. X. Ticins (III)..., S. 41.

17. Michalk F. Latinizmy a germanizmy w rěči J. H. Swětlíka. Přínošk k stěvizonam hornjoserbskeje spisowneje rěče // Lětopis Instituta za serbski ludošpyt, R. A. č. 19/1, S.52–103.

18. Michalk F. Latinizmy a germanizmy w rěči J. H. Swětlíka..., S. 106.

19. Biblijja, to je cyje Svjate Pismo Starého a Noweho Zakona, předy do němskeje wot Martina Luthera, nětko pak do horneje Łužiskeje serskeje rěče... wot někotrych ewangelickich předarjow přeložena, w Budesni 1728.

СУДЬБА ПЕРВЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ НОВОГО ЗАВЕТА В НОВОБОЛГАРСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Г. Венедиктов

Первые печатные издания Нового Завета в новоболгарских переводах датируются 20-ми годами прошлого столетия. Позднее появление в печати одной из важнейших книг Священного Писания у болгар на их живом языке объясняется очень поздним началом у них книгопечатания: первая книга болгарская была издана только в 1806 г. ("Кириакодромион" Софрония Врачанского, "Молитвенный крич" неизвестного автора-составителя). Таким образом, болгары, предки которых внесли огромный вклад в начальную историю славянской письменности, в новое время сумели издать Новый Завет на понятном для них современном языке позднее других славян. Общая причина этого хорошо известна – многовековое политическое и социальное иго Османской империи, а в последнее его столетие – тяжелое господство греческого духовенства, многие представители которого, в том числе и высшего, всячески препятствовали росту у болгар национально-культурных тенденций. Понятно, что в таких условиях само появление книгопечатания на болгарских землях было сильно затруднено. Книгопечатание у болгар началось и развивалось до середины XIX в. в основном вне их земель – в соседних и более отдаленных странах, в том числе в России. Естественно поэтому, что первые печатные издания Нового Завета в болгарских переводах не могли появиться в Болгарии; они увидели свет за ее пределами – в России (Петербург), Румынии (Бухарест) и Турции (Смирна).

Потребность в новоболгарском переводе Нового Завета и его издании, наряду с другими причинами, объясняется тем, что получившая у болгар в XVII-XVIII вв. довольно широкое распространение изданная в России богослужебная литература на церковнославянском языке была им мало понятной. Хотя церковнославянский язык этих изданий, отражающий многие особенности русского языка, и был в своей основе исторически древнеболгарским, для болгар нового времени он уже был мало- или труднопонятным, ибо их народный язык в своем развитии сильно отошел от древнеболгарского. Именно малопонятность языка русских печатных изданий книг Священного Писания побуждала образованных болгар к переводу и изданию этих книг на доступном для понимания населения народном или "природном" языке, что в общем находилось в рамках широкого движения болгар за национально-культурное возрождение, в

котором проблема родного языка вообще и нового литературного языка в частности занимала одно из важнейших мест. В начале 20-х годов прошлого столетия принцип "пиши как говорит народ" стал руководящим в книжной деятельности ряда представителей зарождавшейся и патриотически настроенной болгарской интеллигенции. Наиболее яркое воплощение этот принцип нашел тогда в "Букваре с различными поучениями" (более известном под названием "Рыбный букварь") Петра Берона, вышедшем в свет в 1824 г.

Первые реальные попытки болгар к изданию Нового Завета относятся к самому концу второго – началу третьего десятилетия XIX в. и связаны они с именем Петра Сапунова. В недавно изданном в Болгарии первом томе фундаментальной Кирилло-Мефодиевской энциклопедии констатируется: "Начало новоболгарских переводов Библии связывается с переводными изданиями Нового Завета Петра Сапунова (отпечатаны в 1828 и 1833) и Неофита Рильского (шесть изданий за время с 1840 по 1858)"¹. Эта констатация верна в отношении П. Сапунова как лица, первым переведшего Новый Завет с целью его печатания, но она нуждается в уточнении, так как изданный в 1828 г. перевод П. Сапунова не был первым опытом издания Нового Завета на болгарском языке. Таким опытом было, как теперь хорошо известно, отпечатанное в Петербурге пятью годами ранее Евангелие от Матфея.

Что касается П. Сапунова, то есть основания утверждать, что уже в 1820 г. он имел готовый перевод Нового Завета, сделанный им совместно со священником Серафимом, с которым они тогда же предпринимали шаги к его напечатанию. Такое основание дает следующее сообщение А. Кипиловского в предисловии к сделанному им болгарскому переводу "Священного циклообразия" И. Гибнера, датированном 15 августа 1825 г.: "Пять лет назад (т. е. в 1820 г. – Г. В.) один почтенный купец, родом болгарин, по имени Петр Сапунов, вместе с покойным преподобным отцом Серафимом Эскизагорчанином, тоже родом болгарин, побуждаемые крайним любородием, приложили усилия и перевели весь Новый Завет на болгарский наш язык и издали объявление о напечатании, но, не знаю по каким обстоятельствам, даже до сих пор их труд остается еще не произведенным на свет"². Из слов А. Кипиловского, к сожалению, нельзя заключить, где именно они собирались печатать свой перевод Нового Завета (впрочем, в изданном ими объявлении таких сведений могло и не быть). Осуществить свое намерение Петру Сапунову удалось только через восемь лет, когда священника Серафима, уроженца Старой Загоры (Эски Захара), уже не было в живых. Но этому предшествовали интереснейшие

события, связанные с решением Российского Библейского общес-
тва издать Новый Завет в переводе архимандрита Феодосия.

Российское Библейское общество (далее – РБО) одной из главных своих задач ставило, как известно, подготовку и издание книг Священного Писания на понятных для народов их родных языках. В рамках такой задачи и возникла в этом Обществе идея издания Нового Завета на народном болгарском языке. Этот примечательный факт истории русско-болгарских духовных и культурных связей в начале 20-х годов XIX в. давно уже привлекает внимание ученых России, Болгарии и других стран. Освещению связанных с ним вопросов первоначально способствовали особенно труды русских славистов М. Г. Попружен-ко³ и Н. М. Петровского⁴. Еще раньше, в самом конце XIX в., интересные сведения, почерпнутые из архивных материалов, были освещены И. А. Чистовичем⁵. В последнее время большой вклад в их освещение внесли болгарский историк Румяна Радкова⁶ и американский славист Джеймс Кларк⁷. Этим же вопросам посвящена и наша статья, в которой использованы архивные материалы РБО⁸.

Обстоятельства того, как РБО пришло к решению опубликовать Новый Завет в болгарском переводе, достаточно ясно изложены в протоколе его заседания от 17 июня 1820 г.⁹. Из этого протокола хорошо видно, что инициатива издания Нового Завета в болгарском переводе, о котором пойдет речь ниже, исходила не от болгар и не от самого РБО, а от британского миссионера Пинкертона, (идея перевести и издать эту книгу на болгарском языке возникла у него еще в 1816 г. во время его путешествия по Европейской Турции); инициатива эта была поддержана константинопольским патриархом Григорием, греком по национальности, который лично определил переводчика – архимандрита Феодосия из Быстрицкого монастыря близ Бухареста, тоже грека, которого он рекомендовал как "человека усердного и весьма сведущего в языке греческом, славянском и болгарском"¹⁰; сделанный архимандритом Феодосием перевод был поддержан Британским Библейским обществом, которое выделило ему за его труд 200 фунтов стерлингов; архимандрит Феодосий, когда Пинкертон предложил его перевод издать в России, уже во всю над ним трудился.

Предложение Пинкертона, направленное в РБО в конце 1819 или в начале 1820 г., пришло Обществу весьма кстати, потому что, как сказано в читанном 13 февраля 1822 г. в Комитете РБО документе "О переводе Нового Завета на болгарском языке и об издании оного здесь в С.-Петербурге", Комитет этот "давно уже помышлял о снабжении единоплеменний и единоверный нам народ болгарский книгою живота вечного на при-

родном его языке, на коем книг Священного Писания еще никогда издаваемо не было. Комитет считал сие обязанностию своею тем паче, что многие из сего народа по жительству в Бессарабской облас[ти су]ть соотечественники наши”¹¹. Согласившись с предложением Пинкerton, Комитет РБО по дипломатическим каналам быстро связался с архимандритом Феодосием, который уже в 1821 г. направил свой перевод в Петербург и сообщил, что готов приехать в Россию для наблюдения за его печатанием. Получив перевод архимандрита Феодосия, Комитет РБО направил его в Кишинев для оценки и опробования его в болгарских церквях Бессарабии, где в начале 20-х годов уже проживало значительное число болгар-переселенцев. Гавриил, кишиневский митрополит, нашел перевод Феодосия точным и удачным. Хорошо он был встречен и в болгарских церквях Бессарабии. Основываясь на таком заключении, Комитет РБО 12 мая 1822 г. принял решение в том же году начать его печатание в количестве 5000 экземпляров. Архимандриту Феодосию, оказавшемуся к тому времени в трансильванском городе Германштадте, было направлено приглашение приехать в Петербург для наблюдения за ходом печатания перевода. Решение Комитета РБО было тогда же доложено императору. Феодосий прибыл в Петербург осенью 1822 г. а в декабре того же года типография РБО приступила к набору его перевода.

Пока шла переписка РБО с архимандритом Феодосием, а тот готовился к поездке в Россию, жившие в Валахии и Трансильвании болгары, узнав, что грек Феодосий переводит или уже перевел Новый Завет на их язык, а РБО собирается этот перевод издать, пришли в движение и постарались воспрепятствовать осуществлению этого намерения. Большую активность проявил уже упоминавшийся выше П. Сапунов. Будучи болгарином, он был уверен в преимуществах своего перевода Нового Завета в сравнении с переводом грека Феодосия и стремился заинтересовать РБО своим переводом, но усилия его успехом не увенчались (см. ниже). Другая акция болгар тоже была направлена против Феодосия как переводчика. Болгары считали, что, будучи греком, он не мог сделать качественный перевод Нового Завета на болгарский язык, о чем они предупреждали кишиневского митрополита и само РБО. В письме группы болгар из Трансильвании, полученному в РБО в самом конце 1822 г.¹², утверждалось, что перевод Феодосия некачественный и потому не может удовлетворить болгар. Вместо Феодосия они рекомендовали РБО трех своих соотечественников, подготовленных для столь ответственного дела как перевод Нового Завета, и послали образец нового перевода, сделанного одним из них – Василием Неновичем (о нем см. ниже). Ознакомившись с этим письмом, архиман-

дрит Феодосий отверг все претензии болгар к его переводу и подчеркнул, что, будучи, безграмотными, авторы письма не могут судить о качестве его перевода, а присланный ими образец нового перевода Нового Завета расценил как "совершенно неисправный, наполненный неправильностями и искажений в смысле текста".

Рассмотрев письмо болгар и объяснение архимандрита Феодосия, Комитет РБО нашел "отзыв" Феодосия "совершенно основательным" и принял решение продолжить печатание его перевода, но теперь уже "для осторожности" он счел полезным издать его в количестве не 5000, а 2000 экземпляров.

Тем временем в РБО поступило и письмо от английского миссионера Патерсона, который, как указывает Дж. Кларк, также был озабочен качеством перевода архимандрита Феодосия, незнанием им грамматических правил болгарского языка и принятой им устаревшей орфографией¹³. Патерсон предложил Обществу издать для пробы только Евангелие от Матфея тиражом в 3000 экземпляров, а для сверки послать перевод Василию Неновичу. Следствием такого представления Патерсона было то, что Комитет РБО вновь обсудил вопрос об издании перевода архимандрита Феодосия и, припомнив, вероятно, мнение болгар в присланном ему письме, принял на этот раз окончательное и еще более "осторожное" решение об отпечатании только Евангелия от Матфея в количестве 2000 экземпляров, что и было выполнено. На заседании Комитета РБО 4 октября 1823 г. было сообщено, что установленный тираж Евангелия от Матфея в переводе архимандрита Феодосия в количестве 2000 экземпляров был отпечатан¹⁴.

Перевод был напечатан без титульного листа и обычных, указываемых на нем, выходных данных – имя переводчика, год и место издания, типография, напечатавшая книгу, и др. Даже заглавие "От Матфея святого благовествование" отпечатано на первом листе поверх первых строк текста¹⁵. Текст книги напечатан церковной кириллицей в два столбца: слева – на церковнославянском языке, справа – в болгарском переводе. Отсутствие титульного листа и кожаного переплета в известных сохранившихся экземплярах этого Евангелия свидетельствует, как писал об этом еще Н. М. Петровский, о незавершенности данного издания – книга в свет не не выходила¹⁶.

Дальнейшая судьба этого перевода, как справедливо заместил в свое время М. Г. Попруженко, представляется "очень темной"¹⁷. "Очень неясной" характеризует ее и современный историк Р. Радкова¹⁸. По-видимому, прав был и М. Н. Петровский, считавший, что набранный перевод Евангелия от Матфея "в свет не выходил"¹⁹. Еще К. Иречек, не располагавший, судя

по всему, сколько-нибудь определенными сведениями об издании рассмотренного перевода, писал, что перевод этот "был, как говорят одни, вследствие своей совершенной негодности, отвергнут уже в самом начале; по словам других он был отпечатан в Петербурге в 1823 г., в количестве 5000 экземпляров, но тотчас же был задержан, так как Св. Писание будто бы было опасно на народном языке"²⁰. Указанные К. Иречеком причины не исключает и М. Г. Попруженко²¹. Р. Радкова же неправдоподобным находит предположение о плохом качестве труда архимандрита Феодосия как о причине приостановки его дальнейшего печатания и уничтожения готовой части тиража, поскольку это, по ее мнению, "нашло бы отражение в протоколах и материалах Комитета РБО"²². Трудно приемлемо, по ее мнению, и предположение, что "весь тираж был уничтожен позднее, после его распространения, по приказу константинопольского патриарха"²³. Сама же Р. Радкова склонна объяснить отсутствие большого числа экземпляров Евангелия от Матфея в переводе Феодосия "скорее несчастным случаем" – наводнением 1823 г., которое уничтожило "почти все, что находилось" на складах Синода и жертвой которого могли быть, вероятно, и "готовые к экспедиции переводы Евангелия от Матфея на болгарском языке"²⁴.

Как видим, дальнейшая судьба отпечатанной части Нового Завета в болгарском переводе архимандрита Феодосия представляется исследователями в разных версиях, каждая из которых – это лишь предположение, не подкрепляемое какими-либо надежными свидетельствами.

На наш взгляд, более правдоподобно предположение, что причиной прекращения работы над изданием полного перевода архимандрита, возможного изъятия отпечатанного тиража Евангелия от Матфея и недопущения его к продаже и распространению могло быть недовольство (главным образом в официальных церковных кругах России) деятельностью РБО в целом, а в частности тем, что оно якобы "выступало как бы отделом Великобританского общества, между тем как оно должно быть вполне самостоятельным и независимым от иностранных протестантских обществ"²⁵. Учитывая, что идея издания РБО Нового Завета в переводе Феодосия была предложена британским миссионером Пинкертоном (обстоятельство это не могло не быть известно российским церковным властям), такое предположение не столь уж безосновательно. В этом отношении весьма показательна позиция митрополита Серафима, в мае 1824 г. назначенного президентом РБО на место сложившего с себя с соизволения царя президентские полномочия князя А. Н. Голицына, деятельность которого на этом посту вызывала

у церковных властей большое недовольство. Митрополит Серафим, согласно докладу министра народного просвещения А. С. Шишкова царю от 16 ноября 1824 г., "по многим разговорам просил представить Его Величеству о немедленном закрытии всех библейских обществ – под иным названием – масонских лож, о прекращении переводов священных писаний на простое наречие и уменьшении скромными мерами числа выпущенных книг, и, в связи с сим, об удалении из Святейшего Синода архиереев тверского и кишиневского, "нечуждых по сему делу пристрастия" и о замене их другими"²⁶. Если вспомнить, что митрополит кишиневский, к которому столь не благоволил новый президент РБО, был непосредственно причастен к решению вопроса об издании Нового Завета в переводе архимандрита Феодосия на болгарском языке, то вполне можно допустить, что одной из жертв начавшегося свертывания деятельности РБО в условиях все усилившейся критики и недовольства мог оказаться и этот перевод.

Как именно распорядилось само РБО или, может быть, высшие церковные власти с отпечатанным тиражом Евангелия от Матфея в переводе архимандрита Феодосия, стал ли он случайной жертвой какой-либо стихии (что кажется все же маловероятно) – сказать сейчас трудно. Бессспорно, однако, что какая-то часть тиража все же не пропала, осела в российских библиотеках и, наверное, на руках отдельных лиц. Несколько экземпляров сохранилось до наших дней (см. ниже). По-видимому, какое-то количество экземпляров своего издания мог взять с собой сам архимандрит, когда он из Петербурга вернулся в Молдавию. И не исключено, что найденные А. И. Яцимирским в северной Молдавии (в монастыре Бисерикани) "отрывки болгарского перевода Евангелия, все экземпляры которых заключают лишь Евангелие от Матфея"²⁷, и есть эти экземпляры перевода архимандрита Феодосия. В связи с этим трудно воздержаться, чтобы не привести дневниковую запись В. И. Григоровича о пребывании в Хилендарском монастыре во время известного путешествия по европейской Турции: "занимался с болгарами, монахами и мирскими", "занимался болгарским языком", "прочел Ев. от Матфея и Беровича"²⁸. Н. М. Петровский, приведя в цитирующей здесь его работе эти слова В. И. Григоровича, в сноске 5 отмечает: "Евангелие от Матфея, конечно, читалось в болгарском переводе, так как перед цитируемой фразой сказано "занимался болгарским языком", а Берович – это, конечно же, "Букварь с различными поучениями" ("Рыбный букварь") П. Берона (1824). Не есть ли Евангелие от Матфея, которое В. И. Григорович читал в Хилендарском монастыре на Афоне, отпечатанная в Петербурге часть Нового Завета в переводе архимандрита

Феодосия? Кажется, что, если бы он читал начальную часть (Евангелие от Матфея) в каком-либо полном издании Нового Завета [им могли быть издания переводов П. Сапунова (1828) и Неофита Рильского (1840)], он должен был бы скорее указать это название книги, а не его часть. Но это, естественно, очередное предположение, касающееся "очень темной" судьбы первого опыта издания Нового Завета в новоболгарском переводе.

К сказанному следует добавить и чисто "литературное" продолжение истории с переведенным архимандритом Феодосием Новым Заветом. Еще в конце прошлого века возникла версия, исходящая от записей П. Шафарика и встречающаяся на страницах новейших библиографических трудов, согласно которой этот перевод был направлен в Лондон, где в 1828 г. и был издан в типографии В. Ватса Британским Библейским обществом в количестве 5000 экземпляров. Но и это издание постигла якобы печальная судьба: согласно одному варианту этой версии весь тираж этого издания был уничтожен там же, в Лондоне; согласно другому варианту – тираж был отправлен в Петербург и там весь уничтожен²⁹. Показательно, что такой версии придерживается и М. Стоянов – автор известного капитального труда "Българска възрожденска книжнина". Перевод архимандрита Феодосия, сделанный с помощью неизвестного болгарина, пишет он, "был заказан и издан Британским и Иностранным Библейским обществом и был уничтожен этим Обществом, поскольку он был не понятен для болгар"³⁰. Однако в другом месте своего труда он по существу ставит под сомнение выход в свет лондонского издания, указав, что петербургское издание Евангелия от Матфея – "это, наверное, незавершенный перевод Нового Завета Феодосия Быстрицкого, который ошибочно ставится под 1828 год"³¹.

В действительности же, как показал Дж. Кларк, мнение об издании в 1828 г. в Лондоне Нового Завета в переводе архимандрита Феодосия не имеет под собой оснований. Он доказал, что такое издание в Лондоне в том году не выходило³².

И, наконец, в качестве библиографического курьеза трудно не отметить указание А. Теодорова-Балана на третье издание рассматриваемого здесь перевода (первым он считал издание 1828 г. в Лондоне, второе оставлял под вопросом), вышедшее якобы в Лондоне в 1859 г. и тоже в типографии В. Ватса. Любопытно, что в самой статье об этом издании в качестве переводчика он называет и "П. П. Рылца", т. е. Неофита Рильского, а на следующей странице это же издание приводит как третье (согласно титулу, а на самом деле, вероятно, четвертое) издание "Нового Завета" в переводе Неофита Рильского, первое издание которого вышло в свет в 1840 г. (о нем см. ниже)³³. В. Погорелов установил, что текст названного лондонского издания 1859 г. "точно перепечата-

тан по первому изданию" перевода Неофита Рильского³⁴.

Вторым по времени издания был перевод Нового Завета сделанный Петром Сапуновым при участии священника Серафима и изданный в Бухаресте в 1828 г.³⁵. П. Сапунов родился около 1800 г. в маленьком городке Трявна в центральной части Балканских гор, рано оказался в Валахии, где, вероятно, и выучил греческий, русский и сербский языки; какое-то время служил там в российском консульстве в Бухаресте, куда переехал около 1820 г. Он известен прежде всего как автор данного перевода Нового Завета и издатель ряда книг, вышедших в свет в 40-е годы ("Най-нов снотолковател, който казва правдата-матка", Бухарест, 1844; "Историята на славеноболгарския народ из историята на г. Раича и някои исторически книги составлена...", Бухарест, 1844 и др.).

Свой перевод Нового Завета П. Сапунов вместе с Серафимом, как это следует из сообщения А. Кипиловского (см. выше), сделал, судя по всему уже в 1820 г., тогда же объявил о намерении его напечатать, но осуществить это намерение тогда он не смог, и перевод этот вышел в свет лишь через восемь лет. Когда же он узнал о переводе Нового Завета на болгарский язык архимандритом Феодосием и намерении РБО издать его перевод, он проявил большую активность, чтобы воспрепятствовать этому и представить РБО свой, уже готовый перевод этой же книги. В качестве представителя болгар П. Сапунов посетил русского консула в Бухаресте Пини и вручил ему свой перевод с просьбой представить его куда следует³⁶. Этим он не ограничился и через чиновника русского почтового ведомства в Бухаресте послал кишиневскому митрополиту Гавриилу начальную страницу своего перевода с просьбой, чтобы сведущее в болгарском языке лицо сравнило его перевод с переводом Феодосия и оценило, какой из них лучше. Обоим русским чиновникам он сообщал, что, если будет одобрен его перевод, он будет согласен отправиться в Кишинев для наблюдения за его печатанием. Оба чиновника об этом сообщили РБО в своих донесениях. Позднее П. Сапунов известил митрополита Гавриила о своей готовности отправиться в Петербург, если будет принято решение о печатании его перевода в столице России, о чем также было извещено и РБО. Между тем Комитет РБО поручил митрополиту Гавриилу связаться с тырновским митрополитом относительно просмотра и сравнения переводов Г. Сапуна и архимандрита Феодосия. Еще в начале 1821 г. через русского посла в Константинополе Г. А. Строганова ему была направлена часть перевода П. Сапуна для его оценки. Дошла ли она до адресата или нет, неизвестно. Что же касается перевода архимандрита Феодосия, то он тырновскому митрополиту не посыпался из-за беспорядков,

вызванных восстанием греков и неясности в связи с этим судьбы самого митрополита³⁷. Попытки П. Сапунова добиться сравнения своего перевода Нового Завета, в преимуществах которого он был убежден, с переводом грека архимандрита Феодосия оказались, таким образом, безрезультатными, и ему не удалось открыть дорогу возможному изданию в России своего перевода

Изданный же в 1828 г. в Бухаресте перевод на народный болгарский язык ("на българския язик, който ся употреблява сега - Болгариата") - "плод многолетних трудов" - начал печатанием был при валашском князе Григории Гике, а закончен "по приличното окончание", как сказано на титульном листе) посте вступления русской армии ("Армията на най силното Империе на сичката Россия"), двигавшейся через Молдавию и Валахию к Дунаю навстречу турецким военным силам. Важно отметить, что Новый Завет в переводе П. Сапунова был издан "с благословения" митрополита "всей Угровлахии" Григория, а че церковных властей какой-либо епархии на болгароязычной территории. В отличие от перевода архимандрита Феодосия и перевода Неофита Рильского (о нем см. ниже), изданных ча средства государственно Российского и Британского Библейских обществ Чешский Завет в переводе П. Сапунова вышел в свет при материальной поддержке соотечественников-спомоществователей "спомоществованието и харчта на единоплеменците благочестиви христиани", как сказано на титульном листе). Спомоществование изданию книг у болгар в эпоху Возрождения было распространенной практикой, и издание этого перевода П. Сапунова было одним из первых ее проявлений. Из предисловия, подписанного "Переводител Петар Сапунов Трявненин", узнаем, что митрополит Угровлахии Григорий "не только подарил печатание", т. е. разрешил издание Нового Завета, че и оказал ему финансющую помощь ("грошово спомоществование"). За это пишет П. Сапунов, вся Болгария должна его благодарить, молиться о его здоровье и благополучии, ибо не будь "этой значительной помощи" митрополита Григория, не было бы возможностей быстро издать Новый Завет"³⁸. П. Сапунов надеялся что, если читатели и другие соотечественники окажут ему материальную поддержку, то он сможет издать также Деяния апостолов и Апокалипсис и переплести их вместе с издаваемым Четвероевангелием³⁹.

Тираж Нового Завета в переводе П. Сапунова составил 1000 экземпляров⁴⁰. Отпечатан он был на грубой бумаге серолубоватого цвета, невыразительным церковным шрифтом, без параллельного текста на церковнославянском языке. По качеству полиграфического исполнения он значительно уступает книгам, изданным Университетской типографией в Буде.

был отпечатан целый ряд болгарских книг в первые десятилетия XIX в.

Издание Нового Завета в переводе П. Сапунова при участии священника Серафима не стало заметным событием в истории болгарского книгопечатания, духовной национальной культуры. Р. Русинов, известный специалист в области истории болгарского литературного языка эпохи Возрождения, указывает, что перевод этот "заинтересованными кругами не был принят хорошо. Не нашел он широкого приема и в болгарских школах"⁴¹.

Причина этого заключается, вероятно, в неприятии современниками языка перевода, иллюстрацией которой может служить его резкая критика Неофитом Рильским – автором первой болгарской грамматики и третьего по счету перевода печатного издания Нового Завета. Приведя целый ряд примеров на "слова испорченные" (например *нѣща* вместо *вѣщи*, *камакъ* вместо *камень*, *петакъ* вместо *петокъ* и др.), Неофит Рильский писал, что сам он никогда не дерзнул бы внести в "свое сочинение или в перевод такие непотребные слова (даже если они и употребительны в некоторых местах среди простого народа)", равно как и *кракъ* вместо *нога*⁴². Отрицательное впечатление перевод П. Сапунова произвел и на Ю. И. Венелина – одного из зачинателей отечественной болгаристики, совершившего в 1830 г. кратковременное путешествие по северо-восточной части Болгарии. В письме к П. И. Соколову, непременному секретарю Российской академии, командировавшей его в Болгарию, по возвращении в Москву он писал об этом издании: "Переводчик Петр Сапунов, уроженец Травненский [так!] из Балкан; в переводе последовал он восточному болгарскому наречию, т. е. котлинскому или казанскому, которое испорченнее всех; а в правописании своему произволу"⁴³. Несколько годами позднее в известной брошюре "О зародыше новой болгарской литературы", сравнив небольшой фрагмент из Евангелия от Матфея в переводе П. Сапунова с переводом Софрония Врачанского в его "Кириакодромоне" (1806), Ю. И. Венелин констатировал: "Оба перевода на простом языке, но двух разных наречий; все филологи славянские, однако, согласятся со мною, что перевод Софрониев гораздо правильнее и глаже, нежели сапуновский"⁴⁴. В переводе П. Сапунова ему особенно не понравились членные морфемы ("уродливые тататата") и использованные буквы *a* (с черточкой сверху) для обозначения характерного болгарского звука *ъ* вместо более правильного, по его мнению, возможного использования букв *у*, *е*, *о* с такой же черточкой сверху⁴⁵. Возражения Ю. И. Венелина, как видим, касаются двух характерных особенностей структуры новоболгарского языка – употребления членных форм и обозначения звука *ъ*. Отрицательное отношение к

этим особенностям, как и общая неблагоприятная оценка перевода П. Сапунова русским ученым, к мнению которого прислушивались его болгарские современники, очевидно, не придали популярности этому переводу Нового Завета, с одной стороны, и в известной мере способствовали обострению развертывавшихся споров между болгарскими возрождениями по проблемам формирования нового литературного языка, с другой.

Мнение о плохом качестве перевода П. Сапунова как о причине его непопулярности поддерживалось и позднее. В 40-е годы об этом писал, например Н. Н. Мурзакевич. Передавая дошедшее до него в Одессу мнение болгар об этом переводе, в письме О. М. Бодянскому от 21 июня 1845 г. он сообщал, что переведенное П. Сапуновым Евангелие "не в употреблении, кажется, по дурному переводу или по чему-то другому"⁴⁶.

В связи со сказанным, следует отметить, что сделанный П. Сапуновым перевод Нового Завета не сыграл сколько-нибудь заметной роли и в формировании нового литературного языка, как можно было бы ожидать от издания столь важной книги Священного Писания. Современные исследователи дают ему в этом плане лишь самую общую характеристику. Так, Р. Русинов указывает, что, несмотря на критическое отношение Н. Рильского к языку перевода П. Сапунова, в начальный период формирования этого языка он все же имеет свои заслуги⁴⁷. Место его в истории современного болгарского литературного языка, по Р. Русинову, определяется тем, что он, во-первых, сделан на народный язык и этим самым продолжает "линию Берона в строительстве литературного языка" и, во-вторых, отражает "особенности одного из центральных балканских говоров (трявненского)", которые активно участвовали в формировании болгарского литературного языка⁴⁸.

В общем Новый Завет в переводе П. Сапунова не стал заметным событием в истории болгарской культуры в том смысле, что он не оказал сколько-нибудь ощутимого воздействия как на последующее распространение церковной литературы на народном болгарском языке, так и на развитие нового литературного языка на народной основе. Но его бесспорное значение в истории болгарского книгопечатания в том, что это было первое полное издание Четвероевангелия, дошедшее – в отличие от полусостоявшегося издания одного лишь Евангелия от Матфея в переводе архимандрита Феодосия – до болгарских читателей в конце двадцатых годов прошлого века. И сам П. Сапунов, по-видимому, считал себя первым переводчиком Нового Завета на народный язык. Вероятно, таковы его признавали и его современники. Во всяком случае в списке подписчиков ("спомоществователей") на изданную в Будине в 1837 г. книгу "Христои-

тия или благонравие" в переводе Райно Поповича на с. 319, как заметил Н. М. Петровский, он представлен именно в таком качестве: "Словеснейший и первый Евангелия переводчик Петр Сапунов из Трявны"⁴⁹.

В некоторых болгарских библиографических трудах и энциклопедиях указывается 2-е издание Нового Завета в переводе П. Сапуна, состоявшееся в 1833 г. в Бухаресте⁵⁰. Совсем недавно наличие такого издания авторитетно подтвердила Кирилло-Мефодиевская энциклопедия⁵¹. Между тем убедительных свидетельств тому, что такое издание действительно имело место кажется нет. Во всяком случае, М. Стоянов в своей "Българска възрожденска книжнина" указывает его со ссылкой на своего предшественника В. Погорелова⁵², свидетельствующей, что ни ему самому, ни современным библиотечным фондам Болгарии оно не известно.

Кроме рассмотренных выше переводов Нового Завета, доведенных до печатания, в 20-е годы XIX в. предпринимались и другие опыты перевода этой книги Священного Писания на болгарский язык.

Известно, что в 1822 г., а может быть, и несколько раньше, переводом Нового Завета занимался Василий Ненович – один из деятелей Филолгического общества болгар в Брашове, издавший в середине 20-х годов две книги: "Священная история церковна из Ветхият и Новиет завет" (Будимград, 1825) и "Буквар за децата на славеноболгарскиет народ" (Будин, 1826). О нем известно, что он был один из тех трех, "знающих..." основательно грамматические правила языка болгарского, а также языки славянский (т. е. церковнославянский. – Г. В.) и российский", которых группа трансильванских болгар рекомендовала РБО для перевода Нового Завета вместо архимандрита Феодосия. Вместе с ее письмом в РБО в конце 1822 г. был направлен и составленный В. Неновичем "образец нового перевода" с просьбой "об удостоении отзывом по сему предмету". Какие части Нового Завета В. Ненович представил в качестве образца своего перевода, мы не знаем. Известно, однако, что, как это видно из сказанного выше, этот "образец" В. Неновича вместе с письмом трансильванских болгар Комитет РБО передал "на усмотрение" архимандрита Феодосия с тем, чтобы тот "сообщил мнение свое по сему предмету". И автор уже начатого печатанием в Петербурге Нового Завета в своем переводе дал вдруг появившемуся возможному конкуренту, естественно, резко отрицательный отзыв, охарактеризовав "образец" В. Неновича как "совершенно неисправный, наполненный неправильностей и искажений в смысле текста". Очевидно, что РБО, получив такое заключение архимандрита Феодосия, не могло принять иного решения как

отказаться от предложенных услуг трех болгар, включая и В. Неновича с его "образцом" перевода Нового Завета. Возможно, что "образец" этот, как и само письмо трансильванских болгар в РБО, сохранилось в богатейших архивных фондах этого общества. Неизвестно продолжил ли В. Ненович перевод Нового Завета по отправлении в Петербург своего "образца" и довел ли он его до конца, если продолжил. Известно однако, что в качестве одного из наставителей упомянутого Филологического общества в Брашове он принял в это же время на себя заботы по объяснению ("за претолкованието") Нового Завета и изданию других книг на народном болгарском языке⁵³, а вскоре и сам издал две названные выше книги.

Тогда же, в 20-е годы, переводом Нового Завета занимался и упоминавшийся выше А. Кипиловский. Известно, что к концу 1826 г., когда ему было 24 года, он уже имел готовый перевод части Евангелия от Матфея, 10 глав которого он тогда же послал для просмотра тырновскому митрополиту Иллариону – греку по происхождению, который сам в 1818 г. издал Новый Завет в новогреческом переводе. О переводе А. Кипиловского писал митрополит и известный учитель Райно Попович, покровительствовавший молодому переводчику. Из письма митрополита к Р. Поповичу от 1 января 1827 г. известно, что полученные 10 глав Евангелия от Матфея митрополит передал "некоторым сведущим священникам, чтобы они его переработали", а затем, по получении от А. Кипиловского обещанной им грамматики болгарского языка, он собирался послать их "учителю во Враце" (по мнению И. Снегарова, возможно, Константину Огняновичу – сербу по происхождению) и поступить "согласно указаниям, которые он нам даст"⁵⁴. Какова дальнейшая судьба начального перевода Евангелия от Матфея, исполненного А. Кипиловским, нам не известна.

Если перевод Нового Завета В. Неновичем был предпринят как острая реакция болгар на сделанный греком, хотя и при участии "природного болгарина", перевод этой книги Священного Писания и диктовался стремлением воспрепятствовать его изданию РБО, то обращение А. Кипиловского к переводу этой книги объясняется, возможно, как раз не состоявшимся или – точнее – полусостоявшимся изданием Нового Завета в Петербурге. А. Кипиловский из отчетов о деятельности РБО знал, что это общество приняло к печати перевод архимандрита Феодосия и в 1823 г. объявило о решении издать его в количестве 5000 экземпляров. "Но, – писал он в датированном 15 августа 1825 г. предисловии к книге "Священное цвенообрание". – сейчас вот уже наступает и 1826 год, а перевод этот не появился на свет"⁵⁵. В предисловии А. Кипиловский выражает надежду, что

РБО исполнит свое обещание и издаст в болгарском переводе не только Новый Завет, но и Ветхий Завет, однако после перевода с русского языка "Священного цветообрания" И. Гибнера, вероятно, и сам решил попробовать перевести текст Нового Завета.

Любопытно очевидное различие в оценке перевода архимандрита Феодосия, данной П. Бероном, и подходе к нему со стороны А. Кипиловского. П. Берон в послесловии к своему "Рыбному букварю" дал резко отрицательный отзыв об этом переводе. "Сколько бесчестия и стыда доставляет нашему народу плохой перевод, каким является тот, который архимандрит Феодосий послал в Петербург в Библейское общество, о котором и наши писали туда и просили позвать ученых людей его просмотреть и поправить, чтобы его понимал каждый болгарин"⁵⁶. А Кипиловский к этому переводу отнесся как будто благосклоннее. Во всяком случае в цитированном выше предисловии к "Священному цветообранию" он не делает даже намека на какие-либо его слабости и недостатки. Пожалуй даже наоборот: характер его слов о том, что "переводчик благоговейнейший архимандрит Феодосий, игумен Бистричанского монастыря в Валахии, грек родом, с благопристойною учтивостию был позван в Санкт-Петербург, чтобы получить достойное вознаграждение за свой труд", свидетельствуют именно о благосклонном отношении А. Кипиловского и к самому Феодосию и к его переводу. Причина этого, как нам кажется, не в том, что он, не будучи скорее всего знаком с самим переводом Феодосия, не хотел судить о нем отрицательно с чужих слов (в частности приведенного отзыва П. Берона, которого он, конечно, не мог не знать). Воздерживаясь от какой-либо оценки перевода Феодосия по существу, он, вероятно, не хотел открыто поддерживать тех соотечественников, в частности П. Берона и В. Нено维奇а, с которыми не задолго до этого рассорился в Филологическом обществе в Брашове из-за разногласий по языковым вопросам. Но главная причина на наш взгляд заключается в том, что своими суждениями о переводе Феодосия по существу, если эти суждения были отрицательного характера, А. Кипиловский не хотел зародить или укрепить в РБО сомнение в целесообразности довести дело с печатанием Нового Завета до конца. Он надеялся, что РБО, несмотря ни на какие обстоятельства, сдержит свое обещание и издаст для болгар эту книгу в Петербурге на их народном языке. Соответствующий пассаж из его предисловия к "Священному цветообранию" заслуживает того, чтобы привести его полностью, ибо он хорошо иллюстрирует отношение по

крайней мере части образованных болгар того времени вообще к изданию Нового Завета на их родном языке и большие надежды, которые связывались в этом деле с Россией и его Библейским обществом.

Выразив сожаление по поводу того, что и в преддверии приближавшегося 1826 г. РБО еще не издало Новый Завет в переводе архимандрита Феодосия, А. Кипиловский далее писал: "Наш народ, видя такую задержку с изданием пяти тысяч экземпляров [Нового Завета. – Г. В.], не должен еще вздыхать от горького отчаяния, что уже вовеки не сможет увидеть Священное Писание, переведенное на наш природный язык, а должен крепить свое терпение со стойкостью к неблагоприятным обстоятельствам, угрожающим нашей твердой вере, и все мы должны знать, что такого рода обещание не может оставаться не свершенным, ибо дающие обещание могут легко узнать, какие последствия проис текают из-за задержки хорошо намеченных дел и какой может быть мера благопочитания к тем, кто даже при крайней необходимости не исполняет с поспешностью своего обещания. И еще мы должны сказать, что человеколюбие названного Библейского общества озарило и озаряет закрытые мраком глаза даже самых отдаленных народов Священным Писанием, переведенным на собственный язык каждого из них. Так нас ли оно оставит в этом крайнем заточении невежества? И из этого мы должны заключить, что Российское Библейское общество не замедлит по какой-либо причине со своим святым содействием, чтобы исполнить обещание в точности так, как оно обещало сделать в 1821 году, и тогда озарит нас двумя Священными книгами вместе, т. е. Ветхим и Новым Заветом, переведенными на природный наш язык"⁵⁷.

Судя по приведенному фрагменту предисловия, датированного 15 августа 1825 г., А. Кипиловский в это время еще не знал, что РБО уже прекратило свою работу по изданию перевода архимандрита Феодосия, и его надеждам на выход в свет этой книги в Петербурге не суждено было сбыться.

Издание П. Сапуновым Нового Завета и частично исполненные намерения А. Кипиловского и В. Неновича перевести эту же книгу свидетельствуют, что в 20-е годы XIX в. у части зарождавшейся болгарской интеллигенции уже сложилось прочное убеждение в необходимости познания книг Священного Писания на их народном ("природном") языке. Перевод Нового Завета греком архимандритом Феодосием, хотя и был иницирован британским миссионером, поддержан константинопольским патриархом и принят к печатанию Российским Библейским обществом, в принципе отвечал такой потребности, но он был заведомо отвергнут частью образованных болгар из-за оче-

видных для них недостатков языка перевода, обусловленных незнанием переводчиком болгарского языка. Их резко отрицательное отношение к этому переводу отчасти диктовалось и тем, что сделанный не болгарином перевод задевал или мог задеть чувство национального достоинства.

Такова нелегкая судьба двух первых печатных переводов Нового Завета на болгарский язык и других опытов перевода этой книги, не дошедших до типографского станка. Все они относятся к 20-м годам XIX в.

Третим по времени издания был перевод Нового Завета, сделанный Неофитом Рильским – одним из крупнейших деятелей Возрождения Болгарии. Этот перевод был напечатан в Смирне (Турция) в 1840 г.⁵⁸. История самого этого перевода, его издание и последующая судьба полны сложных перипетий и трудностей, которые заслуживают отдельного подробного освещения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. I. А–З. София, 1985, с. 192.
2. Священное цветообразие или сто и четыре священни истории, избрани от Ветхият и Новият Завет в полза на юношеството. От г. Иоанна Гибнеря... От российскиата на славеноболгарскиата наш език переведена от Анастаса Стояновича, котлянина. Ч. I. Будин, 1825, с. VI.
3. Попруженко М. Г. Очерки по истории возрождения болгарского народа. – Журнал Министерства Народного Просвещения, ч. 344, 1902, № 11, с. 3–20; Он же. Очерки по истории возрождения болгарского народа. III. Исторические работы. – Журнал Министерства Народного Просвещения, ч. 349, 1903, № 10, с. 345–346.
4. Петровский М. Н. Библиографические мелочи. XIII. К вопросу о первом печатном переводе Нового Завета на новоболгарский язык. – Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук, 1917, т. XXII, кн. 2. Пг., 1918, с. 338–347.
5. Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. 2-е изд. СПб., 1899.
6. Радкова Р. Първият печатен превод на Евангелието на български език. – В кн.: Българското Възраждане и Русия. София, 1981, с. 238–261.
7. Clarke J. F. Bible Societies, American Missionaries and the National Revival of Bulgaria. New York, 1971.
8. Венедиков Г. К. О первом печатном новоболгарском переводе Нового Завета. – Материалы Международного Симпозиума, посвященного 75-летию со дня создания в Петрограде Комиссии по научному изданию Славянской Библии (Февраль 1990, Петербург). (В печати).
9. Центральный Государственный исторический архив (Петербург; далее – ЦГИА), ф. 808, оп. 1, ед. хр. 155, л. 58–59.
10. ЦГИА, ф. 808, оп. 1, ед. хр. 144, л. 1.
11. Там же.
12. ЦГИА, ф. 808, оп. 1, ед. хр. 182, л. 83–84. – Письмо это было зачитано на заседании Комитета РБО 28 декабря 1822 г.; его протокольное изложение почти дословно, но без ссылки на источник, было в свое время опубликовано И. А. Чистовичем (Указ. соч., с. 46–47); полный текст его см. в статье: Венедиков Г. К. Указ. соч. С. 94–95.

13. Радкова Р. Указ. соч., с. 255; CLarke J. F. Указ. соч., с. 94–95.
14. Радкова Р. Указ. соч., с. 255.
15. От Матфея святаго благовествование. [СПБ., 1823]. 96 с. – В библиографических описаниях заглавие этого издания указывается не всегда точно, например, в "Систематическом каталоге книг фундаментальной библиотеки Казанской Духовной Академии" (Казань, 1874, с. 13), по свидетельству Н. М. Петровского, указано "Благовествование от Матфея" (Петровский Н. М. Указ. соч., с. 340); в известном указателе болгарской возрожденской литературы М. Стоянова – "Евангелие от Матея" (Стоянов М. Българска възрожденска книжнина. Т. 2. София, 1959, с. 784, № 20825).
16. Петровский Н. М. Указ. соч., с. 342.
17. Попруженко М. Г. Очерки по истории возрождения болгарского народа, с. 7.
18. Радкова Р. Указ. соч., с. 255.
19. Петровский М. Н. Указ. соч., с. 342.
20. Иречек К. История болгар. Одесса. 1878, с. 689, сноска 3.
21. Попруженко М. Г. Очерки по истории возрождения болгарского народа, с. 6.
22. Радкова Р. Указ. соч., с. 256.
23. Там же.
24. Там же, с. 267.
25. Чистович И. А. Указ. соч., с. 115.
26. Там же, с. 78.
27. Попруженко М. Г. Очерки по истории возрождения болгарского народа. III. Исторические работы, с. 346.
28. Петровский Н. Путешествие В. И. Григоровича по славянским землям. – Журнал Министерства народного просвещения, Новая серия, ч. 59, 1915, № 10, с. 252.
29. См., например: Шишманов И. Бележки за България в ръкописните наследства на Павла Иосифа Шафарика. – Български преглед, 1894, № 1, с. 71, 75–77; Теодоров А. Български книгопис. София, 1893, с. 53; Кутинчев Ст. Печатарството в България до Освобождението. София, 1920, с. 191; Погорелов В. Опис на старите печатани български книги. 1802–1877. София, 1923, с. 23; см. также: Попруженко М. Г. Очерки по истории возрождения болгарского народа, с. 7; Петровский М. Н. Библиографические мелочи. XIII. К вопросу о первом печатном переводе Нового Завета на новоболгарский язык, с. 343–345.
30. Стоянов М. Българска възрожденска книжнина. Т. 1. София, 1957, с. 351.
31. Стоянов М. Българска възрожденска книжнина. Т. 2. София, 1959, с. 785.
32. Clarke J. F. Указ. соч.
33. Теодоров-Балан А. Български книгопис за сто години. 1806–1905. София, 1909, с. 729–730.
34. Погорелов В. Указ. соч., с. 352.
35. Новият завет сироч четирийте Евагелии на четиртиях еваггелиста, переведени от елинския на българския язык, който ся употреблява сега в Болгарията... Букуреш, 1828. 220 с.
36. Радкова Р. Указ. соч., с. 249–250.
37. Там же, с. 249–253.
38. Новий Завет..., с. 1–2.
39. Там же.
40. Стоянов М. Българска възрожденска книжнина. Т. 1, с. 315.
41. Русинов Р. Петър Салунов и изграждането на новобългарски книженен език. – Език и литература, 1978, № 2, с. 70.
42. Рилски Н. Болгарска грамматика сега перво сочинена. Крагуевац, 1835. с. 11; см. также: Снегаров И. Гринос към биографията на Неофит Рилски. София, 1951, с. 122.

43. Российская Государственная библиотека. Отдел рукописей, ф. 49, папка V, ед. хр. 148, л. 14.
44. Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 49.
46. Титов А. Письма Н. Н. Мурзакевича к О. М. Бодянскому. 1838–1866. – Членения Общества истории и древностей российских, 1877, кн. 1, с. 201.
47. Русинов Р. Указ. соч., с. 70.
48. Там же, с. 67.
49. Петровский Н. М. Библиографические мелочи. XIII. К вопросу о первом печатном переводе Нового Завета на новоболгарский язык, с. 342.
50. См., например: Теодоров А. Български книгопис за сто години, № 8163; Погорелов В. Указ. соч., с. 32, № 20; Енциклопедия "България". Т. 6. София, 1988, с. 38.
51. Кирило-Мефодиевска енциклопедия, с. 192.
52. Стоянов М. Българска възрожденска книжнина. Т. 1, с. 315, № 6648
53. Берович П. Буквар с различни поучения. Брашов, 1824, [с. 143].
54. Снегаров И. Принос към биографията на Райно Попович. София, 1959, с. 25–26; см. также: Бояджиев П. Анастас Стоянович Кипиловски – този непознат възрожденец. – Литературна мисъл, 1979, № 9, с. 113.
55. Священное цветообразие, с. VII.
56. Берович П. Указ. соч., [с. 143].
57. Священное цветообразие, с. VII–VIII.
58. Новий Завет Господа нашого Іисуса Христа. Сега ново преведени от славенскаго на болгарский язык от Неофита иеромонаха П. П. Рилица. И с приложением прегледан и одобрен от преосвященнейшаго и премудраго митрополита Терновскаго г. г. Илариона. В Смирне, 1840. 516 с.

ПЕРЕВОД БИБЛИИ
В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ СЕРБСКОГО НАРОДА

Г. Тяпко

Первый перевод Библии на народный язык (1847) является одним из знаменательных событий национального возрождения сербского народа. Подобно тому, как чешская Библия (Кралицкая, XIV в.) послужила эталонным образцом основой для польского (XV в.)¹, словацкого (протестанты), лужицкого (XVI в.) национальных вариантов, так и сербский перевод В. С. Караджича, особенно его второе издание (1868), имел широкое хождение не только у сербов, но и в Хорватии, особенно после издания его латинским шрифтом и после специальной адаптации (хорватизации), осуществленной Б. Шулеком². Перевод В. С. Караджича примечателен, таким образом, и как пример позднего межконфессионального использования.

У сербов, как и у других православных славян, до XIX в. Библия не была переведена на народный язык. Считалось достаточным иметь церковнославянский текст, восходящий к переводам Кирилла и Мефодия. Авторитет православной церкви и ее языка был у сербов чрезвычайно высок, поскольку именно сербская православная церковь была духовным объединяющим началом для народа, утратившего свою государственную территорию. Сербское население оказалось разделенным границами двух государств: Османской и Австрийской империй. Условия общественно-политического и культурного развития были в Австрии более благоприятны, чем у сербов в Османской империи. Особенность местных условий заключались в том, что духовные руководители (митрополиты) распоряжались не только делами церкви, но имели власть над светской жизнью³. Церковнославянский язык был общепринятым языком не только Священного Писания и богослужения, но и административным языком церкви. Кроме того, он объединял сербов с единоверной Россией, у которой они искали духовной помощи и умственной пищи⁴. Что было важно в тот исторический период, когда урезались и ущемлялись их "привилегии", или же когда сербов пытались склонить к унию с Римом, или даже обратить в католицизм. В таких условиях осуществление национальной программы в области языка и культуры было невозможно без под-

держки или одобрения церкви. В то время и церковнославянский, и пришедшие ему на смену языковые идиомы опиравались на весьма узкую социально-культурную базу и не могли вовлечь в возрожденческие процессы всю сербскую нацию.

Интеллигенция, являющаяся носителем национальной идеи и ее проводником в массы, была малоизмененной и разобщенной. По своим взглядам и концепциям сербская интеллигенция не была однородной. Одна ее часть была связана с церковью (Стратимирович, Кенгельц), другая – демократическая – пропагандировала подлинно народные ценности (Обрадович, Караджич, Даничич). Свообразием платформы значительной части сербской интеллигенции являлось принятие системы культурных ценностей, сочтавшей в себе народный и общеславянский компоненты! (Обрадович, Стерия Попович, Стеич, Светич, Видакович). В сущности, эта платформа была заимствована у сербской православной церкви, опиравшейся на русско-сербскую культурно-политическую общность⁵. Такая позиция деятелей культуры стимулировала появление и сосуществование у сербов нескольких языковых идиомов как литературных языков: 1) церковнославянского русской редакции; 2) русского; 3) славяно-сербского; 4) народного языка досифеевского типа (на основе воеводинского диалекта); 5) народного языка зуковского типа (на основе восточно-герцеговинского диалекта).

Сосуществование разных литературных языков у сербов не было мирным. Ускоренный процесс развития югославянских народов, в том числе и сербов, приводил к смешению и столкновению не только социально-философских идей, литературных форм, представлений и методов⁶, но и действовавших литературных идиомов. Вместо более или менее последовательной их смены происходило их смешение и столкновение. Многоязычье, хотя и этимологически тождественное, тормозило демократизацию культуры и объективно разъединяло нацию. Унификация литературного языка на основе единого образца превратилась в одну из главных политических задач сербского возрождения, решение которой было осуществлено в результате реформы В. С. Караджича.

Для характеристики нового литературного языка, на который Караджич перевел Библию, напомним некоторые определяющие черты конкурирующих с ним языковых идиомов.

Славяно-сербский язык был создан во второй половине XVIII в. как итог попыток отдельных литераторов соединить идеал и реальность. Идеалом был церковнославянский русской редакции, иногда русский язык того времени, а реальностью – живая речь сербского народа (штокавщина). Авторитет церковнославянского языка поддерживала не только церковь, но и

распространенное в сербском обществе заблуждение, что церковнославянский в русской редакции и есть истинный сербский язык, и что его употребление позволит сербам вернуться к своим корням. И церковнославянский, и русский имели недосягаемые преимущества перед народным языком в сфере номинации абстрактных и более утонченных понятий. Они располагали номинациями для всех реалий цивилизации того времени. Но среди сербов мало кто владел этими языками в совершенстве. Писатели начали понимать, что писать на церковнославянском или русском языках – это значит примириться с тем, что произведение будет иметь узкий круг читателей. В то же время писать о многих проблемах на народном языке было тогда очень трудно – не хватало номинативных единиц для тем, выходящих за пределы народного уклада жизни. Сам народный язык воспринимался в тот период как результат порчи сербского языка, т. е. церковнославянского в русской редакции.

Выход из этой ситуации писатели стали искать в создании компромиссного языка – славяно-сербского. Задача состояла в том, чтобы сделать литературный язык более понятным сербскому читателю и в то же время более "благородным". Деятели культуры, создавшие славяно-сербский язык, не различали необходимое обогащение словарного состава литературного языка от механического (некритического) переноса элементов из чужого идиома. В результате был создан гибридный смешанный славяно-сербский язык. Продукт скрещивания представлял собой иррациональное сочетание русско-славянских, сербских и чисто русских элементов. Место каждого элемента в образовавшемся языке мог занять соответствующий элемент одного из этих языков (церковнославянского, сербского или русского). В славяно-сербском господствовали нестабильность норм с множеством вариантов, проявлявшихся даже в масштабе одного предложения в произведении одного и того же автора. Сложился языковой конгломерат без определенного лица, сплошь состоявший из дублетов. Написать грамматику такого языка было невозможно.

Понятным для всех был только народный язык. Притом ему не надо было специально учиться, он был родным языком для каждого. Но народный язык не был престижен в сербском обществе. Он был языком народной культуры (фольклора), а не элитарной культуры. Только эпоха возрождения изменила акценты, пробудив в народе интерес к самому себе, интерес интеллигенции к своему народу, к своей истории, к своим духовным ценностям, к своей исторической перспективе. В борьбе за социальное и культурное выживание формируется понимание того, что своим языком надо гордиться, что он не хуже языка элитар-

ной культуры и может выполнять и эту функцию.

В 1783 г. выдающийся сербский просветитель Досифей Обрадович в своем литературном манифесте, написанном в форме письма к другу (Писмо Харалампију) решительно выступил за народный язык в литературе и показал его образец. Досифеевский народный язык, преобладавший в сербской литературе двадцатых годов XIX в., отличался от народного языка Караджича двумя особенностями: 1) употреблением славянизмов и русизмов в верхнем слое лексики (Караджич их сербизировал, Обрадович давал "живьем"); 2) диалектной окраской (язык Обрадовича восходил к воеводинской диалектной зоне). В двадцатых годах XIX в. на литературной арене появилось поколение интеллигенции, более основательно подготовленное в сравнении с большинством предшествующих писателей (Магарашевич, Стерия Попович, Светич, Стеич). Эти молодые люди считали для себя естественным писать на народном языке. В их модернизированном досифеевском языке основной лексический фонд также был народным, а вот в верхнем слое (культурном терминологическом) господствовали славянизмы и греко-латинизмы, в большинстве своем присутствовавшие в русском литературном языке того времени. В сочинениях этих писателей соотношение между своей и заимствованной лексикой зависело от рассматриваемой ими темы – национальной или выходящей за ее рамки, отвлеченной⁷.

В отличие от Д. Обрадовича, деятеля эпохи просвещенного разума, Караджич – представитель нового времени, эпохи национального возрождения. В центре внимания теперь был народ. Поэтому для Караджича истинные ценности определялись степенью их народности. За особую драгоценность он почитал простонародную лексику, язык родного села, восходящий к восточно-герцеговинскому диалекту. Он был убежден, что подлинную сербскую культуру следует искать в крестьянском укладе жизни, суть которого точнее всего отражена в народной речи. Караджич писал последовательно народным языком, независимо от характера затрагиваемых им тем. На этот язык он перевел и Новый Завет, стремясь показать безграничные возможности чистого народного языка и продемонстрировать его эталонную модель, на которую следовало равняться всем сербским литераторам. На основе восточно-герцеговинского диалекта он намерен был унифицировать литературный язык. Переводом Библии на народный язык он также преследовал цель поднять престиж "языка свиноводов и пастухов". Караджич расчитывал при этом на поддержку своего труда в Европе. "Он был убежден, что сельская культура имеет более всего шансов привлечь внимание и симпатии европейской интеллигенции того време-

ни, жаждавшей свежих, экзотических впечатлений⁸. Его идеи оказались притягательными для молодой демократической интеллигенции, которая их горячо поддержала.

Судьба сербского перевода Библии связана не только с именем В. С. Караджича. Его идейным вдохновителем и единомышленником в этом деле был Ерней Копитар, известный филолог-славист, словенец по национальности, разделявший гердеровские идеи о вечности подлинно народных ценностей (в русле европейской рационалистической мысли XVIII в.)⁹, член Петербургской АН (1826 г.). С 29-летним Караджичем, эмигрантом из Сербии, он познакомился в Вене при невыясненных до конца обстоятельствах¹⁰. Еще задолго до знакомства с Караджичем Копитар проявлял интерес к идее перевода Библии на языки народов южной Австрии, в том числе и сербов. По всей вероятности, ему на глаза попалась заметка Караджича, предназначенная для местной газеты, издававшейся сербами в Вене. Будучи цензором славянских и греческих книг, он оценил остроту и свежесть мысли, стиль и превосходное знание народной жизни ее автором. Караджич показался ему подходящей канвой для осуществления высокой миссии переводчика Библии на народный язык. Подружившись с Караджичем, Копитар постепенно убедил его посвятить себя осуществлению национальной программы в области культуры: сабиранию фольклора, написанию грамматики, составлению словаря народного языка и, наконец, переводу на этот язык Библии. За первые шесть лет пребывания Караджича в Вене (1813–1820) эта программа была выполнена. Самым трудным и драматичным ее пунктом оказался перевод Библии.

Предыстория перевода развивалась безоблачно. Находясь в Париже, Копитар написал своему младшему другу в Вену письмо, в котором намекнул на возможное сотрудничество с Лондонским Библейским Обществом (далее БО) в деле перевода и издания Нового Завета за хороший гонорар. Из ответа Караджича следует, что он польщен столь лестным предложением, но не отваживается принять его без знания иностранных языков. Это было как раз в то время, когда Копитар вел беседы в Париже с известным ориенталистом Сильвестром де Соси, переводчиком Библии на арабский и сирийский языки, а также с одним из членов Лондонского БО. Тема бесед касалась перевода Библии на языки народов южной Австрии: сербский, румынский, болгарский и албанский. Кроме румын, имевших перевод Библии на своем языке (правда, очень слабый), ни один из перечисленных народов Библии на своем языке не имел. План перевода Библии на сербский язык за счет средств БО был готов первым. Переводчик был известен, и Копитар обратился через дс

Саси к БО с просьбой выделить 300–400 фунтов стерлингов для оплаты его труда и издания книги. Де Саси горячо поддерживал предложение Копитара и сделал запрос. Завязалась переписка с заинтересованными сторонами.

Через три месяца Копитар получил ответ от де Саси, который проливает сегодня свет на трудную судьбу перевода Караджича. Мнение Лондона состояло в том, что сербы имеют Священное Писание на своем языке уже 900 лет. Он называется славянским и используется всеми славянскими племенами, относящимися к греческой церкви. А поскольку бытовало заблуждение, что церковнославянский и есть чистый сербский язык, то следовало, что именно сербы оказывались в наиболее благоприятном положении. Конечно, за 900 лет язык перевода Библии очень устарел в сравнении с современным языком сербов и русских. Но для сербов, – полагали члены БО, – эта разница менее ощутима, чем для русских. Из этого ответа следовало, что принципиально БО в Лондоне не возражает против перевода Нового Завета на сербский язык, но дело это не самое срочное.

Ответ из Лондона не обескуражил Копитара. И он, и Караджич понимали, чем он вызван. Представители БО обратились за консультацией к сербам славяно-сербской языковой ориентации, а для них наученный в школе славяно-сербский язык был привычной формой выражения. Они и не мыслили большей степени приближения к народному языку, чем сделал это Досифей Обрадович. Народный язык "живьем" и им казалась засоренной формой старого чистого сербского языка (т. е. церковнославянского). Поэтому мысль о переводе на него Библии казалась им просто невежественной и оскорбительной. Следует пояснить, что этот ответ БО был подготовлен после консультаций со специалистами в Петербурге до появления труда Востокова об ограничении старославянского языка от болгарского, сербского и русского, до филологических исследований Шафарика на эту тему. То, что Караджич открыл Копитару новый язык, знали тогда единицы. Копитар первый из иностранных славистов получил достоверную информацию о том, что между сербским народным языком и литературным языком сербов существует огромная дистанция. Из-за незнания этого факта замысел Копитара не был по достоинству оценен ни руководителями БО, ни русскими филологами, ни образованными сербами, ценившими свой школьный славяно-сербский язык еще и за близость к русскому. Копитар убедил Караджича начать перевод, а сам вступил в личную переписку с деятелями БО.

Имеющиеся материалы показывают как психологически непросто было осуществить задуманный проект в то время¹¹. На

подготовительном этапе перевода Караджич пригласил в соавторы Л. Мушицкого, настоятеля монастыря Шишатовац. Тот согласился на это "крамольное" дело, только чтобы поправить свое материальное положение. Предварительно были выдвинуты три условия: 1) переводчик должен быть церковнослужителем; 2) текст перевода следует давать параллельно с церковнославянским; 3) финансировать проект должен не Лондон, а Петербург. Расчет был прост: симпатии сербов к России растопят лед недоверия и помогут признать книгу сербскими церковными кругами. Соавторы детально обсудили вопросы о чистоте народного языка, об отношении к славянизмам, о стилистике этого особого жанра литературной прозы. Анализ текста с точки зрения его переводимости на простой язык, перевод пробных кусков убедили Караджича в том, что он может решить эту задачу самостоятельно, без помощи Мушицкого. К тому же он почувствовал, что Мушицкий не в состоянии отрешиться от своего славяно-сербского. Однако одним советом Мушицкого Караджич воспользовался. Он убедил Копитара обратиться за финансированием их проекта в Петербург. Установив контакт с авторитетными учеными России Кепеном, Аделунгом, возможно, и с другими деятелями БО, Копитар подготовил почву для встречи еще никому неизвестного Караджича в русской столице. Перед отъездом в Петербург черновой вариант перевода Нового Завета был готов. Миссия в Петербург была очень успешной. Главная цель поездки была достигнута. 15 апреля 1819 г. был утвержден договор с БО о переводе Нового Завета на сербский язык. В нем говорилось: "Комитет Российского Библейского Общества, приемля вызов находящегося ныне здесь сербского уроженца г-на Вука Стефановича, известного по литературным трудам своим, превесть на сербский язык книгу Нового Завета ... положил воспользоваться сим удобным случаем для содействия (споспешествования) распространению чтения Слова Божия между единоплеменным и единоверным нам народом сербским. В вознаграждение за сей ... труд Комитет определил ему пять тысяч рублей, выдачу коих предположил произвести в пять терминов: первую тысячу рублей выдать перед ... отъездом отсюда; вторую ... до получения от него первого чисто отпечатанного листа Евангелия от Матфея; третью ... по получении первого листа из Евангелия от Иоанна; четвертую, когда дойдет до послания Коринфянам, и последнюю пятую тысячу выдать по окончании всего издания. 15 апреля 1819 г. На подлинном подписано: "Согласен Вук Стефанович". Копитару поручалось также уведомлять "об успехах в производстве сего дела"¹².

Тираж перевода был запланирован в 5000 экземпляров, и Караджич сразу же обратился к Копитару с просьбой помочь ему найти специальную, тонкую, "библейскую" бумагу и подходящую типографию.

Вернувшись в Вену, он сразу приступил к отделке перевода Нового Завета. При подборе эквивалентов он должен был решать богословские, философские, исторические и лингвоконструктивные задачи. Архивные материалы рассказывают, как протекала эта работа. Главным текстом для Караджича был церковнославянский текст русской редакции, используемой в сербской православной церкви и в настоящее время. Пользовался Караджич и первым русским переводом Библии, который был издан накануне параллельно с церковнославянским текстом (Петербург, 1818 г.). Использовал он и разные немецкие переводы, особенно Лютера, который был ему рекомендован в Петербурге. На рабочем столе Караджича лежали переводы Библии почти на всех европейских языках, в том числе и два греческих оригинала Гризбаха и Шуберта. Последний был напечатан параллельно с латинским. Если Караджич бессилен был сделать перевод какого-либо слова или абзаца, к нему на помощь приходил Копитар. Иногда и он искал консультации в библиотеке. За шесть месяцев работа была завершена. Караджичу в основном удалось преодолеть трудности, обусловленные содержанием текста и неразработанностью нового литературного языка. Он использовал множество приемов для пополнения его необходимыми номинативными единицами. Перед ним как переводчиком стояла задача "как из малого сделать многое". Дефицитными в народном языке оказались номинационные зоны "порсков", "неблаговидных поступков", "отрицательного поведения" с точки зрения христианской морали, а также именования производителей глагольного действия, связанного с библейским сюжетом (шаптак 'злоречивый', опадач 'клеветник'), девербативы от глаголов совершенного вида, часто утратившие связь с действием мотивирующей глагольной основой, именования отвлеченного признака (дрвеност, мртвост), именования слов с широким значением (добродетель, искусство). Техника компенсации недостававших диалектному идиому номинативных единиц представляет значительный научный интерес и имеет многоцелевое назначение. Перечислим некоторые из приемов Караджича, описанные им самим, выявленные другими исследователями, а также нами:

1) Недостававшие именования Караджич заимствовал из турецкого языка (конкретная лексика, мир вещей: амајлија 'талисман', ленгер 'якорь', кеса 'кошель'), из церковнославянского фонда (абстрактная лексика, мир понятий): а) без серб-

зирования их формы (единство, искусство, довольство); б) с сербизированием их тельного знака (пророчество – прощаво).

2) В процессе перевода Библии на народный язык Караджич создавал новые слова сам. В словотворчестве он избегал яркого экспериментирования, отступлений от шаблонных образцов народной речи. Произведения его словотворчества почти незаметны для глаз как новообразования и сливаются с лексикой народного языка.

3) Караджич упрощал несвойственные народному языку церковнославянские композиты, скользкие с греческого прототипа: а) заменой сложного церковнославянского слова простым, с другим корнем, из народного языка (смиреномудрие – понизнот); б) заменой сложного слова простым посредством элиминации первой детерминирующей основы (злострадание – страдање); сложное двусловное слово разбивал на два простых (братолюбие – братска љубав).

4) Сохранял отдельные композиты, сербизируя их лишь частично путем замены второй (детерминируемой) основы народным словом (злонравие – злопудност).

5) Караджич широко использовал нерасчлененность семантики древнейших общеславянских (и общедиалектных) помина abstracta для передачи с помощью их тельных знаков целых блоков номинативных единиц из церковнославянского языка.
Сравните:

(сл.)	милосердие благоволение благодать любовь милость	}	(В. К.) милость

6) Новацией было и использование одних и тех же лексических единиц в качестве актуализаторов по-разному стилистически маркированных значений библейского текста, в результате чего одна и та же лексема становилась носителем двух значений – нейтрального и маркированного (Сравните: викач 1. нейтр. крикун; 2. библ. вопиющий)¹³.

Были в переводе и недостатки. Не всегда достигалась точность в богословском аспекте, иногда стиль был слишком просторечный, контрастирующий с характером текста или колоритом библейской эпохи. Эти недостатки были чрезмерно преувеличены церковными кругами, возмущенными дерзостью Караджича, который не будучи церковнослужителем осуществил перевод на простой язык Библии и готовил его к публикации. За переводом Караджича прочно закрепилась дурная слава. Никто

в Сербии не отваживался поддержать Караджича, хотя многие местные церковнослужители знали, что им нечего предложить прихожанам для религиозного чтения в упрощенном варианте. Среди представителей сербского духовенства главным противником Караджича стал митрополит Карловицкой митрополии Стефан Стратимирович. Ознакомившись с отрывками из текста перевода Нового Завета, опубликованными в Сербской газете в Вене, он обвинил Караджича в злонамеренной хорватизации сербов, в стремлении обратить их в униатов. Он потребовал от придворной канцелярии произвести ревизию вредной книги, которая "не столько передает и объясняет содержание Священного Писания, сколько искажает и унижает его"¹⁴. Караджич был вскоре выслан из Вены, а Сербская газета, опубликовавшая отрывки из его перевода закрыта. Слово митрополита Стратимировича было столь весомо, что потом Караджич встретил полное единодушие в неприятии своего труда (митрополит Белградский Агатангел, бывший митрополит Белградский Леонтий из Кишинева, писарь Обреновичей Й. Миокович, возглавлявший по поручению князя Милоша комиссию по оценке перевода Караджича). Еще один удар был нанесен Караджичу отрицательной рецензией А. Стойковича, серба по происхождению, профессора Харьковского университета. Большую часть своей жизни Стойкович провел в России, занимался педагогической деятельностью, писал работы на русском языке. Забочась о просвещении своего народа, он специально для сербов написал учебник физики на славяно-сербском языке¹⁵. Естественно, он дал отрицательный отзыв о переводе Караджича, внеся в него множество "исправлений" в соответствии со своим представлением о том, каким должен быть литературный язык у сербов. Стойкович убедил Российское БО, что целесообразнее заново перевести книгу, чем исправить перевод Караджича. Подготовка перевода была поручена самому Стойковичу. 26 лет вел Караджич борьбу со своими противниками тайными и явными, многие из которых видели в его фонетическом письме и простых словах море ошибок и сплошные вульгаризмы.

Весть о готовящемся издании Нового Завета в переводе А. Стойковича, исправившего когда-то его текст на славяно-сербский, побудила Караджича срочно издать перевод на свои средства. За 968 форинтов он издает книгу в Вене, в 1847 г., в типографии армянского монастыря.

Внешне конфликт вокруг перевода Нового Завета на простой язык носил религиозный характер. Так по-видимому полагали многие современники Караджича. Во многих славянских странах именно церковь была инициатором перевода Священного Писания на народный язык, поэтому консервативную по-

зицию сербской православной церкви в отношении демократизации языка Библии можно считать в известной мере уникальной. Так, после выхода книги в свет митрополит Раячич потребовал конфискации книги в Венгрии и наложил запрет на ее ввоз в Сербию.

Фактически же война шла за введение народного языка в литературу. Караджичу свою концепцию народного языка пришлось "отбивать" у противников из трех лагерей (не двух, как считают многие). Ему противостояли 1) писатели, пользующиеся славяно-сербским языком (М. Видакович). С ними он расправился довольно быстро; 2) писатели нового поколения, пользующиеся народным языком досифеевского типа, т. е. с воеводинской диалектной основой и вкраплениями славянизмов в верхнем слое (Магаращевич, Стеич, Хаджич); 3) клир. Можно было бы назвать еще одного противника — невежественное окружение князя Обреновича, которое вслед за своим хозяином высмеяло перевод Караджича и отвергло его. Но уже в конце двадцатых годов XIX в. народный язык остался на поле битвы фактически один.

В период борьбы за издание книги Караджич четыре раза переписывал текст Нового Завета, шлифовал лексику, смягчал контрастность воеводинских и восточно-герцеговинских говоров. Тем самым он стремился сделать язык перевода приемлемым для жителей разных диалектных зон, причем не только сербских, но и хорватских. Для многих поколений сербов перевод Нового Завета стал не только книгой для чтения, но и учебником образцового языка. Особенно для тех, кто был носителем другого диалекта. Известный сербский писатель конца XIX в. Симо Матавуль, родившийся в Далмации, так писал об этом в своих мемуарах: "Я родился в области, где язык пронизан итальянismами. Позднее, в задрской школе я впитал из хорватских учебников загребские "кованцы" (искусственно созданные слова) и германализмы. Мы учили словницу (грамматику), которая была для нас китайской грамотой. Говорили мы по-далматински, но как только брали в руки перо, в сознании всплывали клише из хорватских учебников. Почитайте мои первые статьи в "Народной газете", и вы убедитесь в этом. А потом появился Любиша, кумир нашего поколения. Его живописный язык, выбор необычных слов, тяготение к просторечью, употребление вульгаризмов стали образцом современного стиля и языка. Подражатели Любиши, за неимением его талантов, копировали в основном его недостатки и соревновались, кто нагромоздит больше идиотизмов, кто запустит словцо покрепче... В. Н. я начал читать Священное Писание в переводе Караджича, и только тогда я понял, что на нашем настоящем литературном

языке не говорят нигде, что он составлен из отобранных во всех краях элементов, из слов, общих для всех говоров и диалектов, слов, наиболее близких старому языку. После длительной подготовки, выучив почти наизусть Священное Писание, я смог освободиться от засилья итальянismов, засоряющих речь приморца. Насколько я был страстным гимнастом, настолько же я стал фанатичным туристом¹⁶.

Сегодня перевод Караджича можно купить в белградских магазинах церковных принадлежностей, одобренных сербской православной церковью, совершенно свободно. Для филологов – это ценный лингвистический памятник, являющийся образцом нового литературного языка первой половины XIX в., итог полуторавековой борьбы за его введение на службу элитарной культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лер-Славинский Т. Польский язык. М., 1954, с. 194–195.
2. Библијски атлас. The Times, хрватско-српско издање. Љубљана, Загреб, 1990, с. 207 (латиница).
3. Гудков В. П. Борьба концепций "славянского" и "простого" языка в истории литературного языка у сербов. – В кн.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменности. М., 1979, с. 207.
4. Гудков В. П. История литературного языка у сербов в освещении Н. А. Попова. – Сов. славяноведение, 1988, № 2, с. 58–65.
5. Гудков В. П. Борьба концепций..., с. 199; Гудков В. П. Книжно-письменный язык у сербов в XVIII – начале XIX в. – В кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981.
6. Мыльников А. С. К вопросу о формировании национального самопознания в период складывания наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. – В кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981, с. 232.
7. Ивић П. Опитањ у улоге Вука Каракића у развоју књижевног језика Срба. В сб.: Пристапни предавања, прилози и библиографија на новите чланови на Македонската Академија на науките и уметностите. Скопје, 1988, с. 19–25.
8. Ивић М. О Вуковој лексици и поводом ње. – В сб.: Научни састанак слависта у Вукове Дане. Београд-Нови Сад-Тршић, 1987, с. 27.
9. Поповић М. Вук Стеф. Каракић. Б., 1964, с. 69–70; Погачник Ј. Копитар и културно-политичка генеза Јужних Словена. – В кн.: Serbica. МС, 1984, с. 8–22.
10. Поповић М. Там же, с. 66.
11. Мошин В. Вуков Нови завет. – В кн.: Сабрана дела Вука Каракића, књ. 10. Б., 1974, с. 520–525.
12. Цит. по: Мошин В. Там же, с. 522.
13. Каракић В. С. Нови Завјет. Предговор, ч. VII – В кн.: Сабрана дела Вука Каракића. Књ. 10. Б., 1974, с. 15–17; Живановић Ј. Како је Вук преводио са црквенословенског сложене ријечи у Новом завјету? – Богословски гласник, Ср. Карловци, год. 8, књ. 16, св. 6, с. 446–455; Тјапко Г. Г. Утицај Вукове реформе на промену системских веза у српској апстрактној лексици у доба препорода. – Зборник Матице српске за филологију и лингвистику, XXXII/1 за 1989, с. 116–119;

Тяпко Г. Г. Номинационный поиск в переводческой практике В. С. Караджича. – В сб.: Вопросы языковых контактов и преподавание иностранных языков. М., 1991, с. 146–184.

14. Мошин В. Вуков Нови завјет. – В кн.: Сабрана дела Вука Карапића, књ. 10, Б., 1974, с. 530.

15. Дмитриев П. А., Сафонов Г. И. Вук С. Караджич и его реформа сербско-хорватского/хорватосербского литературного языка. Л., 1984, с. 39–40.

16. Матавуљ С. Бильешке једног писца. – Сабрана дела, IV, 1953 (дело је први пут штампано у Летопису Матице српске од 1898. до 1903.), с. 78.

Издания
по славянским культурам



ОЧИНИЮТЬСЯ ПЕСНИ ДЯВОЛЫ
ДЯ ПРОРОКА ЦАРЯ ИЗРЕЯ
ИЛЕВЯ КЯДИСНЯ А:-
Псаломъ дадвъ А:-



БЛАЖЕНЪ МОЖЪ ИЖЕ
НЕЙДЕ НАСОВѢТЬ НЕЧЕ
СТИВЫХЪ, ИНАПОДТИ
ГРЕШНЫХЪ НЕСТА, ИНА
СЪДАЛИЩИ ГУБИТЕЛЬ
НЕСЪДЕ О НОВЪЗАКОНѢ
ГДНИ ВОЛА ЕГО, ИВЪ
ЗАКОНѢ ЕГО ПОДЧИТСЯ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ РАННИХ СЛАВЯНСКИХ БИБЛИЙ

Biblia Slavica.

Nachdrucke der ältesten Ausgaben slawischer und baltischer Bibelübersetzungen. Herausgegeben von Reinhold Olesch und Hans Rothe unter Mitarbeit von Friedrich Scholz.

Leopolita.

Faksimile der Ausgabe Krakau 1561.

Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe.

Mit einem Geleitwort von Papst Johannes Paul II.

Hb. 1 – 1232 S.; Hb. 2 – 80 S.

(*Biblia Slavica. Serie II: Polnische Bibeln. Band 1*) Ferdinand Schöningk, Paderborn-München-Wien-Zürich, 1988.

Vasilij Kirillovic Trediakovskij.

Psalter 1753. Erstausgabe.

Besorgt und kommentiert von Alexander Levitsky.

Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe.

760 S.

(*Biblia Slavica. Serie III: Ostslavische Bibeln. Band 4: Russische Psalmenübersetzungen; b: Trediakovskij*)

Ferdinand Schöningk, Paderborn-München-Wien-Zürich, 1989.

Многотомное издание *Biblia Slavica*, концепция и проект которого разработаны известными немецкими славистами Райнхольдом Олешем (Кёльн) и Гансом Роте (Бонн), поражает глубиной и многоаспектностью общего замысла и – судя по первым вышедшим томам – высоким качеством и научной добросовестностью его исполнения. Само намерение – факсимильно переиздать и сопроводить современным научным аппаратом важнейшие из труднодоступных славянских Библей, а также издать до сих пор остающиеся в рукописях ранние переводы Библии на славянские языки – вызревало исподволь в 1969–1983 гг. в процессе изучения библиотек и книгохранилищ в разных странах на предмет сравнения сохранившихся экземпляров древнейших славянских Библей и оценки их качества. К этой работе постепенно подключился достаточно широкий круг ученых, самостоятельно работавших в названном направлении; в 1983 году было решено объединить усилия для осуществления общего проекта. Как подчеркивают Р. Олеш и Г. Роте в "Предисловии издателей", предваряющем второй полутом факсимильного издания "Леополиты", в ходе подготовительной работы стало

ясно, что предполагаемые издания могут быть по-настоящему поняты и оценены лишь в широком историческом контексте развития культуры в странах Центральной и Восточной Европы. Переводы Библии как важнейший фактор становления национальной культуры и литературы, как долговременный фактор формирования национальных языков – эти общие идеи становились в процессе работы все очевиднее и вдохновляли издателей иcommentаторов.

В проспект издания, которое, впрочем, остается открытым для последующих добавлений, не вошли кирилло-мефодиевские переводы Библии IX-X веков, неоднократно издававшиеся и переиздававшиеся и не являющиеся дефицитом для научной общественности. Исходя из этого, староболгарская Библия не вошла в число первых 14 томов, подготавливаемых к изданию, хотя, разумеется, – и это отмечают Р. Олеш и Г. Роте, – именно она должна была бы открывать все издание славянских Библей и подобная оценка ее сама собой подразумевается. Пока же объявлена программа из шести серий и ведется активная текстологическая иcommentаторская работа.

Первую серию представляют четыре факсимильных издания чешских Библей: прежде всего рукописная, так называемая Дрезденская Библия 1370 года, оригинал которой сгорел в Бельгии в 1914 году, сохранились лишь 383 фотокопии; из первопечатных Библей предпочтение оказано так называемой Куттенбергской Библии 1489 года, богато оснащенной гравюрами; далее следует шеститомник знаменитой Кралицкой Библии 1579–1583 годов, переведенной с древнегреческого языка; завершает первую серию католическая Святовацлавская Библия, отпечатанная в Праге в 1620 году, – по мнению издателей, исследователи языка, культуры и истории религии до сих пор уделяли ей незаслуженно мало внимания.

Вторую – польскую – серию открывает факсимильное издание "Леополиты", напечатанной в Кракове в 1561 году и сохранившейся в Польше более чем в десяти полных экземплярах. Первый полный перевод католической Библии с латинской Вульгаты на старопольский язык был сделан магистром Краковской академии Яном Ничем, прозванным Леополитой, и его помощниками. Роскошное, насчитывающее около 300 гравюр факсимильное издание, открывающее не только вторую серию, но и всю многотомную программу, сделано с экземпляра, хранящегося в библиотеке герцога Августа в Вольфенбютtele. Изданию предписано приветственное послание папы Иоанна Павла II от 24 июля 1984 года, публикуемое на польском языке и в авторизованном немецком переводе. Комментирующий по-путем включает в себя статью Дэвида А. Фрика "Библия "Лео-

полита” 1561 года и польские дискуссии о переводах Священного Писания” (на английском языке), историографический обзор Станислава Урбанчика “От Флорианского Псалтиря к Леополите” (на немецком языке) и обстоятельный анализ Эльжбеты Белцарзовой “Характеристика лексического состава языка Леополиты” (на немецком языке). Помимо упомянутого уже “Предисловия издателей” здесь же помещена и отдельная статья С. Урбанчика, раскрывающая драматическую историю многолетних попыток польских ученых издать и откомментировать “Леополиту”, увенчавшихся, наконец, успехом в рамках *“Biblia Slavica”*. Следующей в польской серии выходит кальвинистская Радзивилловская Библия, переведенная с древнегреческого языка группой переводчиков под патронажем князя Николая Радзивилла Черного и изданная в Бресте в 1564 году. Завершает эту серию Библия Симона Будного, изданная в 1572 году.

Третью серию *“Biblia Slavica”* составляют восточнославянские Библии. Хронологически их открывает том переводов с латинского языка Франциска Скорины, опубликованных им в Праге в 1517–1519 гг. и в Вильне в 1524 году. Далее следует первая полная восточнославянская Острожская Библия 1580 года, изданная под патронатом князя Константина Острожского; текст ее был подготовлен Герасимом Смотрицким на основе славянских, греческих и латинских переводов, в том числе и с использованием рукописей до сих пор не опубликованной так называемой Новгородской Геннадиевской Библии 1499 года (по имени новгородского архиепископа Геннадия, собравшего книги Ветхого и Нового Завета в одно целое). Герд Фрайдхоф сумел издать факсимильным способом “Псалтирь” (1975) и “Послание к римлянам” (1979) из этой древнейшей восточнославянской Библии; Р. Олеш и Г. Роте предполагают осуществить ее полное факсимильное воспроизведение. В опубликованный проспект входит также издание Московской Библии 1663 года.

Особый и весьма важный раздел третьей серии должны составить издания восточнославянских “Псалтирей” Симеона Полоцкого (1680), В. К. Тредиаковского (1753) и А. П. Сумарокова (1770). Эти издания не только вернут к жизни редкие публикации или вовсе оставшиеся в рукописях тексты, но и позволят заново оценить ту огромную роль, которую сыграли переводы и переложения псалмов в русской духовной жизни, в истории культуры и литературы. Подготовленный и изданный Александром Левицким (США) том В. К. Тредиаковского – яркое тому свидетельство. В научный и читательский обиход впервые входит не только “Псалтирь” В. К. Тредиаковского, изданная по рукописи 1753 года, находящейся в Центральном Государствен-

ном архиве Древних Актов в Москве (фонд московской Синодальной типографии), но и многочисленные "Документы архива Синода о книгах В. К. Тредиаковского" (с. 471–517), включая и "доношения" самого поэта. Впервые публикуется здесь также предисловие "К читателю", предпосланное В. К. Тредиаковским своей философско-религиозной поэзии "Феоптия" (с. 455–470) и представляющее собой интереснейшую страницу русской философской и эстетической мысли середины XVIII века. Читатель обнаружит и целый ряд других интересных, хотя и не столь уникальных, как названные, текстов. Издание сопровождают обширные историко-литературные труды А. Левицкого "Литературное значение Псалтири Тредиаковского" (на русском языке) и "Русская духовная поэзия от Симеона Полоцкого до эпохи Державина" (на английском языке; представляет собой первые пять глав фундаментальной монографии, которая и далее будет сопровождать издания Псалмов), а также статью Андрея Шишкина (Италия) "Судьба "Псалтири" Тредиаковского", утверждающего, что "отношение Тредиаковского к церкви и отношение его с православным духовенством могут многое уяснить в особом складе культурной жизни России XVIII века" (с. 519).

Четвертую серию "Серболужицкие Библии" предполагается начать с факсимильного издания хранящейся в Бауцене рукописи первого полного перевода католической Библии, сделанного на рубеже XVII–XVIII веков священником Юрием Гавштыном Светликом (1650–1729) и создавшего своими трудами на основе западно-верхнелужицких диалектов третий – католический – вариант письменного лужицкого языка.

В пятой серии "Хорватские Библии" готовится на основе обработки трех сохранившихся рукописей факсимильное и критическое издание так называемой Библии Кашича, – полного перевода католической Библии, сделанного около 1625 г. хорватским иезуитом Бартоломеем Кассиусом (Кашичем) и до сих пор не опубликованной. В шестой серии, озаглавленной в проспекте "Addendum: Литовские Библии", предполагается факсимильное и критическое издание литовского перевода Библии, осуществленного Йоханном Бретке (Bretkun) в Кёнигсберге в 1580–1590 гг. и до сих пор остающегося в рукописи.

Таким образом, уже вышедшие и предполагаемые издания во всех шести сериях "Biblia Slavica", представляют собой новый и важный этап в дальнейшем освоении необъятного мира Славянской Библии. Они могут дать существенный импульс для плодотворного углубления в историю славянской культуры в целом.

А. Гутчин, Москва

ИССЛЕДОВАНИЕ
О БЕЛОРУССКИХ И УКРАИНСКИХ "ЛИТУРГИКОНАХ"
XVI-XIX ВЕКОВ

Laurence Daniel Hculak. *The Divine Liturgy of St. John Chrysostom in the Kievan Metropolitan Province during the period of the Union with Rome*, 1990. 420 P.

Украинистика и белорусистика в Италии, точнее в Ватикане, имеет богатейшие традиции, истоки которых следует искать в XVI-XVII вв. Ныне в Риме действует Украинский католический университет, папская Коллегия св. Иосафата и другие учебные и научные религиозные учреждения.

Хочется отметить успешную издательскую деятельность Украинского католического университета, выпустившего около ста различных научных работ, и, особенно, исследовательского центра Ордена св. Василия Великого (базилиан), подготовившего несколько десятков капитальных трудов на высочайшем уровне.

Наиболее ценные те работы базилиан, которые целиком опираются на малодоступные другим исследователям архивные источники. Базилианами опубликованы монографии, справочники, указатели, сборники документов, затрагивающие многие проблемы не только церковной, но и светской истории восточноевропейских земель. Основное их внимание сосредоточено на судьбе греко-католической (униатской) церкви и базилианского ордена на Украине и в Белоруссии от древности до современности, вопросе крещения Руси.

Опубликованная в известной серии *Analecta Ordinis Sancti Basili Magni* (Записки Ордена св. Василия Великого) монография о. Лаврентия Гуцулака "Божественная литургия св. Иоанна Златоуста в Киевской митрополии в период соединения с Римом (1596–1839)" является редким историко-текстологическим исследованием одной из важнейших литургических книг – Служебника. И хотя автор монографииставил перед собой прежде всего задачу проследить судьбы литургии св. Иоанна Златоуста, реализована она была в более широком плане – удалось раскрыть многие особенности трансформации и видоизменения содержания славянских Служебников в целом и даже затронуть важнейшие проблемы сравнительного изучения текстов Литургионов великорусского, украинского, белорусского и южнославянского происхождения, православных и греко-католических.

Имеющая весьма дробную рубрикацию книга о. Лаврентия может быть разделена на три основных части: 1) обширную

историко-церковную характеристику рассматриваемого периода, с учетом всех важнейших событий в деле изменения и реформирования литургического чина (с. 27–137); 2) исследование эволюции и бытования собственно литургии св. Иоанна Златоуста в Киевской митрополии в указанное время (с. 141–354); 3) приложения (с. 365–408), существенно дополняющие выводы ученого, и указатели (с. 409–420).

Примечательно, что за некую точку отсчета о. Лаврентий сразу же берет "раннюю славянскую традицию" Служебника, в частности, виленский печатный Служебник 1583 г., и такой подход избавляет его от необходимости давать хотя бы самую краткую справку по истории этой "ранней славянской традиции", которую ввиду полной неизученности проблемы (до сих пор не собран даже первичный материал) составить пока невозможно.

Помимо Служебников "ранней славянской традиции" автор выделяет в Киевской митрополии для XVII–XVIII вв. Служебники еще нескольких традиций (редакций): "1604 г. Балабана и 1617 г. Мамоничей"; Петра Mogильы; патриарха Никона; важнейшую для греко-католической церкви – митрополита Киприяна Жоховского.

Необходимо заметить, что перед автором изначально стоял почти неразрешимый до конца вопрос о привлечении максимального числа источников, рукописных и редчайших старопечатных, необходимых для текстологического сравнения, без которого вся дальнейшая работа не имела бы смысла. О. Лаврентию в достаточной степени это удалось, хотя остались неиспользованными многие оригинальные тексты различных рукописных "Служебников", находящиеся в основном в собраниях Беларуси, Литвы, Польши, России, Украины, а также важные документы, прежде всего из архивов Литвы, России и Украины.

Необычайно интересный материал по истории тех или иных редакций Служебника в Киевской митрополии могло бы дать позкземлярное описание, результаты которого почти всегда в весьма значительной степени способствуют воссозданию адекватной картины прошедших событий, помогают верно разобраться в самом сложном конгломерате различных исторических напластований, причем тогда, когда другие способы и приемы не эффективны или не применимы. Впрочем, составление подобного описания – дело будущего, оно выполнимо лишь при условии тесного международного сотрудничества ученых светских и церковных, различных конфессий.

Лабынцев Ю. А. (Россия, Москва)

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Počátky českého národního obrození
Společnost a kultura v 70. až 90. letech 18. století
Autorský kolektiv: J. Petráš (vedoucí) et al
Praha, Academia, 1990, 323 s., ill.

Последняя (хронологически) вышедшая из печати работа, посвященная эпохе чешского национального возрождения "Начала чешского национального возрождения" имеет подзаголовок: "Общество и культура в 70–90-е годы XVIII столетия", что раскрывает концепцию труда, авторский коллектив которого (руководитель Й. Петрань) поставил перед собой цель дать широкую картину общественно-культурной жизни Чешских земель на одном из важных этапов становления нации, национальной культуры, национального самосознания. Означенное двадцатилетие исследователями принято называть эпохой чешского Просвещения, вернее его "вершинной" фазой, поскольку начало Просвещения традиционно относят к середине XVIII в., а завершение – к первому десятилетию столетия XIX.

Уже при первом знакомстве с работой прослеживается явное стремление авторов и редакторов-составителей создать "коллективную монографию", связав в единый узел, максимально сблизив два "блока": первый, который условно можно было бы назвать "Общество" (раздел I, II), включающий общественно-политические, социально-экономические "условия" эпохи; и второй – "Культура" (разделы III, IV, V), рассматривающий отдельные сферы культуры – народной и профессиональной. При этом авторы пытаются показать связь общественно-исторических процессов со спецификой развития культуры этого времени, выявить общее между явлениями искусства и социально-политической жизни, религиозными движениями, философией.

Более удачным в этом отношении оказался первый "блок", богатый фактическим материалом, использованным авторами в полной мере, ярко и убедительно иллюстрирующим тот "фон", ту обстановку, в которой происходило становление национальной культуры, развитие чешского литературного языка, выработка научных критериев подхода к отечественной истории, художественным традициям и т. д. Несколько утрачена четкость критериев, компактность в изложении собственно культурного материала во втором "блоке".

Стержневой темой первого "блока" (Раздел I. Общество, производство, рынок. Раздел II. Реформы просветительского

абсолютизма) является исследование законодательных процессов, прежде всего реформ Иосифа II, кульминацией которых стала отмена крепостного права. Анализируется как сам ход осуществления реформ, так и аспекты социальной и политической борьбы вокруг них. Авторы – Й. Петрань, К. Новотны, П. Белина, М. Шмерда, К. Малы и другие, – верные концепции "коллективного труда", подчеркивают, что законодательство также является продуктом культуры.

В главах первых двух разделов сосредоточен материал по политической и институциональной истории, к которому чешские исследователи обращаются гораздо реже, чем к иным аспектам общественной жизни Чешских земель в эпоху Просвещения. Рассматривается также развитие идей милосердия, благотворительности, т. е. непосредственное воплощение идей Просвещения в Чешских землях.

Вновь отметим, что разделение на "Общество" и "Культуру" несомненно условно, и дело здесь не только в том, какие проблемы поднимаются и в их количестве, но и в степени их "увязки". Так, например, справедливо выделенная в особую главу "Пражская метрополия" (Й. Петрань) включает в себя значительный и интересный культурно-исторический материал. В главу об урбанизации Чешских земель включен важный материал об архитектуре как старых, традиционных чешских городов, так и тех новых городов-крепостей (Терезин, Йозефов и др.), строительство которых велось по инициативе и под личным наблюдением императора. Таких страниц, посвященных истории культуры, органически вплывленных в ткань общесторического развития, немало.

Авторами поднимаются вопросы, имевшие для избранного периода ключевое значение, причем как в общем плане, например, о противоречии теории и практики йозефинских реформ, то есть расхождении их непосредственного и перспективного результата с истинными целями их инициаторов (П. Белина), так и более частных. В главе о здравоохранении и попечительстве (Л. Главачкова) заслуживает внимание пассаж о хирургии, ставшейся до того времени ремеслом, причем стоявшем на последней ступени в иерархии медицинских дисциплин. В 1785 г. в Вене была учреждена военно-хирургическая академия, вслед за этим в Пражском университете на всех кафедрах медицинского факультета введено обязательное четырехлетнее изучение хирургии. Именно с 80-х годов XVIII в. "пражская школа" хирургии стала пользоваться широкой известностью в Европе.

К несомненным положительным моментам первых двух разделов книги, дающих, подчеркнем еще раз, цельную картину общественно-политического развития Чешских земель в рас-

сматриваемое двадцатилетие, относится и то, что чешские реалии анализируются в тесной связи с общеевропейским общественным процессом. В первую очередь, это касается проблемы просветительства, его теоретических посылок, практики просветительского абсолютизма. Патент Иосифа II об отмене крепостного права (1781) – “первый подобный акт на европейском континенте” (с. 95). Автор (М. Шмерда) задумывается над вопросом, почему он был принят именно в Чехии и как с ним соотносятся последующие подобные указы в других землях Габсбургской монархии.

Второй “блок” – “Культура” (Разделы III: “Народная культура”, IV – “Социальная активность и идеология народа”, V – “Язык, культура, наука и просвещение”), на наш взгляд, не имеет стержня, придавшего бы ему целостность и позволившего выстроить избранные темы в стройный ряд. Таким стрежнем, видимо, могло бы стать утверждение, что доминантой литературы, публицистики, театра, да и всего художественного сознания того времени было утверждение единства формирующейся, сплачивающейся нации.

Хочется подвергнуть сомнению и правомерность распределения материала. Композиция “культурного блока” неудачна и вызывает множество вопросов: почему язык и наука выведены за рамки культуры; целесообразно ли отдельно рассматривать народную культуру и культуру “высокую” – в тексте волей-неволей постоянно происходит их противопоставление, “принижающее” народную культуру; зачем разбивать две “культурные” глазы главой “идеологической”, посвященной крестьянскому восстанию 1775 г., волнениям рабочих и идеологии городского населения и выглядящей в контексте “культурного блока” инородным телом и т. д.

В значительной степени непродуманной композицией можно объяснить многочисленные повторы. Так, “народная повесть”, да и вся глава о фольклоре исследуемого периода (с. 207–213), была бы на месте в разделе о чешской беллетристике. К тому же автору, ограниченному сравнительно небольшим объемом, при анализе повестей вряд ли целесообразно отводить несколько страниц текста на изложение сюжетов повестей, героем которых выступает Иосиф II.

Можно предъявить ряд претензий и к последнему разделу, объединяющему материал о языке, литературе, театре, изобразительном искусстве, музыкальной культуре, науке, публицистике, библиотеках и музеях собраниях. Глава о языке (Я. Порак) написана слишком “специально”, профессиональным языком лингвиста, слабо увязана с общекультурным контекстом работы.

При чтении главы о литературе у читателя не создается представления о художественном процессе, остается неясным, что нового было внесено в 70–90-е годы XVIII столетия в чешскую прозу и поэзию. Внимание автора (И. Покорны) сосредоточивается на характеристике отдельных жанров, таких как "книжки для народного чтения", календари, "ярмарочные" песни.

Не нашли своего места в общекультурном процессе и периодические издания (с. 248–250). Они названы, перечислены. А ведь если присмотреться к интенсивности развития отдельных областей культуры, то в эти годы основную "общественную нагрузку" берет на себя – наряду с театром – именно публицистика, выступающая решающим культурологическим фактором.

Наиболее удачной главой второго "блока", на наш взгляд, является глава "Театральная жизнь". Автору (Фр. Черны) удалось не только проследить путь становления и развития чешского профессионального театра, но и проанализировать сложную, дифференциированную театральную жизнь в Чешских землях на "вершинном" этапе Просвещения ("соседский" театр, "оперы" канторов, любительский театр городского типа на чешском и немецком языках), показав плодотворность этого периода для дальнейшего развития чешского сценического искусства.

Интерес читателей несомненно привлечет глава о музыке (З. Пилкова). 70–90-е годы XVIII столетия – это время созревания и всестороннего развития классицизма в области музыкального искусства. Важное место закономерно уделено творческой деятельности канторов, сыгравших, как известно, значительную роль в развитии отечественной музыкальной культуры. Автором привлечен новый материал о "густой и равномерной сети" музыкальных центров в Чешских землях (с. 267). Ранее исследователи, как правило, ограничивались описанием пражской музыкальной жизни. Хотелось бы, правда, найти в главе больше материала о композиторах, творивших в эти годы.

Центр тяжести главы об изобразительном искусстве заявленного периода (И. Коржан) – анализ деятельности и творчества чешских художников, скульпторов, архитекторов, стоявших во главе художественной жизни страны.

Своего рода итогом книги стала глава об источниках возрождения (Й. Петрань), логично подводящая к следующему периоду чешского национального возрождения – рубежу XVIII–XIX вв.

В заключение хотелось бы сказать о прекрасном полиграфическом оформлении книги. Она богато иллюстрирована фотографиями, чертежами, графиками, таблицами, рисунками.

Иллюстративный материал предоставлен пражской Национальной галереей, музеями городов: Писек, Карловы Вары, Теллице, Брно, Тын-над-Влтавой, Ческе Будеевице, Броумов, коллекциями замков: Емниште, Чески Крумлов и многих других. Читатель имеет возможность познакомиться с рисунками малоизвестных чешских художников – Й. Смрковского, П. Гаса, оставивших изображения чешских городов второй половины XVIII в., а также рекламами, эскизами костюмов (в том числе, из собрания Художественно-промышленного музея Праги), образцами мебели, ювелирных украшений, изделий из стекла. Фотографии черно-белые и цветные.

Ценность книги значительно повышают списки литературы – последних изданий чешских и зарубежных исследований приводимые в конце каждой главы. Жаль лишь, что книга не содержит именного и предметного указателей, позволивших лучше ориентироваться в огромном фактическом материале, привлеченным большим авторским коллективом, включающим историков, этнографов, литературоведов, искусствоведов, фольклористов.

Монография "Начальный этап чешского национального возрождения. Общество и культура в 70–90-е годы XVII столетия" займет свое место в богатейшей литературе, посвященной истории и истории культуры Чешских земель в эпоху национального возрождения.

Л. Титова

РУССКОЕ ИСКУССТВО В ВАРШАВЕ

Piotr Paskiewicz. Pod berłem Romanów. Sztuka rosyjska w Warszawie 1815–1915
Warszawa 1991. 227 с., 125 илл.

Сложная историческая судьба Польши породила специфическую геокультурную ситуацию, определившую некоторые существенные особенности польской культуры в целом: с одной стороны, она могла выходить далеко за пределы этнически польских земель, охватывать своим влиянием восточнославянские, восточнобалтийские земли, с другой – на этнически польских землях могли "присутствовать" инонациональные культуры.

Взаимоотношения различных культур в большинстве случаев принимали естественную для них форму диалога, за исключением тех случаев, когда имело место насильственное насаждение чужого языка, чужой религии. Такая ситуация, в частности, сложилась на польских землях, входивших в состав России, в особенности после подавления восстания 1863 г.

В книге польского исследователя Петра Пащекевича "Под жезлом Романовых. Русское искусство в Варшаве 1815–1915" впервые собран и проанализирован обширный материал, который на примере Варшавы позволяет показать, как политическое положение Польши оказывалось в области архитектуры и изобразительного искусства. Следствием этого положения было возведение в бывшей польской столице крепости, православных церквей, а также установка памятников царским сановникам и генералам. На основании архивных изысканий автору удалось почти полностью идентифицировать все объекты подобного рода. Это было нелегко, так как подавляющее большинство из них не сохранилось – они были ликвидированы после восстановления независимости Польши в 1918 г.

Причины их исчезновения, как и причины создания, были политические. Речь шла о наполнении польского культурного пространства знаками чужой культуры. Поверхностно нанесенные, они легко стирались. Возникшие по государственному заказу, они преследовали прежде всего цель утверждения русского присутствия в Польше, пропаганду идей панславизма. Автор показывает роль этих сооружений и монументов как средства политической пропаганды, как отражение руссификаторских усилий, развивавшихся в особенности после 1863 г., в так называемом Привислинском крае, который был лишен последних признаков польской государственности. Их тенденциозный

характер раскрывают, в частности, приводимые в книге слова царского наместника в Польше Ф. Берга, написанные по поводу строительства в Варшаве собора Александра Невского: "... он должен напомнить миру и беспокойным полякам, что там, где возведен православный русский храм, русская власть и народ не уступят ни пяди земли. Возведение православной святыни в Варшаве как пограничного столба православной России оживит надежды остальных славян на объединение под знаком православного креста".

Сооружение в Варшаве православных церквей не было свидетельством лишь заботы о верующих. В этом нашла выражение реализация печально известного принципа "самодержавие, православие, народность". Хотя в Варшаве на протяжении рассматриваемого времени появилось свыше 40 православных церквей и часовен, до наших дней сохранились лишь две, выполняющие свои функции. Это церковь св. Марии Магдалины на Праге (правом берегу Вислы) – первая в Варшаве заново возведенная постройка в русско-византийском стиле (по проекту архитектора Священного Синода Н. А. Сычева, 1867–69) и небольшая церковь св. Иоанна Лествичника при православном кладбище (по проекту В. Н. Покровского, 1902). Обе сейчас служат православным прихожанам. Другие же были в разное время разобраны или отданы после переделок представителям католической и униатской конфессий.

Первоначальный облик, как показано в книге, был возвращен и зданиям, в XIX в. подвергшимся перестройкам в византийском стиле с целью приспособить их для православных церквей, так, например, обстояло дело с дворцом Сташица, в свое время возведенным на средства этого выдающегося польского ученого и общественного деятеля для Общества друзей науки (1820, архитектор А. Корацци). Он был построен на месте существовавшей здесь с 1620 г. московской часовни (*Sacellum Moscoviticum*) – мавзолея плененных гетманом Жулковским братьев Шуйских. Поэтому российскими официальными чинами было выражено мнение, что на этом месте необходимо устроить православную церковь, сделать ее символом победы, а не поражения. В 1893–95 гг. здание Корацци было перестроено под церковь св. Татьяны (арх. Покровский). В результате классическому строгому зданию, на фоне которого располагался памятник Копернику работы Б. Торвальдсена, был придан яркий декоративный облик, его фасад был закрыт разноцветной майоликовой плиткой, а покрытие увенчано луковичным куполом.

П. Пашкевич посвящает описанию церковной архитектуры в Варшаве два раздела, выделяя период до восстания 1863 г., когда прежде всего польскими мастерами – некоторые из них,

как отмечается в книге, охотно сотрудничали с новыми властями – переставались и сооружались церкви, не нарушавшие однако в целом градостроительного облика города. В это время наиболее тяжелые последствия для урбанистики Варшавы имело возведение в 1832–34 гг. Александровской цитадели (по проекту ген. И. Дена), помешавшее органичному развитию застройки вдоль Вислы.

Второй период, рассматриваемый автором, – после 1863 г., когда возводимые в официальном "русском" стиле церкви, уже по проектам русских архитекторов, приходили в резкое противоречие с общим характером Варшавы, им отводились особо заметные места, они нарочито нарушили исторически сложившиеся ансамбли, а потому вызывали особо негативную реакцию в обществе.

Опираясь на многочисленные впервые собранные публикации тогдашней прессы, различного рода листовочные издания, мемуары П. Пащекевич восстанавливает пластически-визуальный облик официозных церемоний, которые наряду с повседневным богослужением совершались в построенных церквях, тем самым служивших государственной политике.

В поле зрения автора оказались и различные формы окказиональной архитектуры, связанной с проведением всякого рода горжеств по поводу приезда в Варшаву русских императоров от Александра I до Николая II, коронации Александра I (1815) и Николая I (1829). Эта архитектура создавалась поляками и носила эмблематический характер – в книге описываются и возпроизводятся триумфальные арки, которые украшались изображениями, традиционно служившими прославлению справедливого монарха, его добродетелей – фигуры Справедливости, Мужества, Благочестия, Милосердия приветствовали Александра I с триумфальной арки в честь его первого прибытия в Варшаву (1815). Этот царь, давший полякам конституцию, былувековечен ими возведением собора св. Александра (1818–25, арх. Х. П. Айгнер). Разрушенный во время второй мировой войны он был восстановлен в первоначальных формах в 1949 г.

В книге подробно описаны пышные траурные церемонии, которые происходили в связи со смертью Александра в столице Королевства Польского, приводятся сведения о произведениях польских художников, созданных в связи с этим событием. Упомянут и факт исполнения во время траурной церемонии в кафедральном соборе св. Яна православных песнопений – это впервые имело место в Варшаве и произвело на публику большое впечатление. Не пропущена и такая деталь, как посвященная печальному событию бижутерия – черные браслеты и кольца с белой надписью по-французски: "Notre ange est au ciel!" –

изготовление подобных изделий с соответствующими надписями и символикой было популярно в Польше еще со временем восстания Костюшко.

В особую главу выделен материал, касающийся православного кладбища в Варшаве на Вольской улице, существовавшего с 1830-х гг., но официально открытого в 1841 г. Первыми здесь были похоронены русские военные, принимавшие участие в подавлении восстания 1830–31 гг. Это кладбище хорошо содержалось и на нем было установлено много интересных надгробий. Автор выделяет среди них две группы – одна, примыкающая к общеевропейской традиции, другая – памятники, выдержаные в византино-русском стиле (иногда включавшие и готизирующие элементы – они еще с XVIII в. рассматривались как знак отечественной старины). Среди последних особо выделяется памятник М. Арцыбашева, выполненный по рисунку С. Ноаковского в 1927 г. Отдельно описаны автором старообрядческие саркофаги, перенесенные сюда в 1960-е гг. со старообрядческого кладбища на Грохове.

Рассматривая пути русификации Варшавы в последние десятилетия XIX – начале XX вв. П. Пашкевич обращает внимание на резко отрицательное отношение к этому процессу представителей русской интеллигенции, в частности А. Блока, а также М. В. Нестерова, отказавшегося принять участие в освящении варшавского собора Александра Невского. Противники перестройки Дворца Сташица выступало Российское археологическое общество.

Культура не растворяется в политике, она имеет свое пространство и свои ценностные параметры. При всей тенденции озности создаваемых для Варшавы произведений архитектуры и искусства, которые для поляков были прежде всего знаком царской власти и не воспринимались ими как явление художественно-эстетическое, они тем не менее были таковыми. В их создании принимали участие видные русские мастера. Их уровень определялся общим состоянием церковного искусства того времени. Поэтому книга П. Пашкевича, впервые собравшего в них сведения, сохранившиеся иллюстративные материалы, описавшего их облик, в сущности каталогизировавшего их, несомненно представляет интерес для истории не толькопольской культуры, но и русского искусства, раскрывая малоизвестные его страницы.

"Российский эпизод" в истории архитектуры Варшавы, как назвал его П. Пашкевич, не оставил заметного следа в развитии русско-польских художественных связей. Русско-византийские постройки не оказали воздействия на польскую архитектурную

мысль – насильственно пересаживаемое легко отторгалось. Однако присутствие русского искусства в Варшаве не сводилось к официозу. Его изучение, успешно начатое польским ученым на особо "деликатном", а потому остававшемся в полном невнимании участке, может быть продолжено. Помощью в этом могут послужить российские архивы, где хранятся многие неопубликованные материалы, позволяющие приблизиться к воссозданию истории русско-польских художественных связей, которая может быть когда-нибудь будет написана.

И. Свирида

Научные конференции,
симпозиумы



КОНФЕРЕНЦИЯ
"ЛИНГВОДИДАКТИКА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ"
(К 400-летию со дня рождения Яна Амоса Коменского).

26–27 апреля 1992 г. на филологическом факультете Киевского университета им. Т. Шевченко прошла научная конференция "Лингводидактика славянских языков как феномен культуры". В оргкомитет конференции вошли ведущие ученые филологического факультета Киевского университета, институтов АН Украины, а также других вузов Киева (всего 17 человек). Конференция, посвященная памяти выдающегося славянского педагога и просветителя Я. А. Коменского, была приурочена к 400-летию со дня его рождения.

В свете гуманистических идей Коменского и возрожденческих процессов в странах современного славянского мира на конференции обсуждались актуальные проблемы теории и практики преподавания славянских языков. Содержание докладов и сообщений освещало четыре круга проблем современного славяноведения: 1) сравнительное изучение славянских языков (теория и практика); 2) лингвистическое описание этих языков как основы их преподавания; 3) современная методика преподавания славянских языков; 4) культурологический аспект их преподавания. Организаторы конференции отмечали, что стремятся обобщить опыт преподавания славянских языков для решения задач, связанных с расширением сферы употребления украинского языка. В одной из секций конференции обсуждалась современная языковая ситуация на Украине и проблемы описания и преподавания украинского языка. Доклады пленарного заседания, а также одной из шести секций, были посвящены изучению творческого наследия Я. А. Коменского. В работе конференции участвовали представители вузовской науки и сотрудники научно-исследовательских институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Алма-Аты, Харькова, Донецка, Дрогобыча, Запорожья, Переяслава-Хмельницкого, Луцка, Житомира, Кривого Рога, Твери, Воронежа, Могилева, Уфы, Джамбула. Зарубежная славистика была представлена учеными из университетских центров Польши (Институт полонистики, Института славянской филологии Ягеллонского университета (Краков), Института славянской филологии Вроцлавского университета), а также учеными из Белградского, Лейпцигского, Вильнюсского университетов и Вильнюсского педагогического института. В шести секциях конференции было заслушано 98 докладов и сообщений.

Открыл конференцию проректор КУ проф. В. Макара, освещивший выдающуюся роль Коменского в культуре всех славянских народов. От имени Украинского комитета Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур при ЮНЕСКО участников конференции приветствовал чл.-корр. АН Украины Г. Вервес. Проблемы гуманизации народного образования в контексте возрожденческих процессов в славянском мире и, в частности, на Украине рассмотрел в своем докладе директор Института украиноведения КУ проф. П. Кононенко. Докладчик показал преемственность педагогических идей Коменского в трудах лучших представителей украинской педагогики. Актуальность идей Коменского для современной школы продемонстрировал в своем докладе акад. М. Ярмаченко, отметивший, как много дал Коменский нашей школе: всеобщее обучение молодежи, обучение на родном языке, введение наглядности в учебный процесс, концепцию непрерывности образования молодого человечка (до 6 лет, до 12 лет, до 18 лет, до 24 лет), классноурочную систему – Коменский показал центральную роль учителя в учебном процессе. О современной интерпретации "Дидактики" Коменского, о ее структуре в трудах великого педагога шла речь в докладе А. Алексюка (Киев) и сообщении М. Касьяненко (Киев).

Выступавшие отметили, что в основе трудов Коменского лежит логика Аристотеля, труды Эвклида и Сократа. Его стилю присущи лаконичность и четкость. Труды Коменского освещают разные стороны педагогики. Излагая дидактику, Коменский дополнял ее системой воспитания. На первое место среди обучающих дисциплин онставил диалектику, выделяя также основы этики и морали. Вопросам нравственного воспитания в концепции Коменского, поискам истины у Бога, столь характерным для эпохи Возрождения, посвятил свой доклад В. Заслуженюк (Киев). О педагогических открытиях Коменского сообщил К. Деликатный (Киев). Эта тема получила развитие и в сообщении С. Бондарь (Киев) "Вопросы методики урока в педагогическом наследии Я. А. Коменского".

На секции "Языковая ситуация на Украине. Проблемы описания и преподавания украинского языка" рассмотрены следующие проблемы: фонетико-морфологическая интерпретация в украинском устном официально-деловом языке (В. Чемес, Киев); традиции и современность в украинской лингводидактике (Н. Присяжнюк, Киев); языковые особенности русско-украинской контактной зоны (В. Дьякова, М. Авдеева, Воронеж; О. О. Гуцулюк, Киев); история украинской математической терминологии (О. Лобач, Киев); феномен народно-поэтической лексики (Н. Данилюк, Луцк); проблема происхождения укра-

инского и русского народов и их языков (М. Верба, Переяслав-Хмельницкий). Особенno оживленная дискуссия развернулась при обсуждении докладов о создании компьютерной грамматики украинского языка XIX в. (В. Витковский, Ягеллонский университет), о готско-украинских лексических контактах (В. Карабан, Киев).

О преподавании и изучении украинского языка в земле Саксония шла речь в докладе д-ра Н. Бьернера и д-ра У. Грубе (Лейпцигский университет), заслушанном на первом пленарном заседании конференции.

На секции "Сопоставительные исследования славянских языков (теория и практика)" в докладах, сообщениях и выступлениях в дискуссии рассматривались различные аспекты генетического, типологического и ареального изучения славянских языков, анализировались вопросы конфронтационного описания фонологии, грамматики и лексики современных славянских языков. Генезис и типология сложных слов в восточнославянских языках были рассмотрены в докладе Ф. Никитиной (Киев). Типология первичных предлогов в славянских языках и генезис функционального взаимодействия категории предлога (послелога) и категории падежа в индоевропейских языках анализировались в докладе Р. Болдырева (Киев). Вопросы исторической деривации славянских языков характеризовались в сообщении Т. Черныш (Киев). Древнейшие славяно-германские лексические параллели рассматривались в сообщении И. Берниятовой (Киев). Историко-сопоставительная характеристика выражения делиберативного объекта в славянских языках была представлена в докладе А. Черенковой (Воронеж). Теоретико-дидактические основы типологического изучения близкородственных языков анализировались в докладе Л. Кадомцевой (Киев). Общие вопросы сранительного и типологического изучения языков рассматривались в докладах Дицковской Л. (Киев), А. Мамрак (Запорожье). Лингво-дидактическим аспектам изучения межъязыковой омонимии на материале чешского и украинского языков был посвящен доклад Н. Зайченко (Киев) и О. Паламарчук (Киев); явлениям украинскосербскохорватской паронимии был посвящен доклад Л. Попович (Белград). Вопросы имплицитной морфологии болгарского языка как дидактической дисциплины анализировались О. Соколовым (Москва). Активные современные новационные лексические процессы в восточнославянских языках в контексте социально-языковой ситуации "лексического дефицита" рассматривались в докладе М. Карпенко (Киев). Принципы описания в синхронии словообразовательных категорий на материале сербскохорватского и русского языков были представлены в докладе М. Киршовой

(Москва). Основные предпосылки и положения изучения фонетики русской и украинской речи характеризовались на широком новом экспериментальном материале Л. Скалоуб (Киев).

Вопросы преимущественно конфронтационного изучения синтаксиса, морфологии, морфонологии и лексики современных славянских языков анализировались в докладах и сообщениях В. Аскоченской (Воронеж), Ю. Долгова (Могилев), А. Царука (Кривой Рог), М. Федурко (Драгобыч), И. Ровдо (Минск), В. Дубичинского (Харьков), Н. Тимошенко (Киев).

Большой круг проблем был рассмотрен на секции "Лингвистическое описание языков как основа их преподавания": лингвистические проблемы исследования текстов произведений Я. А. Коменского (О. Паламарчук, Ю. Саплин); проблемы современного развития словарного состава славянских языков и их исследование по лексикографическим и текстовым источникам (М. Карпенко, И. Кулинич, Г. Суховерхова, Ж. Ларионова, Т. Давыдова); вопросы системно-деривационных характеристик и словообразовательного моделирования (Л. Моисеева, М. Карпенко, Г. Суховерхова, И. Кулинич); вопросы речевой деятельности в номинативном и коммуникативно-прагматическом аспектах (Е. Снитко, Л. Моисеева, И. Сухан, Э. Ганыш, Л. Панько); проблемы лексической и грамматической семантики славянских языков (Л. Шахова, Л. Панько, Т. Волынец); вопросы лингвистики и стилистики текста (Т. Давыдова, Ж. Ларионова, Л. Панько); лингводидактические и лингвометодические основы преподавания современных славянских языков (Е. Снитко, И. Сухан, Э. Ганыш, Л. Баранова, Т. Волынец).

Широкий круг проблем рассматривался в докладах славистов из Польши. Доклад В. Медунки, директора Института полонистики (Ягеллонский университет), заслушанный на первом пленарном заседании, был посвящен изучению польского языка в контексте мировых и этнических языков. Несмотря на то, что польский язык как неродной или иностранный начал формировать собственную методику относительно недавно (в сравнении с мировыми языками), опыт преподавателей-полонистов из Польши весьма показателен и заслуживает осмысления и изучения. В. Медунка осветил этот опыт в русле тех перспектив, которые открываются и перед преподавателями украинского языка как народного или иностранного. В докладе было обращено внимание на повышение интереса к изучению польского языка после 1980 г., вызванного стремлением многих иностранцев польского происхождения разобраться, что же происходит в Польше и вести переговоры напрямую, без посредника. Появились желающие изучать польский язык для удовлетворения личных образовательных потребностей, вызванных

необходимостью идентифицировать себя как народ, стремлением ответить на вопрос "Кто мы?" и в чем проявляется национальная сущность поляков или их "польскость"? Стимулирующим фактором, – отметил докладчик, – является использование новейших ТСО, особенно в молодежной аудитории. Увеличение сферы устного общения на польском языке как иностранном или народном выдвигает перед полонистами задачу разработки современной функциональной и коммуникативной грамматики. Как бы ответом на этот вопрос прозвучал доклад д-ра Б. Зинкевич-Томанек (Ягеллонский университет), посвященный малоразработанной теме – формулам вежливости в украинском языке в сопоставлении с польским, – изобиловавший живыми и остроумными примерами из современного речевого этикета двух славянских народов. Украинская тема прозвучала и в докладе В. Витковского (Ягеллонский университет), который был посвящен исследованию динамики грамматической системы украинского языка в свете сопоставления галицких грамматик XIX в. Д-ром В. Витковским выявлены тенденции сближения языковых систем западно-украинских говоров с восточно-украинским языком, наметившиеся к концу XIX в. первые признаки их воссоединения. Живой интерес славистов разных учебных центров вызвал доклад д-ра Б. Конопелко из Института славянской филологии (Вроцлавский университет), посвященный вопросам оптимизации и актуализации преподавания славянских языков в условиях нового рынка труда по обе стороны границы. Углубление культурологического аспекта обучения, усиление его профессиональной направленности и конкретности, разработка новой программы по специальностям переводческой филологии – верные шаги в этом направлении. Оптимизация преподавания языков в современных условиях несомненно способствовали бы и совместные долгосрочные программы сотрудничества специалистов из вузов близкого профиля в Польше и в странах Содружества.

В докладах и сообщениях, заслушанных на секции современных проблем методики преподавания славянских языков, рассматривались такие темы как интенсификация учебного процесса, описание языка в учебных целях, влияние интерферов в условиях билингвизма, обучение языку в вузе и школе, и др. Интересные данные были представлены в ряде работ аспирантов, ведущих исследования в области описания языка в лингводидактических целях. В докладах и сообщениях представителей Вроцлавского, Харьковского, Киевского университетов, а также Киевского института гражданской авиации был представлен опыт создания и апробации учебных систем. Обсуждение заслушанных на секции докладов и сообщений пока-

зало, что можно считать перспективными дальнейшие исследования по следующим направлениям: разработка психологических и лингводидактических стимулов для поддержания мотивации на разных этапах обучения; поиски путей оптимизации учебного процесса; разработка сопоставительных материалов по семантико- и формальносинтаксическому оформлению речи.

Большое внимание на конференции было уделено культурологическому аспекту преподавания славянских языков. Для докладов этой группы характерна широта и разнообразие тематики привлекаемого материала. В ряде докладов трактовалась проблематика исследования художественного текста – одного из основных источников изучения иностранного языка. В докладе Н. Молотаевой (Киев) с привлечением ярких примеров из "Мастера и Маргариты" М. Булгакова и украинских художественных текстов предложена оценка информационной ценности по-разному формируемых речевых образов в структуре художественного текста. С. Бураго (Киев) напомнил о необходимости учитывать в филологическом анализе художественного произведения как личность автора, так и читателя. Развернутая характеристика художественного текста как феномена национальной культуры и своеобразной "среды бытования" культуро-маркированных национальных языковых знаков содержалось в докладе Н. Зайченко (Киев). Этим выступлением обнародована идея создания банка национальных языковых знаков, предлагаемая кафедрой украинского, русского языков и методики их преподавания как иностранных (Киевский университет). Докладчиком были намечены направления изучения культурно-маркированных лингвореалий национального и, в частности, украинского художественного текста. В теоретическом плане актуальным представляется такое функционально-прагматическое описание этих структурно и генетически неоднородных языковых знаков национальной культуры, которое бы учитывало их временные и пространственные характеристики; взаимодействие в пределах одного текста общеевропейских и национально-специфических элементов культуры; разные приемы включения указанных единиц в тексты разной жанрово-стилистической принадлежности; возможность социокультурной интерференции при восприятии украинского художественного текста иностранцами. Поскольку за каждым текстом стоит не только система языка, но и конкретная языковая личность, самостоятельный интерес представляют психолингвистический и социокультурный аспекты изучения языковых знаков национальной культуры.

В русле этой же проблематики было сделано еще несколько докладов. Два из них были посвящены изучению паремийного

фонда (пословицы и поговорки) в славянских языках. Продолжая разработку проблемы изучения культурно-маркированных языковых знаков, Г. Миронова (Киев) показала актуальность педагогического использования этого фонда, сконденсировавшего в себе многовековой опыт народа. Привлечение этого благодатного лингвистического материала преподавателями-практиками способствовало бы осмыслению его как "культурных знаков", стимулировало бы выявление в нем компонентов, детерминированных различиями культур. А это, в свою очередь, позволило бы разработать систему предупреждения ошибок, связанных с несовпадением "культурных знаков" разных этносов, которые могут возникнуть в процессе межкультурной коммуникации. Эта же тема была развернута на паремийном материале болгарского языка в докладе О. Коваль-Костинской (Киев), которая сделала акцент на методике изучения паремийного фонда в иностранной аудитории.

Лингводидактической ценности национальных переводов Библии в практике преподавания современных славянских языков был посвящен доклад Г. Тяпко (Москва). Докладчик отметила недооценку переводов Библии в качестве актуальной учебной литературы при совершенствовании навыков речевой и переводческой деятельности студентов, особенно старших курсов. Сделав обзор имеющихся многочисленных переводов Библии на русский и другие славянские языки, Г. Тяпко уточнила критерии их отбора для учебного процесса, определила круг задач, решаемых с помощью сравнения разноязычных и одноязычных разновременных переводов. Это выступление сопрягалось с рядом предшествующих докладов, посвященных выявлению параметров отбора национальных языковых знаков той или иной славянской культуры. В частности, было показано влияние конфессионального своеобразия на формирование словарного фонда национальных языков, адаптировавших огромный пласт библеизмов из разных книг Священного Писания. Тема языковых знаков национальной культуры получила методическую интерпретацию в интересном сообщении Г. Михиной (Донецк), посвященном углубленному изучению болгарской антропонимики в сочетании с базовым учебником болгарского языка. Об интенционном учебном словаре-минимуме по теме "Искусство" (театр, кино, цирк, музыка, живопись), подготовленном на кафедре русского языка и методики его преподавания Башгосуниверситета, сделали сообщение Л. Саяхова и Н. Галлямова (Уфа). Г. Онкович (Киев) представила специализированное учебное пособие по украинскому языку для архитекторов и строителей (совместно с А. Пусковым), вызвавшее живой интерес необычностью своего замысла, отразившегося и в его назва-

нии "Утраченные памятники архитектуры Киева в воспоминаниях, фотографиях и рисунках". Эстетическим особенностям научного стиля речи посвятил свое сообщение С. Синица (Киев).

Дискуссия по докладам и сообщениям проходила живо, заинтересованно и завершилась круглым столом на тему "Научный поиск в лингводидактике славянских языков". В большинстве докладов и сообщений были представлены результивные и перспективные направления научных и научно-методических исследований. Конференция прошла успешно вопреки экономическим трудностям в странах Содружества. Она показала целесообразность проведения комплексных научно-педагогических конференций с широкой проблематикой славяноведческих исследований. Культурная программа конференции традиционное украинское гостеприимство сделали киевскую встречу славистов не только полезной, но и приятной.

Материалы конференции в виде тезисов докладов будут депонированы, а доклады и сообщения будут опубликованы в научно-методическом сборнике Киевского университета.

Г. Тяпко (Москва, Россия)
Р. Болдырев (Киев, Украина)

Знаменательные даты
в истории
славянских народов



ПЕРВЫЙ ВЕК БЕЛОРУССКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ (475 лет назад в Праге была издана первая белорусская книга)

XV и XVI века – время невиданного взлета во всех областях культуры европейских народов, период ее глубочайших изменений. Ренессанс, Реформация и контрреформация перевернули саму историю Европы. Именно в эту пору происходит и революция в книжном деле – появляется книгопечатание, рождается огромная "Галактика Гуттенберга", непрерывное развитие которой главным образом и обеспечило успех нового социально-политического и интеллектуального переворота.

Волны Ренессанса, его гуманистические идеи дошли и до окраин континента. Как и повсюду, проводником их прежде всего выступала печатная книга.

475 лет назад, 6 августа 1517 г., в Праге была издана первая белорусская печатная книга – Псалтырь, часть "Бивлии русской", выходившей в свет отдельными выпусками в течение нескольких лет. Библию эту издал белорусский гуманист, воспитанник европейских университетов, доктор Франциск Скорина, оставивший значительное, им же самим опубликованное, литературное наследие на языке, близком к народному – белорусскому.

В начале 1520-х гг. в городе Вильне – столице Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, в состав которого входили белорусские, русские, литовские, а до 1569 г. и украинские земли – Ф. Скорина напечатал новые книги, предназначавшиеся для чтения людям простым, "посполитым".

В дальнейшем белорусское книгопечатание продолжает успешно развиваться, а усложнившаяся языковая ситуация, использование в литературной практике наряду с церковнославянским и старобелорусским языками латинского и польского языков приводят к появлению разнообразной многоязыковой печатной литературы, обслуживавшей интересы не только белорусского населения, но и литовского, а также польского, украинского, русского и других.

Многоязыковая печатная литература Беларуси в этот период становится ведущей среди печатных литератур ряда народов Восточной Европы. В количественном отношении она, например, в несколько раз превосходит подобную многоязыковую украинскую печатную литературу. Даже число книг изданных белорусами только кирилловским шрифтом в два раза превышает количество всех печатных книг, увидевших свет на Украине до конца XVI в. включительно.

Особенности исторического развития Великого княжества Литовского, называвшегося современниками чаще "Русью Литовской" наряду с "Русью Московской", то есть Россией, оказывают определяющее воздействие и на рукописную книжность, которая с появлением печатных книг постепенно замедляет свое развитие. Книжность эта создавалась почти исключительно с помощью кирилловского письма на церковнославянском и отчасти старобелорусском языках. Латино- и польскоязычные рукописи до второй половины XVI в. были единичны. Подобному положению в определенной степени способствовало то, что основным, то есть государственным, языком Великого княжества Литовского был так называемый "русский" – своеобразный письменный белорусско-украинский язык тех времен, который после отхода в 1569 г. Украины к Польше развивался в границах государства почти исключительно белорусами и отчасти литовцами, усвоившими старобелорусский язык и графику в качестве своих собственных, когда даже в канцелярии Виленского католического "епископства для ведения хозяйственных дел употреблялся русский /белорусский/ язык" /История Литовской ССР. Вильнюс, 1978, с. 104/

Жанрово-тематическое, языковое и идейное богатство белорусской печатной и рукописной литературы эпохи Возрождения, нахождение ее сразу в двух главнейших руслах развития всей европейской христианской культуры: восточном, византийском, православном и западном, латинском, католическом и протестантском, делает ее абсолютно уникальным явлением – национальное и интернациональное здесь сливаются в тесное единство, которое несет Слово для многих народов востока и юга Европы.

Как показывают подсчеты, до 1596 г., то есть примерной верхней хронологической границы эпохи Возрождения на Беларуси, на белорусской земле и за ее пределами для белорусов православных, католиков и протестантов было издано около четырехсот книг; более четверти из них напечатано кирилловским шрифтом. Совокупный тираж всех изданий составил свыше трехсот тысяч экземпляров, то есть на белорусский книжный рынок хлынул огромный поток поликонфессиональной литературы, совершенно изменивший коммуникационную систему общества.

За вторую половину XVI в. – время регулярного книгопечатания в Великом княжестве Литовском – для белорусов здесь было издано книг лишь втрое меньше, чем для поляков в Польше, численно превосходивших белорусов почти в три раза.

Белорусские кирилловские издания составили чуть меньше половины всех кирилловских изданий XV–XVI вв., увидевших

свет в разных странах. Примерно такое же соотношение и совокупных тиражей этих изданий, где белорусские также составляют чуть меньше половины. Цифры эти становятся особенно выразительными, если учесть, что в России до 1596 г. вышло в свет всего лишь немногим более десяти изданий, а на Украине — тридцати.

Вся печатная литература Белоруссии до 1596 г. может быть разделена по ряду признаков, прежде всего по языковой принадлежности и шрифтам, которым печатались книги — латиница, кириллица, греческий.

Более всего напечатано книг на польском языке, чуть менее на латинском, четверть — на "славенском" и старобелорусском языках, по одной на греческом и итальянском.

Самые объемные и сложные по составу — православные кирилловские издания, они порой содержат многие сотни произведений. Наименее оригинальны в целом латиноязычные издания, значительная их часть носит сугубо официальный характер, к тому же многие из них малообъемны.

Особенностью всей печатной литературы этого периода является то, что большая часть оригинальных авторских произведений написана теми, кто родился или жил в Великом княжестве Литовском, связал с ним свою судьбу, долгие годы участвовал в белорусском литературном процессе.

Белорусские издатели и типографы XVI в. почти никогда не были исполнителями чужой воли, они печатали то, что считали нужным — это одна из важнейших особенностей их деятельности, оказавшей колossalное влияние на развитие культурного процесса. Белорусским типографам и издателям удалось создать несколько типов печатных книг, имеющих свои собственные черты, отличающие их от прочих подобных изданий. Особая заслуга в этом принадлежит типографиям Франциска Скорины, Петра Мстиславца, Мамоничей, Виленского братства.

Сравнивая оформление белорусских кирилловских изданий и книг, напечатанных латиницей, легко убедиться, что при создании первых принципы византийской эстетики соблюдались почти неукоснительно. Правда, от принципов этих в определенной степени стали отступать уже в 1590-е гг., а иногда и ранее, но это касалось преимущественно нелитургической литературы.

Книги набранные латиницей во многом напоминают аналогичные западноевропейские и польские, вполне "западное" по оформлению и единственное грекоязычное издание.

Вместе с тем, в той и другой группах зачастую используются одна и та же орнаментика, а значительная часть изданий, включая и полемические книжки вышедшие из братской типо-

графии, имеет некий компромиссный вид. Происходит смешение стилей, переплетение различных культурных традиций, становящихся новым единством, рождающимся порой в непримиримом противоборстве.

Все возможные количественные подсчеты и анализ содержательной стороны свидетельствуют о ведущей роли белорусской печатной литературы XVI столетия среди литератур ряда народов востока и юга Европы, в том числе русского, украинского, болгарского, сербского и других; неопровергнуто доказывают, что белорусская кирилловская печатная литература православной ориентации была тогда крупнейшей в мире, богатейшей как по числу изданий, так и по составу.

В XV – первой половине XVI вв. во всей продукции типографий кирилловского шрифта доля белорусских составляла более половины, во второй половине XVI в. – около сорока процентов. Это ставит белорусскую печатную литературу в ряды ведущих в Европе, распространяющих свое влияние во все концы материки. Особенно сильным это влияние было в России XVI–XVII вв., причем основным посредником в этом всегда выступала печатная книга.

Белорусские печатные книги к концу XVI в. буквально наводнили почти семимиллионную Россию, для которой Мамоничи стали издавать специально, как бы даже на своего рода социальный заказ, используя московские оригиналы. Мамоничи имели полное право постоянно подчеркивать в своих изданиях, что выпускают их для распространения "в краях Московских, Волошских, Сербских и Булгарских". Дошедшие до нас экземпляры этих изданий свидетельствуют об интересе к белорусской печатной литературе во многих странах Европы: от холмов туманного Альбиона до каменного пояса Уральских гор, от Скандинавии до земель балканских народов.

Подсчеты показывают, что на сегодняшний день в мире сохранилось около четырех тысяч экземпляров всех изданий кирилловского шрифта XV–XVI вв., среди которых половина – белорусские. Абсолютное большинство белорусских кирилловских изданий XVI в. ныне сберегается вне Беларуси, в основном в Российской Федерации: в Москве и других крупных городах.

Белорусские издания латинского шрифта наиболее многочисленны в Польше, Литве, на Украине, уникальные их экземпляры есть в Швеции, Великобритании, Франции и других странах. Однако менее всего их сейчас в самой Беларуси, типографии которой в далеком XVI столетии экспорттировали в "иные земли" не только книжную продукцию, но и типографское оборудование, помогали в создании там собственных издательских центров. Белорусские издатели и типографы, видимо, прини-

мали участие и в возрождении русского книгопечатания в XVI в., а также поддерживали его на протяжении всего XVII столетия и в начале XVIII. Эстафету белорусской старопечатной книжности в России XVI в. в XVII столетии приняли последующие поколения белорусских типографов и издателей, в том числе и те, кто внес свой непосредственный вклад в русскую старопечатную литературу – православные мастера кутейнской типографии, целиком вывезенной в Россию; Симеон Полоцкий и созданная специально для него Верхняя типография в Москве; сподвижник Петра I протестант Илья Копиевский, литератор и издатель, многое взявший из наследия Ф. Скорины и столь успешно потрудившийся на благо молодой России.

В XVI в. на белорусском культурном пространстве все заметнее становятся неславянские литературные вкрапления, прежде всего еврейские и татарские. Постепенно образуются крупные еврейские и татарские литературные центры, тесно взаимодействовавшие с центрами белорусскими. Взаимовлияние всех этих литератур временами очень значительно, причем его результаты оказывают воздействие и на культуры соседних народов, включая русский.

К сожалению, история еврейской и татарской литератур в Великом княжестве Литовском XVI в., да и других веков, практически не изучена. Существуют лишь, по сути, единичные работы, в которых рассматриваются отдельные памятники книжности и литературы, обнаруженные, вследствие их чрезвычайной ныне редкости, чуть ли не "археологическими" методами.

Ю. Лабынцев (Москва, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ ПО БИБЛЕИСТИКЕ

В. Ефимова	Об апостольских чтениях в составе Синайского Евхология (в связи с последними открытиями в монастыре св. Екатерины на Синае)	4
А. Турилов	О времени и месте создания пергаменного Евангелия "Мемнона-книгописца" (БАН, Доброхотов. 26)	15
Л. Смирнов	К истории перевода Библии на словацкий язык	47
М. Ермакова	К истории первых переводов Библии на сербо-лузитанский язык и их роли в развитии серболужицкой письменности	60
Г. Венедиктов	Судьба первых печатных изданий Нового Завета в новоболгарских переводах	70
Г. Тяпко	Перевод Библии в социально-культурном контексте национального возрождения сербского народа	89

ИЗДАНИЯ ПО СЛАВЯНСКИМ КУЛЬТУРАМ

А. Гутнин	Новые издания ранних славянских Библей. Рец. на: Biblia Slavica. Nachdrücke der ältesten Ausgaben slawischer und baltischer Bibelübersetzungen. Herausg. von R. Olesch und H. Rothe unter Mitarbeit von F. Scholz. Serie II: Polnische Bibeln. Bd. 1; Serie III: Ostslavische Bibeln. Bd. 4; Paderborn – München – Wien – Zürich. 1988–1989.	103
Ю. Лабынцев	Исследование о белорусских и украинских "литургионах" XVI–XIX веков. Рец. на: Laurence Daniel Huculak. The Divine Liturgy of St. John Chrysostom in the Kievan Metropolitan Province during the period of the Union with Rome. Rome. 1990.	107
Л. Титова	Начальный этап чешского национального возрождения. Рец. на: Počátky českého národního obrození Společnost a kultura v 70. až 90. letech 18. století. Praha. 1990.	109
И. Свирида	Русское искусство в Варшаве. Рец. на: Piotr Paszkiewicz. Pod berłem Romanów. Sztuka rosyjska w Warszawie 1815–1915. Warszawa, 1991	114

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ

Г. Тяпко	Конференция "Лингводидактика славянских языков как феномен культуры" (К 400-летию со дня рождения Яна Амоса Коменского)	120
Р. Болдырев		

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Ю. Лабынцев

Первый век белорусского книгопечатания (475 лет назад в Праге была издана первая белорусская книга)

129

Подписано в печать 20.07.93. Формат бумаги 60 X 90^{1/16}.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,6. Тираж 500 экз.
Заказ № 76 Цена договорная

inslav

Отпечатано на ротапринте НИПИстатинформ.

~~1419238~~ 1419226

RU